

57

Г-95

P173215

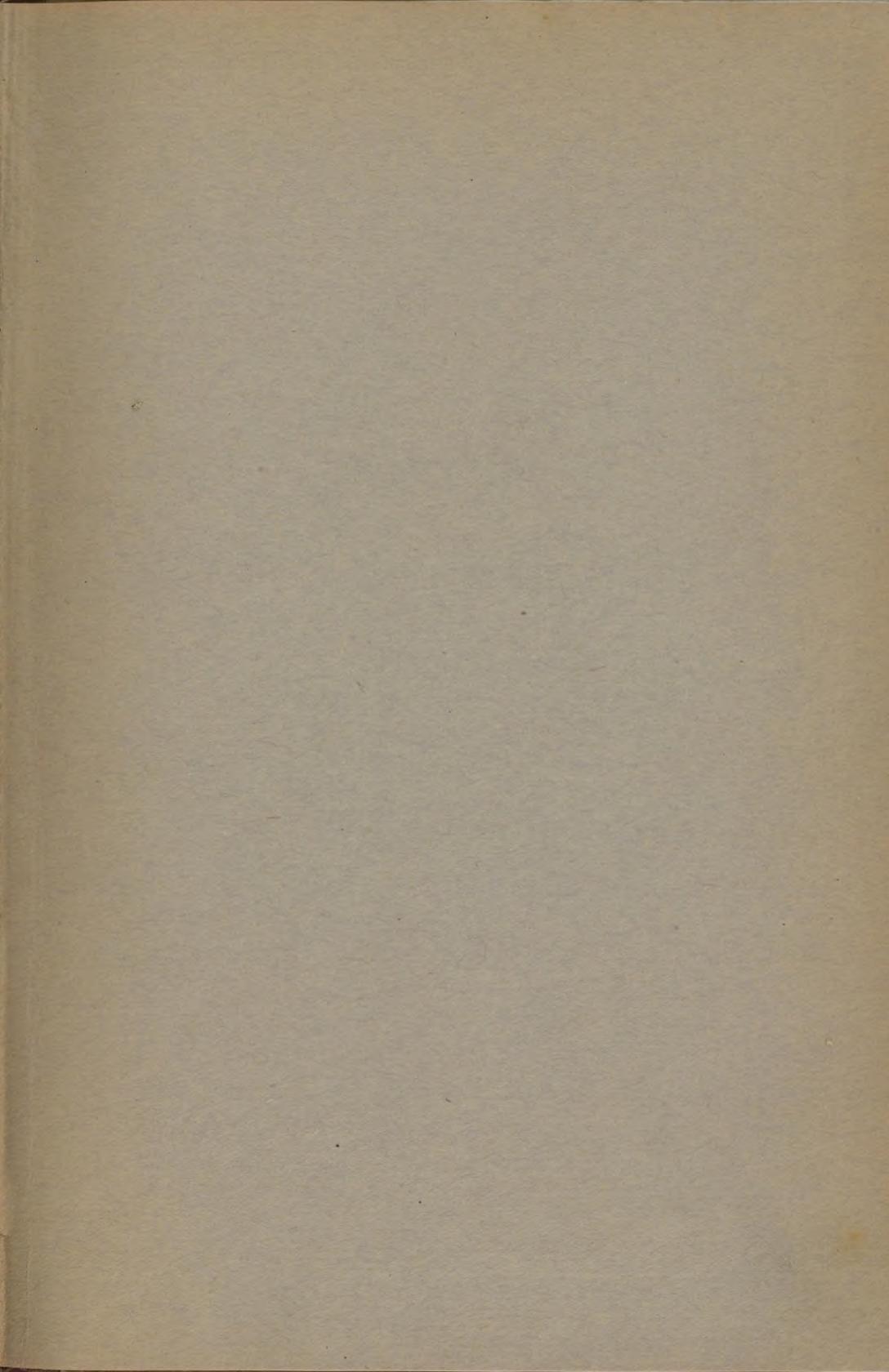
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

Г. А. ГУРЕВ

**АТЕИЗМ
ЧАРЛЬЗА ДАРВИНА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

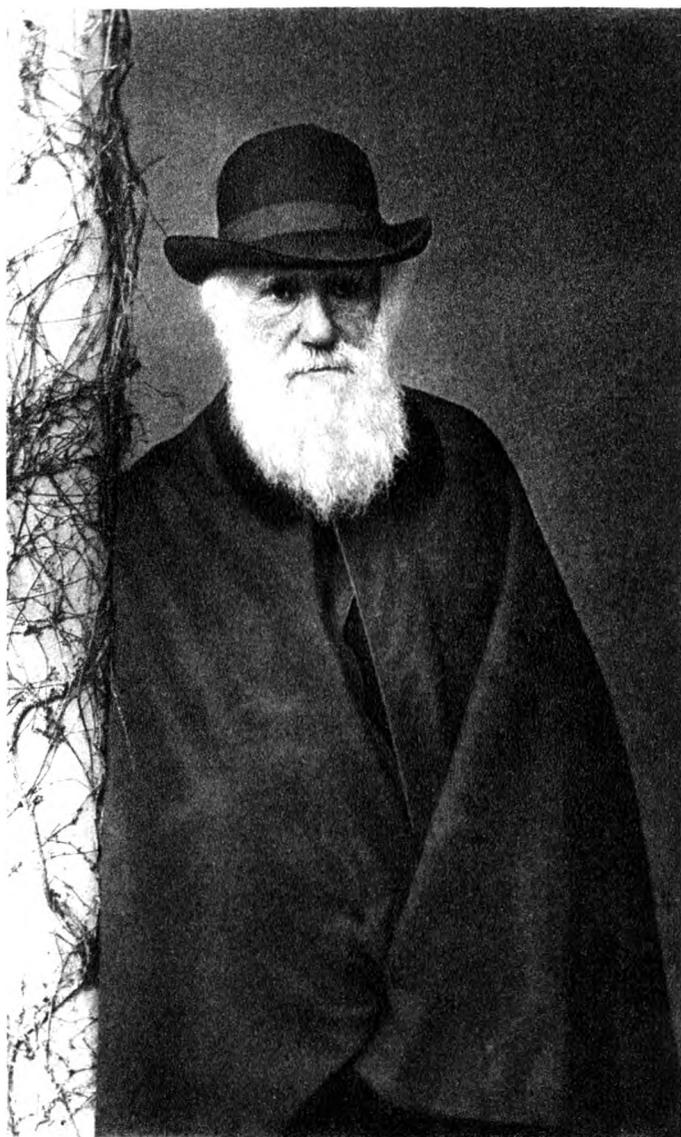
72

13

В СЕРИИ

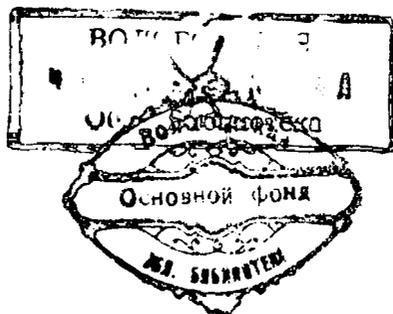
Ch. Darwin

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

Г. А. ГУРЕВ

АТЕИЗМ
ЧАРЛЬЗА ДАРВИНА

1732/5.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ
Под общей редакцией акад. С. И. Вавилова

$$\frac{57}{Г-95} + 215$$

ВВЕДЕНИЕ

Во всей истории естествознания очень мало найдется исследователей, оказавших такое глубокое влияние на умы всех мыслящих людей, как Чарльз Дарвин (1809—1882). Этот гениальный натуралист является одним из наиболее передовых представителей естествознания нового времени. Его учение произвело величайший переворот в биологии, отвергнув старое, привычное религиозно-метафизическое представление о живой природе. В своей речи на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г. товарищ Сталин, говоря о передовой науке, отнес Дарвина к числу тех «мужественных людей, которые умели ломать старое и создавать новое, несмотря ни на какие препятствия, вопреки всему».

В чем же выразилось мужество Дарвина? На этот вопрос ответил Ленин, отметивший в своей работе «Что такое „друзья народа“», что «Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, „богом созданные“ и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними» (Ленин В. Сочинения, т. I, стр. 63).

Действительно, всю исключительную мощь своего ума Дарвин отдал на то, чтобы окончательно опровергнуть старое представление об органическом мире как о чем-то неизменном, застывшем. Он дал непревзойденное по своей убедительности доказательство факта органической эволюции и выявил главнейшие факторы развития живой природы. Своей теорией естественного отбора Дарвин дал строго научное объяснение таким поразительным, «чудесным» явлениям, как совершенство и разнообразие органических форм, и этим окончательно крушил телеологию в ее последнем и наиболее серьезном естественнонаучном убежище. Наконец, Дарвин включил человека в цепь органической эволюции, сделав несомненным то положение, что это «подобие божие» не занимает привилегированного положения в мире живых существ, а имеет животное происхождение.

Таким образом, вся долгая трудовая жизнь Дарвина ушла на создание, обоснование и защиту того учения, которое на-

несло мощный удар главнейшим «устоям» религиозного мировоззрения. Дарвинизм дал нам возможность объяснить природу ее собственными свойствами, т. е. строго материалистически, так как из этого учения следует, что никакого творца живой природы нет, что понять природу можно, только изучая ее. Поэтому виднейший биолог Томас Гексли (1825—1895) сравнил впечатление, произведенное на него дарвинизмом, с впечатлением от вспышки молнии, которая освещает дорогу человеку, заблудившемуся темной ночью. Знаменитый ботаник Уотсон еще в 1859 г., вскоре после выхода в свет главной книги Дарвина, писал великому натуралисту: «Вы — величайший революционер в современном естествознании или, вернее, — в естествознании всех времен».

Дарвин считал себя только естествоиспытателем, причем он не любил заниматься социологическими, философскими, религиозными и вообще так называемыми общими мировоззренческими вопросами. Несмотря на это, Дарвин оказал огромное влияние на все научно-философское мировоззрение, так как он, хотя и стихийно, больше, чем кто-либо другой, сделал для конкретного, фактического обоснования диалектико-материалистического понимания органической природы. При этом замечательно то, что время выхода в свет великого произведения Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение избранных пород в борьбе за жизнь» почти совпало с временем появления гениальной работы Маркса «К критике политической экономии»: книга Дарвина была издана 24 ноября 1859 г., а книга Маркса — в июне того же года. Хотя это историческое совпадение в известной мере случайно (ведь Дарвин мог опубликовать свое учение несколько раньше или позже), оно невольно вызывает желание найти нечто общее в той революции в умах, которая вызвана этими двумя книгами. Поэтому великий русский естествоиспытатель К. А. Тимирязев (1843—1920) в своем очерке «Ч. Дарвин и К. Маркс» писал: «В чем же заключалась общая, сходственная черта этих двух революций, одновременно проявившихся в 1859 году? Прежде всего в том, чтобы всю совокупность явлений, касающихся в первом случае всего органического мира, а во втором — социальной жизни человека, и которые теология и метафизика считали своим исключительным уделом, изъять из их ведения и найти для всех этих явлений объяснение, заключающееся „в их материальных условиях, констатируемых с точностью естественных наук“ („К критике политической экономии“» (Т и м и р я з е в К. «Наука и демократия», 1920, стр. 467).

Как известно, Маркс и Энгельс следили не только за политической, экономической и исторической литературой, но и за естественнонаучной, технической и пр. «Происхождение видов» они внимательнейшим образом прочли вскоре после выхода этой книги, причем Маркс ее цитирует в I томе «Капитала» и отзы-

вается о ней как о «сделавшей эпоху работе». В. Либкнехт в своих воспоминаниях о Марксе рассказывает: «Маркс был одним из первых, понявших значение дарвиновского исследования. Еще в 1859 г.... у нас в течение месяца ни о чем не было речи, как о Дарвине и о победоносной силе его научных завоеваний». Энгельс же защищал учение Дарвина от нападок антидарвиниста Дюринга и приложил немало усилий к тому, чтобы выявить и оттенить в дарвинизме его революционную суть и, очистив это учение от буржуазной шелухи, возвысить его до действительной всесторонней теории развития органического мира.

Уже 19 декабря 1860 г. Маркс пишет Энгельсу о своем впечатлении от чтения книги Дарвина: «Хотя изложено грубо, по-английски, но эта книга дает естественно-историческую основу наших взглядов» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XXII, стр. 551). Эту же мысль Маркс повторил 16 января 1861 г. в письме к Лассалю, в котором он писал: «Очень большое значение имеет работа Дарвина; она годится мне как естественнонаучная основа исторической борьбы классов. Приходится, конечно, мириться с грубо английской манерой изложения. Но, несмотря на все эти недостатки, здесь впервые не только нанесен смертельный удар «телеологии» в естественных науках, но и эмпирически выяснен ее рациональный смысл» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XXV, стр. 377). Впечатление от этой книги было у Маркса настолько сильно, что через год он прочитал её вторично, и опять с большим интересом, отметив лишь некоторые следы влияния буржуазной идеологии того времени на дарвиновское учение о борьбе за существование.

Что же касается Энгельса, то он прочитал великое творение Дарвина немедленно после выхода его в свет, причем сразу же обратил внимание Маркса на исключительно крупное значение этой книги. Уже 12 декабря 1859 г., т. е. всего только через несколько дней по выходе ее из печати, Энгельс пишет Марксу: «Вообще же Дарвин, которого я как раз теперь читаю, превосходен. В этой области телеология не была еще разрушена, а теперь это сделано. Кроме того, до сих пор еще не было сделано такой грандиозной попытки доказать историческое развитие в природе, да еще с таким успехом. С грубым английским методом приходится, понятно, мириться» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XXII, стр. 468).

Как видно, Маркс был настолько согласен с Энгельсом, что в упомянутом письме к Лассалю почти буквально повторил отзыв Энгельса. Правда, Энгельс, как и Маркс, не закрывал глаза на то, что в ряде формулировок учения Дарвина имеется целый ряд существенных недостатков (вызванных, между прочим, неуклюжей английской манерой изложения Дарвина), но Энгельс считал это второстепенным. Для него было важно то, что Дарвин стихийно шел по пути диалектического мате-

риализма в биологии, так как только благодаря учению Дарвина процесс развития органического мира был понят как естественно-исторический процесс, были выявлены естественные причины целесообразности в живой природе, а сам человек был включен как конечное звено в цепь развития животного мира. Поэтому Энгельс в своей книге «Анти-Дюринг», убедительно доказывая, что «природа есть пробный камень диалектики» и, следовательно, что в природе «все совершается диалектически, а не метафизически», особо отмечает: «Здесь прежде всего следует указать на Дарвина, который нанес сильнейший удар метафизическому взгляду на природу, доказав, что весь современный органический мир, растения и животные, а следовательно также и человек, есть продукт развития, длившегося миллионы лет» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XIV, стр. 23).

Еще в 1869 г., при жизни своего друга, Энгельс в одной из своих рецензий на I том «Капитала» сопоставлял Маркса с Дарвином. В ней Энгельс пишет о Марксе: «Поскольку он старается доказать, что современное общество, рассматриваемое экономически, носит в себе другую, высшую форму общества, постольку он пытается установить тот же самый постепенный процесс преобразования, который Дарвин установил в области естественной истории» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XIII, ч. I, стр. 222). Точно так же Энгельс вспомнил о Дарвине, когда захотел краткими, но сильными, яркими и выразительными штрихами охарактеризовать великую научную работу, произведенную его гениальным другом и соратником. В своей речи у могилы Маркса 17 марта 1883 г. он сказал: «Подобно тому, как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XV, стр. 652). Поэтому Энгельс писал в предисловии к «Коммунистическому манифесту», что, по его мнению, основное положение марксовской теории «должно иметь для истории такое же значение, какое имела теория Дарвина для биологии» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 308). Словом, основоположники марксизма считали дарвинизм одним из величайших достижений передовой научной мысли XIX века.

Наиболее радикальная, передовая часть буржуазной интеллигенции в лице таких крупных натуралистов, как Гексли, Геккель и др., безоговорочно встала на защиту дарвинизма, видя в этом учении естественнонаучное оправдание своей борьбы с остатками феодализма. Зато все реакционные силы капиталистического мира, все «дипломированные лакеи» эксплуататоров и в первую очередь все церковники сразу ополчились против дарвинизма как опаснейшего орудия атеизма. Они увидели, что учение Дарвина имеет революционный характер, так как оно, подрывая устой официальной науки, камня на камне не оставляет от здания религиозно-библейского мировоззрения—

этого старейшего, испытанного орудия затемнения классового сознания народных масс. Так, например, русский реакционер, богословствующий биолог, профессор А. А. Тихомиров, назвал дарвинизм «антихристианнейшим» учением, указывая на то, что это учение «посягнуло на лучшие идеалы человечества», так как оно «упразднило основу христианского воззрения на природу: идею предустановленного в мире порядка и совсем особенного положения человека среди других земных существ». В своей статье «Вина науки», опубликованной в журнале «Вера и церковь» (1907 г.), Тихомиров заявил: «В лице дарвинизма наука подняла орудие против христианства, — в этом его тяжчайшая вина». А в своей брошюре «Судьба дарвинизма» этот поповствующий ученый назвал дарвинизм «учением, содействовавшим развитию величайшего из земных зол — дехристианизации науки». Характерно, что свои антинаучные высказывания Тихомиров излагал в ряде популярных брошюр и даже в лекциях для рабочих, так как видел, что дарвинизм проникает в народные массы.

Борьба, начатая церковью против учения Дарвина в 1859 г., была поддержана в той или иной форме буржуазной наукой и философией. Эта ожесточенная борьба продолжается до наших дней, причем особой силы она достигла в период загнивания капиталистического общества. При этом сами мракобесы нередко не скрывают в своих сочинениях, чем именно вызвано их враждебное отношение к учению Дарвина. Так, видный богослов Лютард в своем большом сочинении «Апология христианства» прямо заявил, что дарвинизм представляет собой «научное оправдание для устранения бога» и этим самым является предпосылкой коммунизма. «Ведь если, — писал он, — не существует бога на небе, то люди должны играть роль провидения на земле и устроить мир по своим собственным мыслям. Тогда и видно будет, к чему приведет все это: французская революция окажется детской игрой». Этот церковник понимал, что борьба с дарвинизмом диктуется не научными соображениями, а лишь классовыми интересами — нежеланием паразитических классов порвать с религией, которая освящает эксплуатацию человека человеком.

В своей борьбе с дарвинизмом поповщина в сущности не столько нападает на это учение, сколько защищается, «спасается» от него, так как сознает свое бессилие опровергнуть научные основы дарвинизма на почве самой науки. Это, однако, не помешало тому, что борьба не только религии, но и буржуазной науки и философии с дарвинизмом приняла самые разнообразные формы. Прежде всего поповщина «опровергает» дарвинизм, т. е. при помощи всевозможных уловок старается создать впечатление, что это учение не выдерживает научной критики, что оно якобы опровергнуто «последними достижениями» биологии. Вместе с тем церковники пытаются дискре-

дитировать дарвинизм в глазах религиозно настроенных людей тем, что при помощи низкопробных, демагогических приемов провозглашают это учение крайне безнравственным. В результате они устроили целые кампании против дарвинизма, подобные дейтонскому «обезьянному процессу» в 1925 г. — суду над учителем Скопсом за изложение им учения о животном происхождении человека, — и добились запрещения преподавания этого учения в ряде штатов Америки. Но церковники не ограничиваются открытой борьбой против дарвинизма, а пытаются также взять это учение «в аренду» с целью извратить его, как-нибудь примирить с религией. Подобно тому, как в целях фальсификации социалистических идей церковь создала свой собственный «христианский социализм», так и в целях подделки эволюционной идеи она изобрела свое убудочное учение о развитии — «христианский дарвинизм», согласно которому эволюция органического мира была предустановлена творцом. Точно так же некоторые буржуазные ученые, выполняя социальный заказ господствующих классов, пытаются фальсифицировать учение Дарвина с целью использовать это учение в интересах увековечения всех ужасов капиталистического строя — кровавого насилия над трудящимися, угнетения «низших» рас и пр. Наконец, буржуазные ученые создают разного рода ложные биологические теории, которые в той или иной форме представляют собой возврат к додарвинским представлениям о живой природе. Таким образом, совершенно прав был один из близких к Дарвину ученых, Грант Аллен, сказавший, что «Происхождение видов» было «бомбой, которую Дарвин бросил из своего мирного сельского жилища в середину телеологического лагеря».

Однако борьба все время шла не только вокруг эволюционного учения Дарвина, но и вокруг философских взглядов Дарвина. Существует богатая литература по вопросу о том, есть ли у безбожников и вообще прогрессивных элементов общества основание ссылаться на Дарвина. Так, видный зоолог-антидарвинист О. Гертвиг в своей книге «Против этического, социального и политического дарвинизма» пишет, будто «сам Дарвин был решительным противником тех мировоззренческих выводов, которые делают из его учения радикальные элементы». В связи с этим многие буржуазные философы в угоду церковникам объявляют Дарвина искренне верующим, религиозным человеком или же в крайнем случае утверждают, что этот ученый только временами выражал некоторое сомнение в существовании бога.

Вопрос о религии является весьма болезненным для каждого буржуазного естествоиспытателя, не желающего сходить с научной почвы. Во всех попытках защиты религиозного мировоззрения при помощи естественнонаучных аргументов особенно ярко проявляется классовый характер всякой науки и фило-

софии. Поэтому в настоящей книжке мы проследим, каково было действительное, подлинное отношение Дарвина к основным положениям религиозного мировоззрения. Мы убедимся в том, насколько неосновательны разного рода поповские попытки считать этого гиганта передовой научной мысли религиозно настроенным человеком. В связи с этим мы выявим некоторые характерные особенности его мировоззрения и покажем, что хотя Дарвин в основном наш, но все же не весь он приемлем для пролетариата. Некоторая, в общем небольшая, часть написанного им не имеет строго научного характера и по праву принадлежит буржуазии — тому классу, из среды которого он вышел и от идеологии которого он целиком освободиться не мог.

I. ОСНОВНОЕ В ДАРВИНИЗМЕ

До Дарвина научные представления об органическом мире обычно носили типичный метафизический характер и вместе с тем были теологическими и телеологическими, так как естествознание тех времен признавало в той или иной форме «творческий акт». Почти все естествоиспытатели считали различные виды животных и растений особыми, резко отграниченными друг от друга органическими формами, возникшими сами по себе, совершенно независимо друг от друга. Они были убеждены в том, что органический мир представляет собой нечто постоянное, не меняющееся с течением времени, что каждый вид животного и растения, так же как и человеческий род, сразу появился в готовом, законченном виде и навсегда сохраняет неизменными свой облик и свои свойства. Свою классическую формулировку этот взгляд получил у великого классификатора живой природы Линнея (1707—1778), который заявил: «Существует столько видов, сколько различных форм создал в начале мира всемогущий; эти формы согласно законам размножения произвели множество других, но всегда подобных себе. Значит, видов столько, сколько различных форм или строений встречается в наше время».

Даже творец палеонтологии как науки Кювье (1769—1832) всеми силами отстаивал метафизическую линнеевскую формулу, доказывая ее при помощи установленного им «принципа условий существования». Этот знаменитый натуралист считал, что не только органы любого организма приспособлены друг к другу, но и сами органические виды идеально прилажены к окружающей их среде. Отсюда он сделал вывод, что если бы виды не выражали известного точного «плана приспособления», если бы они непрерывно изменялись, то потеряли бы целесообразный характер и, следовательно, не могли бы существовать. Кювье стоял на точке зрения одного творческого акта, а для согласования идеи неизменности, постоянства видов с тем фактом, что каждый пласт земной коры имеет свои особые виды животных и растений, он не нашел ничего другого, как придумать «теорию катастроф». Согласно этой теории, органический мир каждой данной местности земного шара неоднократно был истребляем геологическими катастрофами, но по окончании каждой

катастрофы эта местность заселялась совершенно иными существами, пришедшими сюда из соседних стран, не подвергшихся разрушению.

Теория Кювье получила дальнейшее развитие у его ученика Д'Орбиньи, который заменил однократный творческий акт многократным, а местные катастрофы — всемирными. Д'Орбиньи считал, что через промежутки последовательных эпох (из которых «времена Ноя» были последними) на всей земной поверхности происходили великие геологические революции, которые уничтожали все живое, но после каждой такой всеобщей катастрофы наша планета путем особого творческого акта снова заполнялась новыми видами животных и растений, совершенно непохожими на ранее существовавшие. Д'Орбиньи насчитывал 27 таких катастроф и творческих актов; он писал: «Двадцать семь раз один за другим отдельные акты творения заселяли землю растениями и животными, всякий раз после геологической катастрофы, которая совершенно уничтожала всю живую природу; таков факт, факт достоверный, но и непостижимый, который мы можем только засвидетельствовать, не пытаясь проникнуть в окружающую его сверхчеловеческую тайну». Таким образом, Кювье и Д'Орбиньи сделали из чуда, по выражению Энгельса, «существенный рычаг природы», — их антинаучная теория является «революционной на словах и реакционной на деле» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XIV, стр. 481).

Теория катастроф получила очень широкое распространение и служила для оправдания представления о постоянстве органических видов. В общем почти весь научный мир того времени благочестиво заявлял: «Все ныне живущие растения и животные совершенно таковы же, как и их родоначальники, появившиеся на земле независимо друг от друга по воле „верховного разума“; с того времени, как «провидению» угодно было заселить ими нашу планету, они остались неизменными и по сей день». Словом, биологические представления того времени находились под сильным влиянием теологических идей и поэтому имели резко выраженный метафизический, антидиалектический характер.

Метафизический взгляд лежал в основе не только биологии, но и всего естествознания, причем даже убежденные материалисты (Гольбах и др.) придерживались принципа абсолютной неизменности природы. Они считали, что мир, как он существует, остается одним и тем же, не подвергается никаким качественным преобразованиям. С этой точки зрения небесные светила, наш земной шар, населяющие землю разнообразнейшие органические существа и вообще все существующее не знает истории, не претерпевает коренных изменений, сохраняется в неизменном состоянии с момента своего появления. Конечно, никто не мог отрицать того обстоятельства, что в при-

роде все движется, что организмы рождаются и умирают, горы понемногу размываются и т. д. Но это движение казалось «топтанием на одном месте», не создающим ничего нового, не превращающим предметы из одной формы в другую, совершенно новую. Словом, не только для верующих, но и для атеистов мир был чем-то окостенелым, законченным, пребывающим в статическом состоянии.

Вот почему для биологов того времени виды, роды, классы и т. д. не представлялись чем-то исторически развивающимся,— они принимались как прочно установленные, постоянные, не имеющие своей истории во времени. В результате естествоиспытатели рассматривали свои объекты исследования исключительно пространственно, не учитывая времени как активного момента: они интересовались только вопросами классификации, систематизации. Эта классификация не могла не иметь искусственного характера, ибо она основывалась на внешних признаках, причем группировала различные формы не одну за другой, а одну подле другой. Поэтому разработанная Линнеем величественная «Система природы» в сущности представляла собой простой каталог органической природы. Она не обращала внимания на взаимную связь биологических явлений и, стало быть, не давала никакого ключа к пониманию органического мира, к объяснению его качественного многообразия.

Необходимо, однако, иметь в виду, что метафизический метод исследования природы, изучавший не процессы, а вещи, для своего времени имел историческое оправдание. Это особенно ясно показал Энгельс, который в «Людвиге Фейербахе» писал: «Надо было исследовать предметы, прежде чем можно было приступить к исследованию процессов. Надо было сперва узнать, что такое данный предмет, а потом уже изучать те изменения, которые в нем происходят. Так шло дело в естественных науках. Из естествознания, рассматривавшего все предметы — и мертвые, и живые — как готовые и раз навсегда законченные, выросла старая метафизика, принимавшая их за неизменные. Когда же изучение отдельных предметов подвинулось так далеко, что можно было сделать новый решительный шаг вперед, т. е. приступить к систематическому исследованию тех перемен, которые происходят в этих предметах, тогда и в философской области пробил смертный час старой метафизики. До конца последнего столетия (XVIII) естествознание было преимущественно собирающей наукой, наукой о законченных предметах; в нашем же (XIX) веке оно стало наукой упорядочивающей, наукой о явлениях природы, наукой о происхождении и развитии предметов и о связи, соединяющей явления в одно великое целое» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XIV, стр. 664—665).

Первая брешь в учении об абсолютной неизменности природы и вообще в метафизическом мировоззрении была пробита

Кантом в 1755 г. и независимо от него Лапласом в 1796 г. Они показали, что вся солнечная система вместе с обитаемой нами Землей не создана, не появилась вдруг в готовом виде под влиянием какой-то сверхъестественной силы, а постепенно образовалась чисто естественным путем в результате сгущения и целого ряда изменений некоторой разреженной массы — туманности. Значит, эта система является чем-то возникшим, чем-то развившимся, чем-то ставшим в ходе времени. Таким образом, в астрономию была внесена новая идея — идея исторического развития, представление о том, что вселенная — это вечный процесс изменения, становления материи. Миры имеют историю во времени: они возникают, развиваются, стареют, гибнут, распадаясь на свои составные части и тем давая начало другим мирам. И так до бесконечности...

Если стать на канто-лапласовскую точку зрения, если признать, что земля была чем-то ставшим, то, конечно, чем-то ставшим должно было быть и ее теперешнее геологическое, климатическое и географическое состояние, т. е. и она должна была иметь историю не только в пространстве, но и во времени. Но космогонические идеи Канта и Лапласа, как противоречащие религиозно-библейской картине мира, были мало известны в течение долгого времени, и многие натуралисты, естественно, не направляли свою мысль и работу по этому пути. И только крупнейший геолог Чарльз Ляйелль (1797—1875) в своей знаменитой книге «Основные начала геологии», первый том которой вышел в 1830 г., выдвинул учение, которое не только окончательно опровергло господствовавшую в то время, с благословения теологов, теорию катастроф, но и логически продолжило дело Канта и Лапласа.

Это учение обычно называют «униформитаризмом», т. е. учением о единстве прежних и нынешних сил природы, о том, что прошлое может быть объяснено настоящим. Ляйелль доказывал, что колоссальные геологические перемены производятся не сразу какими-то сверхъестественными силами, а постепенно, в результате накапливающего действия естественных сил природы, проявляющихся и поныне. Таким образом, Ляйелль, отбросив катастрофы, порожденные капризом «творца», выявил выдающееся значение времени, в течение которого совершается тот или другой геологический процесс, преобразующий лик Земли. Правда, как отметил Энгельс, ляйеллевская концепция медленного изменения земной поверхности имела тот недостаток, что «она считала действующие на земле силы постоянными, — постоянными как по качеству, так и по количеству; для нее не существует охлаждения земли; земля... не развивается в определенном направлении, она просто меняется случайным бес-связным образом» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XIV, стр. 481). Но в общем именно работы Ляйелля, внеся «здравый смысл» в геологию, немало способствовали укрепле-

нию идеи исторического развития и изменчивости природы. Они привели к неоспоримому, очевидному заключению, что историю во времени имеет не только земля, взятая в целом, но и ее теперешняя поверхность.

Ляйелль старался «изобразить без всяких оскорбительных намеков геологию Моисея», но учение его о прошлом земного шара нанесло сокрушительнейший удар этой «геологии», выявив ничтожество всей библейской хронологии. Ясно также, что это учение невозможно примирить с религиозно-библейской идеей о постоянстве органических видов, ибо мысль о постоянном преобразовании земной поверхности и всех условий жизни на ней (климата и пр.) под влиянием одних и тех же, наблюдаемых нами и поныне, факторов необходимо приводит к идее развития живой природы. По правильному замечанию Гексли, с точки зрения последовательного униформитаризма «происхождение нового вида путем иных каких-нибудь воздействий, помимо обыкновенных, явилось бы гораздо более крупной „катастрофой“, чем любая из тех, которые с таким успехом устранил Ляйелль из пределов здравых геологических суждений». Однако сам Ляйелль в течение долгого времени не заметил, что никак невозможно избежать того вывода, что принципы, выставленные им по отношению к неорганическому миру, в обставленном им по отношению к органическому и что, стало быть, виды животных и растений изменяются, развиваются, эволюционируют. Вообще Ляйелль неправильно подошел к этому вопросу, так что на его примере прекрасно оправдывается мысль Энгельса о том, что «традиция является силой не только в католической церкви, но и в естествознании».

Дело в том, что в то время единственная более или менее серьезная попытка объяснить происхождение новых видов из других, ранее существовавших, принадлежала биологу Ламарку (1744—1829). Ляйелль был хорошо знаком с идеями Ламарка, но он считал их совершенно неудовлетворительными и подверг их в 1832 г., во II-м томе «Основные начала геологии», очень резкому, хотя отчасти и правильному, критическому разбору. Сделал он это в такой форме, что получилась защита идеи неизменяемости видов, т. е. вместе с ламаркизмом он в сущности опровергал и эволюционизм, всякую идею о естественном происхождении органического мира. Правда, опровергнув теорию катастроф, Ляйелль тем самым решительно отбросил представление об общем внезапном исчезновении и появлении видов. Для него было ясно, что животные и растения прошлых геологических эпох вымерли по естественным причинам — вследствие изменения климата, недостатка пищи, болезней, врагов и т. д. Не сомневался Ляйелль и в том, что новые виды появлялись постепенно, а не порциями или пачками, как утверждала теория катастроф. Но для него было совершенно непонятно, откуда появлялись виды, так как он не видел фактов.

которые свидетельствовали бы об изменяемости современных форм животных и растений. А отбросив идею Ламарка о превращении видов, о происхождении новых видов из других, Ляйеллю ничего другого не осталось, как допустить «сотворение» новых видов в течение различных геологических эпох.

Из некоторых ранних писем Ляйелля к астроному Дж. Гершелю видно, что он как будто непрочь был под «сотворением» понимать не вмешательство «божества», а какую-либо естественную, но пока что неизвестную причину. Но Ляйелль не удержался на этой позиции и во II-м томе своего основного труда недвусмысленно говорит о том, что виды были созданы богом неизменными, но не сразу, а последовательно, специально для каждой эпохи и для каждого места. «Мы должны предполагать, — пишет он, — что когда творец природы создавал животных и растения, уже были предвидены все обстоятельства, в которых было назначено жить их потомкам, и дарована была им организация, способная увековечить вид». Таким образом, Ляйелль не решился сделать логический вывод из своей теории закономерного преобразования земной поверхности и допустить закономерное преобразование органических видов. Признавая естественным процесс исчезновения старых видов, он считал сверхъестественным процесс возникновения новых видов, причем утверждал, что творение новых видов, занимающих места вымерших, происходит поодиночке и, следовательно, как-то незаметно. Впоследствии Ляйелль признавался, что такую точку зрения он отстаивал главным образом потому, что признание изменчивости видов необходимо ведет к «неприятному» допущению родства человека с высшими обезьянами. Недаром, критикуя основную мысль Ламарка, он бросил замечание: «Это — грезы тех, кто воображает, что orang-утан может превратиться в человеческую расу».¹

¹ Когда вышла книга Ляйелля «Основные начала геологии», поповствующие ученые Седжвик и Уэвелль сразу бросили Ляйеллю обвинение в том, что его учение невольно приводит к заключению, что «творение новых видов продолжается и в настоящее время». Ляйелль в своем письме к Уэвеллю ответил: «Для всякого, кто читает мое сочинение, не может быть непонятным, что мое определение однообразия существующих причин изменения предполагает вечное разнообразие бесконечных результатов как в сдушевленном мире, так и в неодушевленном». Но из других его писем видно, что он в своих работах не хотел затрагивать вопроса об органической эволюции, о естественном происхождении видов, ибо он опасался, что это помешает распространению его геологических взглядов. Он считал, что этим «вызвал бы против себя целую тьму предрассудков, которые встречаются, к несчастью, философа на каждом шагу, когда он пытается говорить с публикой об этих таинственных предметах». Однако Ляйелль не сразу признал и дарвинизм: Дарвин в течение многих лет потратил немало сил на то, чтобы убедить этого своего друга в правоте своего учения об эволюции живой природы. И все-таки объективно именно Ляйелль, фактически в течение долгого времени бывший, как тогда говорили, «столпом анти-трансмутационистов», своими геологическими работами главным образом и расчистил путь Дарвину. Поэтому Гексли сказал, что «величайшее произве-

Только Дарвин смело сделал тот шаг, который не решился сделать Ляйелль. Под влиянием сделанных им во время своего кругосветного путешествия на корабле «Бигль» палеонтологических, зоологических, ботанических и прочих наблюдений он раз навсегда покончил с вековым представлением о постоянстве видов, со старым учением об отдельных актах творения, завершив, таким образом, обоснование «исторического понимания природы», т. е. учения о том, что мир есть связный процесс развития.

Что же Дарвин показал при помощи огромного количества собранных им убедительных научных фактов? Он сделал очевидным положение, что все современные органические виды родственны друг другу, имеют общее происхождение: они представляют собой не что иное, как измененные и преобразованные потомки тех видов, которые населяли Землю в давно прошедшие времена. Виды живых существ переходящи; они возникли не сами по себе, независимо друг от друга, а одни от других путем медленного процесса изменения в продолжение огромных промежутков времени, исчисляемых миллионами веков. Значит, то, что мы видим теперь в живой природе, — только кажущееся постоянство, ибо срок наших наблюдений короток. Если бы мы жили по миллиону веков, то все наши органические виды потеряли бы свой постоянный характер, и мы видели бы, как они развиваются, т. е. возникают и исчезают, — там, где раньше был покой и окаменелость, появилось бы движение, изменение, текучесть.

Поэтому Дарвин, отмечая в своем главном сочинении «Происхождение видов» большое значение в биологии фактора времени, пишет: «Но, может быть, спросят, почему же до самого недавнего времени почти все наиболее выдающиеся современные натуралисты и геологи не верили в изменяемость видов?.. Вера в неизменность видов была почти неизбежна до тех пор, пока существовало убеждение в кратковременности истории земли; теперь же, когда мы получили некоторое представ-

ление Дарвина есть результат неуклонного приложения к биологии руководящих идей и метода „Основных начал геологии“ Ляйелля». Но как бы то ни было, Ляйелль торопил Дарвина опубликовать свое учение и в этом отношении оказывал Дарвину всяческое содействие (например, вместе с Гукером представил на заседании Линнеевского общества 1 июля 1858 г. работы Дарвина и Уоллеса о естественном отборе). Прочитав корректуру «Происхождения видов», Ляйелль писал Дарвину: «Я очень рад, что мы с Гукером убедили Вас опубликовать ее, не дожидаясь времени, которое, по всей вероятности, никогда бы не наступило, хотя бы Вы дожили даже до столетнего возраста, т. е. когда бы Вы приготовили все ваши факты, на которых Вы основываете так много крупных обобщений». При этом Ляйелль был буквально в восторге от того, как Дарвин выполнил свою крайне трудную и сложную задачу. «Это, — писал он, — блестящий образец сжатого рассуждения и длинной цепи доказательств, проведенных через столько страниц: концентрированность огромная, может быть слишком большая для непосвященных». Все же, несмотря на это, Ляйелль только в последние годы своей жизни признал дарвиновское представление об изменяемости видов.

ление о продолжительности геологического времени, мы склонны без достаточных доказательств допустить, что геологическая летопись настолько полна, что должна была бы доставить нам очевидные доказательства превращения видов, если бы они [действительно] подвергались превращению... Наш разум не может охватить полного смысла, связанного с выражением «миллион лет»; он не может подвести итог и усмотреть конечный результат многочисленных незначительных изменений, накопившихся в течение почти безграничного числа поколений» (Дарвин Ч. Сочинения, т. III, изд. Академии Наук, 1939, стр. 660).

Итак, Дарвин показал, что виды, т. е. то, что всегда казалось чем-то неподвижным, застывшим, на самом деле историчны, находятся в состоянии движения, изменения, превращения. Для дарвинизма весь органический мир представляет собой единое связанное целое, т. е. собрание разнообразнейших видов, между которыми нет резких границ, непроходимых граней. Органические виды не стоят особняком, не разобщены, не отграничены друг от друга, а внутренне связаны друг с другом бесконечными сцеплениями, так как органический мир есть связанный процесс развития. Каждая органическая форма является лишь одним из этапов этого безостановочного процесса, причем каждая новая ступень, вытекая из предыдущей, вместе с тем подготовляет собой следующую стадию. Процесс видообразования есть процесс не только усиления или ослабления существующих качеств, но и возникновения совершенно новых качеств, совершенно новых форм или признаков, т. е. процесс новобразования. Мы тут имеем дело с появлением таких свойств, которые даже в зачатках не были заключены в исходных формах, т. е. каждый вид в сравнении с более ранней формой, из которой он развился, содержит в себе нечто новое, ранее не существовавшее. Значит, в свете дарвинизма органический мир не есть нечто постоянное, а претерпевает глубокие качественные изменения, т. е. в нем происходит не «повторение пройденного», а постоянное возникновение новых форм, — не только изменения в пределах одного качества, но и превращения, приводящие к возникновению новых качеств (разновидностей, видов, родов и пр.).

Словом, по Дарвину, виды переходящи: они не существуют в застывшем состоянии, а непрерывно становятся, делаются иными, изменяются. Это становление видов, возникновение отдельных ступеней эволюционного процесса мы можем обнаружить при изучении появления разновидностей, ибо, как метко выразился Дарвин, «разновидность есть зачинающий вид, а вид — развитая разновидность». Но если это так, то органические виды не стоят изолированно друг от друга, а находятся в теснейшей связи друг с другом: они образуют живое целое, внутреннее единство. Мир живых существ представляет

собой единство в многообразии и многообразие в единстве! Ясно, что учение Дарвина, взятое в его наиболее основных чертах, по своему существу есть антиметафизическое учение: оно в общем объективно отражает действительное развитие органического мира, т. е. оно — стихийная диалектика в применении к биологии. Поэтому Энгельс при каждом удобном случае (например, в своих книгах «Анти-Дюринг» и «От утопии к науке») подчеркивал ту мысль, что Дарвин нанес сильнейший удар метафизическому взгляду на природу и тем самым стихийно способствовал познанию диалектики природы.

Но, ограниченный рамками буржуазной идеологии, Дарвин мог только стихийно, недостаточно осознанно пользоваться диалектическим методом и поэтому не сумел правильно подойти к решению некоторых вопросов мировоззренческого характера. Например, правильно решив проблему образования новых видов, Дарвин все же не поднялся до осознания внутреннего единства прерывности и непрерывности и вследствие этого повторял популярную в реакционной среде ошибочную формулу, что «природа не делает скачков». Этим, между прочим, воспользовался известный антидарвинист Агассиц (1807—1873), который обвинил Дарвина в номинализме, т. е. в схоластическом учении, по которому общие понятия являются лишь именами отдельных вещей и поэтому якобы нельзя говорить о «собаке» вообще и т. п. Дело в том, что еще Ляйелль и Уэвелль, опровергая эволюционное учение Ламарка, подчеркивали, что «виды имеют реальное существование в природе», ибо этим ученым казалось, что отрицать неизменяемость видов — это все равно, что отрицать реальность видов. На такой же точке зрения стоял Агассиц, который заявил, что, согласно учению Дарвина, видов в действительности не существует, а если нет видов, то они и не могут изменяться. Но Дарвин легко разбил это «убийственное обвинение» в письме к своему другу, выдающемуся американскому ботанику Аза Грею (1810—1888), в котором он писал: «Как нелепа его (Агассица. — Г. Г.) логическая придирка: „а если виды не существуют, то как же они могут изменяться?“ Как будто кто-нибудь сомневается в их временном существовании». А такой ответ Дарвин мог дать только потому, что, несмотря на свое заблуждение в вопросе о постепенности процесса эволюции, он фактически признавал качественные скачки, т. е. в общем стихийно становился на точку зрения диалектического единства прерывности и непрерывности.

Необходимо также отметить, что великое значение учения Дарвина состоит в том, что выдвигавшийся как решающий аргумент против эволюции факт приспособленности организмов к окружающей их среде оно превратило в рычаг эволюции. Дарвин сделал это, поставив установленный Кювье принцип «условий существования» с головы на ноги, объяснив его материали-

стически при помощи своей теории естественного отбора. Он показал, что приспособленность организмов — вовсе не результат какой-то предустановленной «творцом» изначальной целесообразности и гармонии, а лишь необходимость, осуществляемая историческим действием естественного отбора. Последний черпает, благодаря «борьбе за существование», материал для эволюции живой природы из основных свойств организмов — безграничной размножаемости, изменчивости и наследственности. В природе нет двух одинаковых особей одного и того же вида. Индивидуальная наследственная изменчивость организмов идет в различных направлениях, как в приспособительном (полезном), так и в неприспособительном (вредном), а нередко и в безразличном. На основе этой изменчивости происходит естественный, стихийный отбор признаков: все полезные признаки сохраняются, а вредные отпадают, так что в историю дальнейшего развития входят лишь относительно приспособленные организмы. Результатом отбора приспособительных изменений и является та относительная целесообразность, которую мы наблюдаем в строении животных и растений и которая вызывает наше удивление.¹ Таким образом, теория естественного отбора как основного движущего фактора органической эволюции вполне может быть названа материалистической сердцевиной учения Дарвина.

Как известно, органический мир поражает не только относительным совершенством, но и чрезвычайным разнообразием своих форм: он состоит из разрозненных, совершенно самостоятельных групп — видов. Как показал Дарвин, ряд видов имеет немало черт общего сходства, и это обстоятельство невольно приводит к мысли об их общем происхождении, об их родственной связи. Но ведь мир живых существ, несмотря на свое внутреннее единство, все же весьма многообразен: он имеет прерывный характер, т. е. представляется не сплошной картиной с нечувствительно сливающимися в одно целое тонами, а мозаикой из

¹ В «Происхождении видов» Дарвин пишет: «Общепризнано, что все органические существа созданы по двум великим законам — по закону Единства Типа и по закону Условий Существования. Под единством типа подразумевается то основное сходство в строении, которое мы усматриваем у организмов одного класса и которое совершенно не зависит от их образа жизни. По моей теории единство типа объясняется единством происхождения. Выражение — условия существования, на котором так часто настаивал знаменитый Кювье, вполне охватывается принципом естественного отбора. Ибо естественный отбор действует в силу того, что приспособляет изменяющиеся части каждого существа к органическим и неорганическим условиям его жизни или приспособлял их в прошлые времена, причем эти приспособления поддерживались во многих случаях усиленным упражнением или, наоборот, неупражнением частей, находившихся под влиянием прямого действия внешних условий и во всяком случае подчинявшихся различным законам роста и изменения. Отсюда в действительности закон Условий Существования является высшим законом, так как он включает, через унаследование прежних изменений и приспособлений, и закон Единства Типа» (Дарвин Ч. Сочинения, т. III, изд. Академии Наук, 1939, стр. 424).

различных кусков (видов), дающих впечатление общей картины лишь при том условии, если рассматривать ее не слишком близко. Почему же это так?

Невозможность примирить идею родства организмов с фактом их многообразия, т. е. расхождения их признаков, невозможность вставить между различными видами ряд промежуточных форм или связывающих звеньев являлась одним из крупнейших возражений против эволюционизма. Виднейший из додарвиновских эволюционистов Ламарк был совершенно бессильен устранить эту трудность. Долго стоял перед нею и Дарвин, но, как он сам повествует в своей автобиографии, объяснение оказалось просто, как Колумбово яйцо: оно оказалось одним из необходимых следствий естественного отбора, т. е. процесса сохранения и накопления полезных наследственных признаков.

Именно, если группе каких-нибудь живых существ придется жить на ограниченном пространстве, то ей будет тем легче устроиться, чем разнообразнее составляющие ее формы, потому что тем легче будет ей удовлетворять свои потребности. Если все живут одной и той же пищей, то не может существовать столько индивидов, как при различной пище, так что если вид обладает способностью видоизменяться, расходиться в своих признаках, то это составляет преимущество в борьбе за существование. Значит, стремление к разнообразию, к расхождению в своих признаках оказывается полезным для всех организмов, так как любой клочок земли может поместить и прокормить тем больше живых существ, чем они разнообразнее, т. е. чем менее сталкиваются между собой их интересы, их потребности. Таким образом, неизбежным следствием деятельности отбора в различных направлениях является то, что в мире живых существ все среднее не в состоянии выдерживать конкуренцию крайних форм, лучше приспособленных к той или другой стороне окружающей среды, так что сохраняются лишь наиболее непохожие формы.

Как видно, установленный Дарвином «принцип дивергенции» (расхождение признаков) показывает, что отсутствие звеньев между видами есть не возражение, а неизбежный вывод из его эволюционного учения, так как промежуточные формы неизбежно должны были исчезнуть, как недостаточно приспособленные к существующим условиям. Искать связующих звеньев между видами приходится поэтому не столько среди ныне живущих, сколько среди исчезнувших, в ископаемых остатках.

Следовательно, даже тот, кто признает принцип непрерывности («природа не делает скачков») справедливым генетически, т. е. с точки зрения происхождения видов, должен, приняв во внимание наличность видов данной эпохи, невольно прийти к заключению, что этот принцип постоянно испытывает исключения: органический мир прерывен, — каждый вид — это перерыв постепенности. В принципе расхождения признаков и уничтоже-

ния промежуточных форм заложена, таким образом, вполне диалектическая идея, и, излагая его, Дарвин, сам того не сознавая, дал прекрасные примеры перехода количества в качество. В общем это один из важнейших принципов дарвинизма, — в сущности, это — теория происхождения видов, — и недаром Дарвин на старости лет с удовольствием рассказывал, что он прекрасно помнит то место по дороге, когда, сидя в карете, первый раз напал на эту мысль.

Итак, по Дарвину, одно и то же начало, естественный отбор, является причиной двух самых характерных особенностей органического мира: целесообразности и многообразия органических форм. Поэтому Дарвин был вполне прав, когда учение о единстве органического мира или вообще эволюционное учение (оно обыкновенно называется дарвинизмом в широком смысле) он тесно слил с учением о естественном отборе, объясняющим, каким образом совершился процесс образования видов, приспособленных к окружающей их среде (некоторые ученые это учение называют дарвинизмом в узком смысле).

Великое значение Дарвина состоит также в том, что он опроверг антропоцентризм, подобно тому, как Коперник опроверг геоцентризм, и тем нанес непоправимый удар религиозно-библейскому мировоззрению, которое неразрывно связано с антропогеоцентризмом. Правда, приходится иногда слышать, что Дарвин это сделал нехотя, что он в данном вопросе проявил известное малодушие; так, например, Паннекук пишет: «Дарвин боялся, что его теория может потрясти религиозные предрассудки и поэтому обходил ее применение к людям. Позднее, когда это уже сделали другие, тогда и Дарвин заговорил о происхождении человека от низшего животного». Но в действительности дело обстояло совсем не так.

Капитальная книга Дарвина «Происхождение человека» вышла в свет в феврале 1871 г., через три года после того, как он закончил свой огромный труд «Изменения животных и растений вследствие приручения», призванный подкрепить основную формулу его мировоззрения, изложенную в «Происхождении видов». Но уже в 1837 г. Дарвин не сомневался в живом происхождении человека, как неизбежном выводе из его эволюционной теории, и поэтому записал в своей «Записной книжке» в 1837 г.: «Если дать простор нашим предположениям, то животные — наши братья по боли, болезни, смерти, страданию и голоду, — наши рабы в самой тяжелой работе, наши товарищи в наших удовольствиях — все они ведут, быть может, свое происхождение от одного общего с нами предка — нас всех можно было бы слить вместе. — Различие интеллекта у человека и животных не так велико, как [различие] между живыми существами без мысли (растениями) и живыми существами с мыслью (животными)» (Д а р в и н Ч. Сочинения, т. III, изд. Академии Наук, 1939, стр. 77). Лет сорок спустя Дарвин рас-

сказывал в своей автобиографии: «Еще в 1837 или 1838 г., как только я убедился, что виды изменчивы, я не мог уклониться от заключения, что и человек подходит под тот же закон. Согласно с тем, я стал собирать факты для своего личного удовлетворения, так как еще долго не имел в виду выступить с ним в печати» (Д а р в и н Ч. Собрание сочинений, т. I, изд. Поповой, 1898, стр. 29).

Надо иметь в виду, что некоторые из знакомых натуралистов советовали Дарвину временно совершенно не касаться этого щекотливого вопроса, так как, по их мнению, это только усилило бы предубеждения против основных идей дарвинизма. Но Дарвин в письме к Дженнинсу заявил: «Я считаю недобросовестным скрывать свое мнение. Понятно, никому нельзя запретить верить в чрезвычайное и чудесное происхождение человека, но, с моей точки зрения, я не считаю этого ни необходимым, ни вероятным». А в своей автобиографии он по этому поводу замечает: «Хотя в „Происхождении видов” я не касался ни одного вида в частности, тем не менее, чтобы ни один честный человек не мог укорить меня в том, что я скрываю свои убеждения, я прибавил слова: „Будет пролит новый свет на происхождение человека и его историю”. Было бы совершенно бесполезно, а для успеха книги положительно вредно, выставить на показ свои воззрения на происхождение человека, не подкрепив их никакими доказательствами» (Д а р в и н Ч. Собрание сочинений, т. I, изд. Поповой, 1898, стр. 29).

Таким образом, Дарвин считал, что для начала вполне достаточно этой небольшой фразы, ибо она заключала в себе довольно ясную и важную мысль о том, что и на человека распространяются общие выводы о способе появления органических существ на земле. Да и помимо этой фразы из всего содержания дарвиновской книги о происхождении видов было очевидно, что в связи с крушением «догмата об отдельных актах творения» не может не потерпеть крушения и догмат о божественном сотворении человека из «праха земного». И действительно, когда в Оксфорде на съезде британской ассоциации естествоиспытателей в июне 1860 г. разыгралось первое публичное столкновение дарвинистов в лице Гексли и противников дарвинизма в лице епископа Уэльберфорса, то центральным пунктом этого ожесточенного столкновения оказался именно вопрос о происхождении человека. Борьба за дарвинизм, за «эволюционную идею», за историческое понимание живой природы с первого же дня невольно стала борьбой против антропоцентризма, борьбой за учение о происхождении человеческого рода из низших форм под действием естественных законов.

Таким образом, вопрос о естественном, животном происхождении человека был впервые серьезно поставлен именно Дарвином (старые, забытые соображения Монбоддо, Доорника, Ламарка и др. не идут в счет). Он не спешил подробно высказать

свои взгляды по этому поводу главным образом потому, что не хотел выступать с мало доказательными утверждениями, и поэтому продолжал неутомимо собирать различный материал для подтверждения и развития своих соображений. Если в 1868 г. Дарвин, наконец, взялся за то, чтобы эти соображения сделать достоянием публики, то это лишь потому, что к этому времени он уже имел необходимый материал и убедился в том, что большое число естествоиспытателей, главным образом молодых, начало склоняться к основному пункту его учения — к мнению, что современные виды являются измененными потомками других, ранее существовавших, видов. Во введении к книге «Происхождение человека» Дарвин непосредственно указывает на это обстоятельство: «Из более старых и почитаемых авторитетов естествознания, — пишет он там, — многие, к несчастью, все еще отвергают эволюцию в какой бы то ни было форме. Но так как эта точка зрения признана теперь большинством натуралистов, и ей последуют, как всегда, многие люди без научной подготовки, то я решился собрать свои заметки, чтобы посмотреть, насколько общие заключения, к которым я пришел в своих прежних сочинениях, применимы к человеку. Это казалось тем более желательным, что я еще ни разу не применил этой точки зрения специально к одному только виду» (Дарвин Ч. Собрание сочинений, т. II, изд. Поповой, 1899, стр. VII).

Итак, совершенно неосновательно обвинение, будто бы у Дарвина не хватало мужества обнародовать свои воззрения по вопросу о происхождении человеческого рода. Медлительность Дарвина, его терпеливое ожидание нового материала вызвано было тем, что здесь он был еще более одиноким, чем в общем вопросе о происхождении видов. Ведь такой близкий ему человек, как геолог Ляйелль, в своем письме от 1863 г. признавался Дарвину, что одна из важнейших причин его несогласия с эволюционным учением — это его чувство отвращения к тому, что «мы должны огулом итти к орангу». Даже такой крупнейший биолог, как Альфред Уоллес (1823—1913), который самостоятельно дошел до учения об отборе и который вполне сочувствовал Дарвину, не только сильно колебался в вопросе о приложимости учения об эволюции к человеку, но и полагал, что человек являет собой исключение. Как и подобает хладнокровному, бесстрастному исследователю природы, Дарвин отнесся совершенно равнодушно к крушению старого, «романтического» учения об особом месте человека в мире живых существ. Его чувство несколько не протестовало против заключения, что человек подлежит всем законам естества и имеет родословную не слишком «благородного свойства». И он потратил немало сил для торжества этого, столь неприятного сторонникам поповщины заключения.

Против «освященного веками» теологического представления о человеке как о «падшем ангеле», созданном по образу и подо-

бию божию, Дарвин со всей решительностью выставил совершенно противоположный, чисто материалистический взгляд на происхождение человека как на историческое явление в органическом мире. Дарвин показывал, что «человек еще несет в своей организации ясную печать происхождения от низшей формы». При этом он заявил, что человек произошел от ископаемой, теперь уже несуществующей человекообразной обезьяны, так что человек — это животное, развившееся естественным путем до степени мыслящего существа. Но он стоял на неправильной точке зрения постепенного «врастания» обезьяны в человека, не заметив диалектического скачка между ними (чем дал почву для ошибочного перенесения теории естественного отбора из мира животных в человеческое общество). Никаких различий по существу между человеком и животным он не допускал не только в физическом, но и в психическом отношении и поэтому подчеркивал, что различие между человеком и животным является лишь различием в степени. «Как бы ни было велико, — пишет Дарвин, — умственное различие между человеком и животным, оно — количественное только, а не качественное. Мы видели, что чувства и впечатления, различные ощущения и способности, как любовь, память, внимание, любопытство, подражание, рассудок и т. д., которыми гордится человек, могут быть найдены в зачатке или в хорошо развитом состоянии у низших животных» (Д а р в и н Ч. Происхождение человека. Собрание сочинений, т. II, изд. Поповой, 1899, стр. 88).

Дарвин не соглашался с Уоллесом, который считал, что естественное происхождение имеет только человеческий организм, а не человеческая психика. Дарвин доказывал, что умственные способности человека коренятся в умственных способностях высших животных — человекоподобных обезьян. В связи с этим он оспаривал мнение, будто одному только человеку свойственна способность употребления орудий, приводя примеры, свидетельствующие об употреблении как бы зачатков орудий обезьянами и некоторыми другими животными. Дарвин утверждал, что между духовными способностями какого-нибудь низшего позвоночного и одной из высших обезьян пропасть гораздо больше, чем между духовными способностями этих обезьян и людей. Он указал далее, как трудно провести границу между разными формами психики, — уже тот факт, что раз испытанный вред может служить животным уроком, показывает, что им нельзя отказывать в разуме, памяти и т. п. Словом, Дарвин показал, что естественное происхождение человеческого рода от существа низшего порядка есть строго логический, необходимый вывод из его эволюционного учения, а этим, между прочим, раз навсегда опроверг представление о бессмертии души, ибо если человек выделился из животного мира, то у него, конечно, такая же смертная «душа», как у любого животного — обезьяны, кошки и пр.

«Происхождение человека» Дарвина, быть может, в еще большей степени, чем прежняя его книга «Происхождение видов», явилась блестящей ракетой над осажденной крепостью теологии. Дарвин смело опроверг религиозно-библейское представление о коренной, принципиальной разнице между человеком и животным, включив человека в цепь эволюции животного мира. При этом не мешает обратить внимание на следующее обстоятельство: хотя Дарвин, в целях обоснования своего основного тезиса о животном происхождении человеческого рода, подчеркивал, что различие между умом человека и высших, человекообразных обезьян есть различие по степени, а не по существу, он все же имел в виду, что только человек является животным, способным мастерить, изготавливать орудия. В книге «Происхождение человека» он пишет: «Если бы человекообразная обезьяна могла иметь беспристрастный взгляд относительно самой себя, она бы допустила, что хотя она умеет составить план грабежа сада, знает употребление камней для драки или разбивания орехов, — мысль об устройстве из камня инструмента все-таки далеко свыше ее сил» (Дарвин Ч. Собрание сочинений, т. II, изд. Поповой, 1899, стр. 88).

В связи с этим Дарвин в общем довольно правильно видел разницу между развитием животного и развитием человека в том, что животное и человек отстаивают свое существование совершенно различными способами. Именно, любое животное приспособляется к окружающей естественной среде пассивно и биологически, т. е. тем, что бессознательно подчиняется среде, действуя посредством своих органов, а человек достигает той же цели, тех же результатов активно и технически, т. е. тем, что сознательно подчиняет среду себе, создавая различные орудия. Так, например, Дарвин пишет: «Человек обладает большой способностью приравниваться к новым условиям жизни: он изобретает оружие, снаряды и новые способы для того, чтобы добывать пищу и защищать себя; при переселениях в более холодный климат он защищает себя одеждой, устраивает себе жилища и разводит огонь, а при помощи огня варит пищу, иначе неудобоваримую. Наоборот, низшие животные должны изменять свое строение, чтобы остаться в живых при значительно измененных условиях: они должны были сделаться сильнее или приобрести более сильные зубы и когти, чтобы защищаться от новых врагов, или должны были уменьшиться в объеме, чтобы не быть замеченными и уйти от опасности. При переселении в более холодный климат они должны были покрыться более густым мехом или изменить свое телосложение, и если бы они таким образом не изменились, то перестали бы существовать» (Дарвин Ч. Собрание сочинений, т. II, изд. Поповой, 1899, стр. 89).

Дарвин также правильно указывал, что благодаря этому обстоятельству физическое строение человека должно было из-

мениться лишь весьма незначительно и что изменились главным образом духовные свойства человека. Он даже пришел к мысли, что способность человека «искусственно увеличивать свою пищу» приводит к тому, что учение Мальтуса значительно смягчается в применении к человеческому обществу. Например, коротко формулировав в книге «Происхождение видов» свое учение о борьбе за существование, Дарвин добавляет «Это — учение Мальтуса, с еще большей силой приложенное ко всему животному и растительному миру, так как здесь не может оказывать влияния ни искусственное увеличение пищи, ни благоразумное воздержание от брака» (Дарвин Ч. Сочинения, т. III, изд. Академии Наук, 1939, стр. 316). Однако Дарвин не заметил, что своим замечанием об искусственном увеличении пищи он не смягчил, а в сущности целиком уничтожил учение Мальтуса, которое намеренно, в целях оправдания нищеты масс при капитализме игнорирует возможности производства. К тому же, подойдя вплотную к явлениям активного приспособления, Дарвин рассматривал их только с узко биологической точки зрения и поэтому не понял роли этих явлений в процессе социального развития. В результате Дарвин, доказав естественное, обезьянье происхождение человека, оставил без ответа вопрос о движущих силах процесса очеловечения обезьяны, т. е. не объяснил, почему именно обезьяноподобные существа превратились в людей. Это было сделано только Энгельсом в его гениальной работе «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны», написанной вскоре после выхода в свет «Происхождения человека» Дарвина, но появившейся в печати лишь после смерти автора.

Необходимо отметить, что если об органической эволюции некоторые биологи (Ламарк, Эразм Дарвин, Жоффруа Сент-Илер и др.) говорили и до Дарвина, то доказать самый факт эволюции они не могли. Это было сделано только Дарвином, и сделано так убедительно, так очевидно, что и теперь доказательства эволюции излагаются по классическому образцу, предложенному Дарвином. Органическая эволюция лишь благодаря Дарвину, благодаря беспримерным свойствам этого исследователя и мыслителя, стала прочно установленной, незабываемой научной истиной, и поэтому от него начался новый этап в истории биологии. Исторические и логические соображения приводят к заключению, что заслуги так называемых предшественников Дарвина в доказательстве общеприродного эволюционного учения (в особенности в обосновании теории отбора) в общем ничтожны. Сам Дарвин чувствовал, что единственным основателем этого важного для всего научно-философского мировоззрения учения является именно он и никто другой, и он не скрывал этого. Будучи хорошо знаком с идеями главных своих предшественников, он видел их слабые стороны и не удивлялся тому, что они в то время были уже в

общем основательно забыты. Правда, тогдашние биологи под влиянием накопившихся фактов чувствовали потребность в объединяющей теории, в биологическом синтезе, и этот охвативший все известные естественнонаучные факты синтез после весьма упорной двадцатилетней работы и дал нам Дарвин. Но он отрицал, что основные моменты его синтеза (превращение видов, естественный отбор, расхождение признаков) уже «носились в воздухе», ибо долгое время не находил никакого сочувствия даже у крупных ученых, которым излагал свое учение.

Насколько одиноким чувствовал себя вначале Дарвин, видно хотя бы из того, что около 1845 г. он писал Л. Дженнинсу: «Я, конечно, смелый человек, если решаюсь давать повод считать меня за совершенного дурака, да еще дурака преднамеренного». А в 1849 г. в письме к своему ближайшему другу, знаменитому ботанику Джозефу Гукеру (1817—1911), он замечает: «Хотя мне предстоит больше пинков, чем пенсов, я не откажусь, если только жизнь позволит, от своего труда».

В своей автобиографии Дарвин писал: «Иногда высказывалось мнение, что успех „Происхождения” только доказывал, что „вопрос уже носился в воздухе” и что „умы были к нему подготовлены”. Но я не думаю, чтобы это было верно, так как я не раз ошупывал мнения многих натуралистов и не встретил ни одного, который сомневался бы в постоянстве видов. Даже Ляйель и Гукер, с интересом выслушивавшие мои мнения, повидимому, никогда не соглашались с ними. Раза два или три пытался я объяснять очень способным людям, что я разумею под естественным отбором, но совершенно безуспешно. Безусловно верно, я думаю, только то, что в умах натуралистов уже успели накопиться бесчисленные и точно наблюдаемые факты, ожидавшие только ясной теории, в которой они нашли бы себе надлежащее место» (Дарвин Ч. Собрание сочинений, т. I, изд. Поповой, 1898, стр. 27).¹

И Дарвин в основном безусловно прав; в его словах нет ни тени бахвальства, — его высказывания всегда поражают своей искренностью, откровенностью и свидетельствуют о бла-

¹ Об этом же Дарвин упоминает в последних изданиях «Происхождение видов». «Меня сильно осуждали, — пишет он там, — за то, что я выразился, что натуралисты верят в отдельное сотворение каждого вида. Но не подлежит сомнению, что таково было общее убеждение, когда появилось первое издание этой книги. В былое время мне приходилось беседовать об эволюции с очень многими натуралистами, и я ни разу не встретил сочувственного отношения к этому воззрению. Очень возможно, что и тогда уже некоторые из них были убеждены в существовании эволюции, но они или отмалчивались, или выражались так двусмысленно, что трудно было угадать смысл их слов. Теперь положение совершенно изменилось». А в первых изданиях этой книги Дарвин, не рассчитывая на быстрый успех своего учения, писал, что он обращается «с доверием к будущему — к молодому, подрастающему поколению натуралистов, которые будут в состоянии с должным беспристрастием взвесить обе стороны вопроса» (Дарвин Ч. Сочинения, т. III, изд. Академии Наук, 1939, стр. 662, 661).

городстве, беспримерной простоте его характера. Поэтому Энгельс в своих черновых набросках к работе «Анти-Дюринг» обращает внимание на «чрезвычайную скромность» Дарвина, который «не только сопоставляет, группирует и подвергает обработке множество фактов из всей биологии, но и с удовольствием упоминает о каждом из своих предшественников, как бы незначителен он ни был, даже и тогда, когда это умаляет его собственную славу» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XIV, стр. 365).

Отмечая огромное значение учения Дарвина для научного мировоззрения, не следует забывать, что это учение является продуктом развития буржуазного естествознания. В мировоззрении Дарвина проявляется ряд ограниченностей, которые вызваны главным образом тем, что естественнонаучный материализм Дарвина не был вполне последователен. Как сын своего класса, Дарвин не сумел до конца встать на точку зрения истинного, последовательного диалектического материализма — единственно правильного, строго научного мировоззрения. Как показал Энгельс, крупнейшими проявлениями буржуазной ограниченности мировоззрения Дарвина было то, что Дарвин односторонне представлял себе принцип борьбы за существование и односторонне подошел к вопросу о происхождении человека. Дарвин не учел того, что взаимодействие живых существ включает не только сознательную и бессознательную борьбу, но также сознательное и бессознательное сотрудничество, так как даже в растительном мире нельзя видеть только одностороннюю борьбу. Дарвин также не заметил, что, установив неразрывную связь человека с животным миром, он все же не решил всей проблемы происхождения человека, оставив невыясненным вопрос о причинах очеловечения зверя. К тому же он склонен был временами придавать своему принципу борьбы за существование универсальное значение, вплоть до перенесения его в плоскость человеческого общества, развитие которого протекает по иным, совсем особым социальным закономерностям.

Но, несмотря на свои недостатки, дарвинизм — лучшее, что создано буржуазной наукой в эпоху расцвета капитализма, когда буржуазия играла еще прогрессивную роль. Важно то, что Дарвин в общем правильно разрешил целый ряд важнейших естественнонаучных вопросов, стихийно став на позиции диалектического материализма. Поэтому учение Дарвина с самого момента его возникновения играло революционную роль, являлось острым оружием в борьбе с поповщиной, за атеизм, и недаром Гексли назвал это учение «могучей опорой свободомыслия».

II. ДАРВИН КАК УЧЕНЫЙ

В связи с великой ролью, сыгранной дарвинизмом в обосновании диалектико-материалистического понимания природы, большой интерес представляет вопрос о мировоззрении самого Дарвина, о его философских взглядах. Для выяснения этого

вопроса лучше всего рассмотреть отношение Дарвина к религии, ибо вопрос о религии является решающим для всякого мировоззрения. Анализ этой сравнительно мало известной стороны великого представителя буржуазной науки представляет для нас исключительный интерес, так как дает нам яркие примеры неизбежных противоречий и слабостей буржуазной мысли. Но, прежде чем заняться этим вопросом, необходимо хотя бы вскользь рассмотреть некоторые черты мышления, характера и идеологии Дарвина.

Дарвин совмещал в себе почти все современные ему биологические и отчасти геологические знания. Природу он видел лицом к лицу: он изучал ее и в девственных лесах Бразилии, и в ущельях Кордильер, и в соседнем огороде, и в водах Великого океана, и у себя на голубятне, и т. п. Однако все его частные специальные исследования в области зоологии, ботаники, палеонтологии и т. д. клонились к одной общей цели — к обоснованию исторического понимания органической природы, к доказательству развития мира живых существ под влиянием определенных естественных законов, доступных нашему изучению. Поэтому, по тому влиянию, которое Дарвин оказал на все стороны научно-философского мировоззрения, этого гениально-го натуралиста следует поставить в ряду величайших мыслителей нового времени.

Но хотя учение Дарвина затрагивает самые основы всякого мировоззрения, Дарвин по складу своего ума держался вдалеке от умозрительной официальной философии, и у него не было достаточной осведомленности в этой области. Рассказывая о своей встрече с философом Макинтошем в 1827 г., Дарвин признается: «Я слушал с большим вниманием, но я был невежественен, как поросенок, в тех вопросах истории, политики и нравственной философии, которые он развивал». Таким же «невежей» во всех этих вопросах Дарвин остался до самой своей смерти, так как проявлял к ним некоторое пренебрежение, отдавшись целиком научно-исследовательской работе в области естествознания. Во всяком случае он мало интересовался философскими проблемами, вопросами мировоззрения, задачами широкого обобщения, причем нисколько этим не смущался.

Неудивительно, что в историческом очерке, предпосланном «Происхождению видов», упоминается в качестве предтечи эволюционизма только один философ — Аристотель (у которого он усматривал «как бы проблеск будущего начала естественного отбора»), и то не в тексте, а в примечании, причем этот философ попал сюда сюда ошибочно: Дарвин был введен в заблуждение неким филологом Гресом, снабдившим его неудачной выпиской из Аристотеля! Как показал Диксей, в действительности Аристотель высказывает мысль, напоминающую идею естественного отбора, от лица воображаемого противника и сам ее опровергает.

Далее характерно, что в своих письмах к своему другу, «философу эволюционизма» Спенсеру, Дарвин упоминает о позитивистах и их «пророке» Конте, но относится к ним неодобрительно за то, что «они ненавидят всех людей науки» (некоторые позитивисты встретили дарвинизм отрицательно). Да и о самом Спенсере он писал, что этот философ поражает его богатством логических построений, своей «изворотливостью», но не способен убедить, и это Дарвин объясняет тем, что Спенсер «недостаточно упражнял свой ум в самостоятельном наблюдении». А подвергая анализу свои собственные «умственные качества», великий натуралист подчеркивает: «Способность выследить длинную и совершенно отвлеченную нить мыслей у меня очень ограничена, и поэтому я никогда не мог бы успешно заниматься ни метафизикой, ни математикой», — под метафизикой он понимал всякую философию.¹

Правда, нельзя сказать, чтобы Дарвин никогда не пускался ни в какие философские рассуждения, но он это делал крайне неохотно и чувствовал себя каким-то беспомощным. Так, например, возражая защитнику религиозного мировоззрения Грехему по поводу мыслей, изложенных в его книге «Вера науки», Дарвин в своем письме к автору от 3 июля 1881 г. вдруг замечает: «Но я не опытен в абстрактном мышлении, я могу в своих мыслях идти по совершенно ложному пути». Недаром Гексли (прозванный «апостолом Павлом эволюционизма» и игравший при Дарвине, как последний шутивно говорил, роль «генерального бесплатного агента») отметил, что Дарвин «не выносит чистых умозрений, как природа не выносит пустоты».

Тем не менее поразительная ясность мысли Дарвина позволила ему близко подойти к открытию объективной диалектики процессов, происходящих в живой природе. Но самому Дарвину бросалась в глаза некоторая односторонность его способа мышления: он был очень слаб в дедукции, хотя способность к индукции развилась у него в изумительной степени. Этот биолог как-то избегал дедуктивных умозаключений, не понимая, повидимому, того, что индукция неразрывно связана с дедукцией, что одна без другой невозможна, и поэтому ошибочно

¹ Заслуживает внимания то обстоятельство, что Дарвин, несколько не сожалея о своей ограниченной способности заниматься философией, очень сожалел, что мало успел в области математики. Рассказывая на старости лет о своих школьных занятиях математикой, он писал: «Я чувствовал какое-то отвращение к этим занятиям, главным образом потому, что не мог найти никакого смысла в первых начатках алгебры. Этот недостаток выдержки был довольно-таки глуп, а в последующие годы я глубоко сожалел, что не успел ознакомиться с математикой, по крайней мере настолько, чтобы понимать что-нибудь в ее великих руководящих началах, так как усвоившие их производят впечатление людей, обладающих одним органом чувств больше, чем простые смертные. Но не думаю, чтобы я когда-нибудь далеко продвинулся в этой области» (Дарвин Ч. Автобиография. Собрание сочинений, т. I, изд. Поповой, 1898, стр. 9).

считал, что индукция — отправление от частного к общему — является единственно правильным методом мышления. «Не знаю почему, но я никогда не убеждаюсь дедукциями, даже спенсеровскими», — заметил он Уоллесу. А незадолго перед смертью Дарвин писал: «Дедукция никогда не убеждает меня. Мой ум до того свыкся с индуктивным методом, что я не в состоянии ценить дедуктивные умозаключения. Я должен начинать с значительного собирания фактов, а не с принципа, в котором я всегда подозреваю какую-нибудь ошибку». Дарвин даже выразился, что превратился в «машину для извлечения общих выводов из массы фактов». И эта характерная умственная черта Дарвина особенно четко выявлена им самим в рассказе о том, как он создал свое биологическое учение.

Дело в том, что уже произведенные Дарвином во время исторического кругосветного путешествия на корабле «Бигль» наблюдения в различных областях природы, на различных точках земного шара привели его к твердому убеждению в несостоятельности догмата о неизменности и самостоятельном сотворении органических видов. Но вместо того, чтобы сразу же выступить по этому поводу с теорией (как это сделал, например, Ламарк), он неумолимо продолжал собирать факты, предоставляя времени выработать теорию, которая их свяжет в одно стройное целое. «Я работал, — рассказывает об этом Дарвин в своей автобиографии, — в истинно бэконском духе, без всякой предвзятой теории, собирая на широкую ногу факты, главным образом, по отношению к искусственным породам, пользуясь как печатными источниками, так и сношениями с опытными скотоводами и садоводами и самым широким чтением. Когда я просматриваю список самых разнообразных книг, которые я прочел, включая целые сотни журналов и трудов ученых обществ, я сам дивлюсь своему трудолюбию. Я очень скоро убедился, что истинный ключ свода, на котором зиждется весь успех человека в производстве полезных пород — животных и растений, — кроется в отборе. Но каким образом начало отбора могло быть применено к организмам в естественном состоянии, еще долго после этого оставалось для меня тайной» (Дарвин Ч. Собрание сочинений, т. I, изд. Поповой, 1898, стр. 25).

Таким образом, сам Дарвин считал, что ход его исследования был таков: он начал с изучения результатов селекционной практики, а затем перешел к биологической теории, т. е. он начал с вопроса, каким средством, «орудием» пользуется человек для изменения, превращения органических существ, и изучение этих средств привело его к объяснению причины явления, к представлению об отборе как факторе видообразования. Отсюда следует, что Дарвин правильно оценил роль практики (сельскохозяйственного опыта) для развития теоретической мысли (биологических обобщений), — критерий практики

он сделал решающим звеном своей эволюционной теории. Но всю жизнь, сам того не сознавая, он находился в плену у плохой философии — позитивистического эмпиризма, — и это нередко мешало ему подниматься над голыми фактами, делать из них до конца правильные философские обобщения.

Все же мало найдется таких ученых, которые оставили бы такой яркий след в истории человеческой мысли, как Дарвин. Философия настолько сильно испытала его влияние, что по отношению к нему ей невольно пришлось применить совсем особый критерий для оценки философа и включить его в пантеон мыслителей, достойных занять почетное место на страницах истории философии. Пример трезвомыслящего Дарвина, избегавшего тонких отвлеченных рассуждений на чисто философские темы, показал, что между наукой и философией (в частности, между индукцией и дедукцией) нет и не может быть резкой грани, непроходимой пропасти. Ибо его теория происхождения видов, выведенная при помощи крайне терпеливого, многолетнего анализа колоссальной, прямо невероятной груды фактического материала, в сущности представляет собой не только строго научную, но и глубоко философскую идею. Она не только оплодотворила положительное знание, не только дала нам ключ к пониманию очень многих биологических явлений, но и нанесла один из сокрушительнейших ударов всей идеалистической метафизике. Ведь во многих случаях Дарвину удалось, возвысившись над грубой эмпирией непосредственно наблюдаемых фактов, раскрыть те сложные взаимодействия, которые связывают различные явления природы в одно целое, так как он считал, что в мире нет совершенно изолированных явлений. «Все находится во взаимной связи» — это глубокомысленное изречение, характеризующее диалектический метод, было путеводной звездой во всех исследованиях и рассуждениях этого натуралиста: он смотрел на природу как на связанное, органическое целое.¹

Сохранившиеся черновые записи Дарвина, его письма и пометки в книгах позволяют нам не только детально проследить

¹ Философ Геффдинг в своей «Истории новейшей философии» начинает главу о Дарвине с того, что объясняет читателю те основания, которые дают этому не-специальной право на место в истории философии. Он пишет: «Право истории философии присваивать себе этого великого естествоиспытателя — равно как Коперника, Келлера, Галилея и Ньютона — прежде всего основано на том, что его метод и выводы имеют значение далеко за пределами его специальной области и отмечают поворотный момент в научном исследовании и понимании природы вообще. Уже вскоре после того, как у него возникла идея его гипотезы (1837 г.), он писал в записной книжке за двадцать лет до появления его знаменитого произведения: „Моя теория поведет к целой философии“. Однако Дарвин имеет значение для философии не только по своим выводам, не только потому, что им поставлен вопрос, каким образом новая теория вторгается в целое мирозерцание. Он занимался психологическими и этическими вопросами и высказывался по вопросу о границах познания».

историю оформления дарвиновского учения, но и судить о характере мышления этого ученого. Но особенно большой материал для суждения о Дарвине как человеке, ученом и мыслителе дает нам его автобиография, которая написана была не для печати и замечательна по своей изумительной, классической простоте и глубокой, совершенно исключительной искренности. В ней, между прочим, Дарвин отмечает, что с самой ранней юности он чувствовал сильное желание понимать или объяснять то, что он наблюдал, т. е. «подчинять факты общим законам». Но, повидимому, в природе не существует «чистых» эмпириков, совершенно способных обойтись без всяких дедукций, принципов, гипотез, — индукция и дедукция необходимым образом дополняют друг друга. Это видно из того, что Дарвин, по собственному признанию, видя что-нибудь новое в природе, не мог не создать сейчас же гипотезы, объясняющей этот факт. Но он, конечно, подчеркивает с особым ударением, что отказывался даже от самой излюбленной гипотезы, как только факты оказывались в противоречии с нею. «На деле, — пишет Дарвин, — мне не оставалось другого исхода, потому что, за исключением коралловых рифов, не было той первоначально придуманной мной гипотезы, которую мне не приходилось бы впоследствии покинуть или изменить, а это, естественно, побудило меня питать недоверие к дедуктивным суждениям в науках смешанного характера» (Дарвин Ч. Собрание сочинений, т. I, изд. Поповой, 1898, стр. 34).

Все-таки этот «враг дедуктивных суждений» совершенно прав, когда он считает себя не только наблюдателем, не только «собирателем новых фактов из области естествознания», но и мыслителем, т. е. человеком, умеющим стать на общую точку зрения, способным при помощи невероятного количества разнообразных фактов обосновать один общий принцип. Ведь если почти вся деятельность Дарвина, предшествовавшая появлению его книги «Происхождение видов», была подготовлением к провозглашению принципа эволюции органического мира под влиянием естественного отбора, то вся последующая деятельность этого ученого была его разъяснением, подтверждением, конкретизацией. Словом, почти вся его жизнь была посвящена развитию одной мысли — о саморазвитии живой природы — с вытекающими из нее выводами.

В этом отношении особенно характерно его спокойное замечание: «Некоторые из моих критиков говорили обо мне: „Он несомненно превосходно наблюдает, но не умеет рассуждать“! Не думаю, чтобы это было верно, потому что „Происхождение видов“ с начала до конца — один длинный аргумент, а оно убедило не одного умного человека. Никто не мог бы написать эту книгу, не обладая способностью рассуждать» (Дарвин Ч. Собрание сочинений, изд. Поповой, 1898, т. I, стр. 33). И это действительно так: как ни оценивать знаменитую книгу

Дарвина, несомненно то, что она представляет собой «один длинный аргумент», и поэтому она целиком проникнута общефилософским содержанием. Ведь представленный в этой книге разносторонний анализ богатого фактического материала логически, с железной необходимостью ведет к установлению одного общего закона — закона органической эволюции, произведшего коренной перелом не только в области биологии, но и во всем здании старого научно-философского мировоззрения. Поэтому надо в общем согласиться с замечанием крупнейшего русского дарвиниста К. Тимирязева: «В Дарвине никогда не было разлада между аналитической и синтетической деятельностью; обе они составляли одно целое, одна служила необходимым дополнением и продолжением другой. Весь громадный материал — результат целой жизни — был подчинен одной идее, которую можно было развить в шести положениях, на двух страницах. Едва ли в истории наук можно найти второй пример деятельности, представляющей столько разнообразия в частности при таком единстве общего замысла» (Тимирязев К. Чарлз Дарвин и его учение, ч. I, 1920, стр. 22—23).

Создавая свое учение о развитии органического мира, Дарвин не знал о том, что основные положения всякого учения о развитии в качестве нового научного метода под названием «диалектики» разрабатывались еще до него некоторыми философами. Не желая философствовать, стараясь иметь дело преимущественно с конкретным материалом, он не тратил времени на то, чтобы продумать до конца методологический смысл своего учения, своего убедительного «длинного аргумента». Это, конечно, лишний раз подтверждает правильность заключения Энгельса, что люди мыслили диалектически гораздо раньше, чем узнали, что такое диалектика. Однако то обстоятельство, что диалектика Дарвина была непродумана, бессознательна, стихийна, невольно приводило к тому, что он нередко придерживался формулировок, которые противоречили его же собственному научному материалу. Некоторые его мысли общего характера (например, о происхождении социальных инстинктов, об отборе в человеческом обществе и пр.) в принципиальном отношении недостаточно выдержаны и, следовательно, не могут считаться строго научными, вполне правильными: они содержат в себе немало метафизических, антидиалектических моментов.

Но в этом нет ничего удивительного, ибо и до сих пор еще господствующая в Англии естественнонаучная школа, верная провозглашенному Бэконом индуктивному методу, совершенно беззаботна насчет теоретического мышления, насчет общефилософских проблем, вследствие чего диалектический метод классической немецкой философии — этот важнейший продукт буржуазной философской мысли — остался им почти неизвестным.

Поэтому Энгельс и Маркс, делясь своими впечатлениями о «Происхождении видов», и отметили, что в этой книге взгляды развиваются на английский грубоватый манер. Но как бы то ни было, Дарвин, хотя и стихийно, больше, чем кто-либо другой из биологов сделал для конкретного, фактического обоснования диалектико-материалистического понимания живой природы.

Следует отметить, что Дарвин отличался исключительной скромностью и поэтому считал, что охватывать одним взглядом уйму разнообразных фактов, выводить из их изучения великий закон — самое обыкновенное дело. «Всякий человек, с самыми обыкновенными способностями, мог бы написать такую книгу, если бы имел достаточно терпения и времени», — говорил он о своем труде «Происхождение видов». Поэтому Дарвин почти не пошел дальше заключения, что он работник не хуже других и что у него лишь благоприятные условия работы (много свободного времени, материальная обеспеченность и пр.). «Всякая степень убеждения дается мне годами работы», — неоднократно к тому же подчеркивал Дарвин в своей переписке. О терпении же Дарвина можно судить хотя бы по тому, что один из его опытов с земляными червями тянулся с перерывами около 30 лет, а над своей книгой «Выражение ощущений» он работал 33 года. При этом замечательна чрезвычайная добросовестность Дарвина: он не переставал искать щелей в своей броне, недочетов в своей аргументации, стараясь предусмотреть всевозможные возражения против своего учения. «Я мог бы написать о своих сочинениях еще более сильную критическую статью», — заметил он по поводу враждебных рецензий, вызванных «Происхождением видов».

Крайне добросовестное отношение Дарвина к делу привело к тому, что он чуть ли не потерял право на приоритет, так как в полученной им летом 1858 г. рукописи статьи Уоллеса содержалось то же представление о естественном отборе, которое Дарвин разрабатывал уже около 20 лет. Хотя Дарвин имел возможность сначала опубликовать свои взгляды, а потом уже напечатать статью Уоллеса, он считал такой поступок бесчестным, причем проявил некоторое «равнодушие» к вопросу о личной славе. Будучи в известной мере честолюбивым человеком, Дарвин вместе с тем был настолько благороден, что мог отрешиться от всякого личного чувства по отношению к защищаемой идее, дорожа только одним — торжеством этой идеи.¹

¹ Научная добросовестность, правдивость Дарвина прямо поразительна и даже не отрицалась его врагами. Совершенно справедливо писал об этом К. Тимирязев: «Редкий ученый умел так вполне отрешиться от всякого личного чувства по отношению к защищаемой идее. Редкий ученый встречал с такой готовностью, с таким удовольствием всякое возражение, взвешивал и обсуждал его, хотя бы оно шло из такого скромного источника, к которому иной второстепенный ученый отнесся бы только с презрительным вы-

Недаром Дарвин писал своему другу Фоксу в феврале 1857 г.: «Желал бы менее ценить игрушку — славу, в настоящем ли, в посмертном ли будущем, но я не думаю, Впрочем, чтобы эта сторона меня занимала. Если я хорошо сам себя знаю, то полагаю, что стал бы так же усердно работать, — хотя, может быть, с меньшим увлечением, — если бы знал, что имя автора книги останется навсегда анонимным». Повидимому, Фокс с этим не согласился, и поэтому Дарвин вернулся к этому вопросу в марте 1859 г. в своем письме к Фоксу, в котором писал: «Вы несправедливо думаете, что я работаю ради славы: я ценю ее до некоторой степени, но, если сам себя верно понимаю, мне кажется, что я работаю под влиянием инстинкта, толкающего к исканию истины» (Д а р в и н Ч. Иллюстрированное собрание сочинений, изд. Лепковского, т. VIII, добавл., стр. 14, 25).

Дарвин решил выступить в печати с изложением своего учения только тогда, когда почувствовал, что он, «подобно Крезу, подавлен богатством своих фактов». При этом он знал, что ему не избежать ожесточенных нападков со стороны многочисленных последователей библейских взглядов. В 1857 г. его старый друг ботаник Фальконер очень запальчиво напал на него и прямо сказал ему: «Вы принесете больше вреда, чем десять натуралистов могут принести пользы». Рассказывая об этом случае Аза Грею, Дарвин отмечает: «Вот как возмущаются мои старые друзья; после этого Вы не удивитесь, что я ожидаю враждебного отношения к моим воззрениям». Но характерно то, что вопрос о признании или непризнании своего учения Дарвин наивно ставил в зависимость главным образом от возраста тогдашних ученых. Не выходя из рамок буржуазных воззрений, он не видел того, что этот вопрос имеет социальные корни, что проблема эволюции неразрывно связана с идейной классово-борьбой. Поэтому в письме к Гукеру 3 марта 1860 г. Дарвин писал: «Мне кажется, что Вы имеете слишком большие надежды насчет перемены мнения в вопросе о видах. Обширный класс людей, особенно, как я подозреваю, натуралистов, никогда не будет интересоваться никакими общими вопросами;... во-вторых, почти все люди, перешедшие средний возраст, в смысле лет или ума, неспособны, я в этом

сокомерием. Никогда не прибегал он к каким-нибудь полемическим приемам, имеющим целью прикрыть слабый довод, — напротив, находя довод слабым, он сам первый обращал на это внимание. Строгий судья своих идей, он никогда не унижался до роли их адвоката. На каждом шагу можно убедиться, что и чужое возражение и свой доклад он ценит лишь настолько, насколько они касаются дела, не обращая внимания на то, задевают ли они или защищают его авторитет. Личная слава для него будто не существует, он дорожит только торжеством своей идеи, и даже нельзя сказать своей идеи, а просто идеи, потому что бескорыстно готов был уступить другому праву на эту идею — плод двадцатилетних трудов и размышлений» (Т и м и р я з е в К. Чарлз Дарвин и его учение, ч. I, 1920, стр. 26—27).

вполне убежден, взглянуть на факты с новой точки зрения» (Дарвин Ч. Сочинения, т. VIII, изд. Лепковского, стр. 51). Когда же началась волна злобных выступлений, Дарвин решил не тратить времени на газетную или журнальную полемику, а продолжать свою работу по дальнейшему обоснованию и развитию своего учения. «Брань и презрение невежественных писателей очень мало обижают меня», — писал он 31 марта 1868 г. в письме к У. Прейеру. Сильно взволновался Дарвин только тогда, когда один из его критиков Бетлер бросил ему в лицо печатное обвинение в недобросовестности, но он все же решил не обращать внимания на эти нападки. Но отсюда вовсе не следует, будто Дарвин не был темпераментным борцом за свое учение и всю тяжесть борьбы за дарвинизм возложил на плечи своих друзей и сторонников. Он не оставался в стороне от этой борьбы, старательно разбирал все научные возражения и написал в защиту своего учения целый ряд статей, которые, несмотря на свой специально научный характер, не лишены полемического задора.

Сам Дарвин в 1879 г. в приписке к своей автобиографии так охарактеризовал себя: «Что касается меня самого, то я полагаю, что поступил вполне правильно, посвятив свою жизнь постоянному служению науке. Совесть не укоряет меня в каком-нибудь крупном прегрешении, но я очень часто сожалел о том, что не сделал непосредственного добра ближним». А в 1881 г., говоря о своих умственных качествах, Дарвин замечает: «Достоинно удивления, что при таких умеренных способностях, какими я обладал, я мог в значительной мере повлиять на убеждения людей науки по некоторым важным вопросам».

Передавая свое впечатление от беседы с престарелым Дарвином в 1877 г., К. Тимирязев сказал: «Во всем, что он говорил, не было следа той узкой односторонности, той неуловимой цеховой исключительности, которая еще недавно считалась необходимым атрибутом глубокого ученого, но в то же время не было и той щекотливой ложной гордости, не редкой даже между замечательными учеными, умышленно избегающими разговора о предметах своих занятий, чтобы не подумали, что весь интерес их личности исключительно сосредоточен на их специальной деятельности. В его разговоре серьезные мысли чередовались с веселой шуткой; он поражал знанием и верностью взгляда в областях науки, которыми сам никогда не занимался... Но более всего поражал его тон, когда он говорил о собственных исследованиях, — это не был тон авторитета, законодателя научной мысли, который не может не сознать, что каждое его слово ловится на лету; это был тон человека, который скромно, почти робко, как бы постоянно оправдываясь, отстаивает свою идею, добросовестно взвешивает самые мелкие возражения, являющиеся из далеко не авторитетных источников» (Тимирязев К. Чарльз Дарвин и его учение, ч. I, стр. 28).

Теперь необходимо отметить, что Дарвин не уделял серьезного внимания социальным вопросам, не изучал экономических условий современного общества и не имел ясного представления о движущих силах социального развития. Жизнь его в известном смысле была несколько ограничена: она была посвящена исключительно естествознанию в узком значении слова, и крупные социально-экономические вопросы, подобно философским проблемам, лишь в весьма слабой степени задевали его, тем более что он был довольно богатым человеком (он оставил после себя 146 000 фунтов стерлингов, не считая своего имения в Дауне, фермы и дохода с сочинений). Все же в политическом отношении Дарвин не был совершенно безразличным человеком, и это видно хотя бы из его рассказа о том, что при разговоре на политические темы у него были столкновения с капитаном корабля «Бигль» Фиц-Роем. Однажды, когда Фиц-Рой начал защищать рабство, Дарвин, наоборот, стал доказывать его гнусность, и это столкновение кончилось настолько бурно, что Дарвин уже думал о том, что ему придется оставить корабль. Стало быть, Дарвин умел постоять за свои политические взгляды даже с риском потерять возможность продолжать свое кругосветное путешествие, о котором так много мечтал и которое уже начал так блестяще.

В путешествии Дарвину пришлось насмотреться на рабство, которое всегда возбуждало в нем сильнейшее негодование. «Когда я уезжал из Англии, — рассказывает он, — мне говорили, что мои воззрения изменятся после того, как я поживу в рабовладельческих странах. Но единственное изменение, которое я замечаю в себе, это то, что я еще более научился ценить характер негров. Невозможно видеть негра и не почувствовать к нему расположения: какое добродушное, открытое, честное выражение лица и прекрасное мускулистое тело!»

Стоны невольников, слышанные Дарвином в Америке, много лет преследовали его во сне. Ландшафт, оскверненный следами угнетения и рабства, терял в его глазах всю прелесть. «Превратите английского рабочего в жалкого раба — и вы не узнаете прежнего ландшафта», — писал он своему другу Герберту из Рио-де-Жанейро. Он считал рабство «величайшей язвой на земле», «чудовищным пятном нашей хваленной свободы» и т. д.¹ Узнав, что Ляейлль относится к рабовладельцам довольно снисходительно, он ему писал: «Ваше рассуждение о

¹ В августе 1836 г. Дарвин писал в «Путешествии натуралиста вокруг света»: «Нередко пытались ослабить ужас рабства, сравнивая положение рабов с положением наших неимущих классов; если нищета наших бедняков является следствием не естественных законов, а нашего государственного строя, то великий грех и на нас... Люди, сочувственно вззирающие на рабовладельца и холодно относящиеся к рабу, повидимому, никогда не пробовали вообразить себя в положении последнего: какая безотрадная жизнь,

рабстве крайне возмутило меня, но так как мое мнение об этом предмете имеет для Вас столько же значения, как пепел этого письма, то я не стану прибавлять больше. Скажу только, что обязан Вам несколькими тягостными бессонными часами».

В составленной Гальтоном анкете на вопрос о политических убеждениях Дарвин ответил: «Либерал или радикал», не определив точнее своих взглядов. Практически он никогда не был членом определенной партии и не вмешивался в политику, но охотно давал свою подпись под некоторые политические петиции, составленные в защиту преследуемых ученых и свободомыслящих. Так, Дарвин вместе с Уоллесом, Карпентером и другими учеными стал во главе комитета для защиты известного географа Элизе Реклю, приговоренного военным судом за участие в Парижской коммуне к вечной ссылке на далекие острова Новой Каледонии.

В общем политические взгляды Дарвина почти не выходили за пределы тех взглядов, которые распространены в средних слоях английской буржуазии. Поэтому он не задумывался над тем, что капитализм представляет собой строй наемного рабства, что этот «порядок» ведет к чудовищной эксплуатации рабочих, крестьян, женщин и детей, что он порождает всевозможные формы угнетения человека человеком. Учение Маркса и Энгельса об обществе осталось для Дарвина книгой за семью печатями и вследствие этого он обнаруживал невероятную слабость и классовую ограниченность во всех тех случаях, когда ему приходилось трактовать проблему соотношения биологических и социальных факторов.

Не будучи близко знаком с современным научным социализмом, Дарвин, вообще говоря, почти не размышлял серьезно об отношении своего учения к социалистическому учению, несмотря на то, что на его глазах возникло новое направление в социологии, названное социальным дарвинизмом, т. е. приложением дарвинизма к объяснению общественных явлений. Одним из противников этого направления был крупный патолог и антрополог Вирхов; он отвергал это направление вовсе не по принципиальным научным соображениям, а просто потому, что он вообще был врагом дарвинизма. Не будучи в силах научным путем опровергнуть дарвинизм, Вирхов предавал это учение буквально политическому проклятию, настаивая на том, что «мы не имеем права учить, что человек происходит от обе-

без всякой надежды на перемену! Вообразите только, что вам вечно угрожает опасность, что вашу жену и ваших маленьких детей... отнимут у вас и продадут, как скотов, первому встречному! И такие дела делаются и защищаются людьми, которые исповедуют, что надо любить ближнего, как самого себя, веруют в бога и молятся: да будет воля его исполнена на земле! Кровь кипит в жилах, и сердце сжимается, когда подумаю, что мы, англичане, и потомки наши, американцы, с их вечными хвастливыми возгласами о свободе, причинили и продолжаем причинять столько зла...» (Дарвин Ч. Сочинения, т. I, Биомедгиз, 1935, стр. 417).

зьяны или от какого-либо другого животного», ибо «дарвинизм прямо ведет к социализму». И чтобы окончательно доказать политически неблагонадежный характер этой теории, он указывал на то, что «социализм сблизился с ней» и что поэтому «она может принести нам те ужасы, какие подобные теории натворили в соседней стране» (намек на Парижскую коммуну!). Противник Вирхова, виднейший германский дарвинист Геккель, в своей защите дарвинизма ударился в противоположную крайность: он, наоборот, старался доказать, что социализм утопичен, ибо дарвинизм якобы аристократичен и, стало быть, решительнейшим образом отвергает попытки «сделать всех людей равными».

Всегда воздержанный в своих выражениях, Дарвин писал по поводу выступления Вирхова Геккелю: «Поведение Вирхова отвратительно, и, надеюсь, что ему самому когда-нибудь станет стыдно». Вообще же по поднятому в Германии вопросу о взаимоотношении дарвинизма и социализма он совершенно справедливо заметил: «Какие нелепые мнения господствуют, повидимому, в Германии насчет отношений между социализмом и развитием путем естественного отбора!» Но социологические воззрения Дарвина были весьма путанны, необоснованны и в сущности крайне наивны: глубокие мысли перепутаны с обычными наивными и мещанскими рассуждениями.

Объясняется это тем, что Дарвин не понимал, что область применения его учения имеет свои резко очерченные пределы, что она ограничивается рамками биологии, т. е. той областью, где дарвинизм возник. Он считал, что принцип естественного отбора в результате борьбы за существование целиком применим к человеческому обществу, так что социальный дарвинизм, в конце концов, в известной мере берет свое начало у него самого. В 1869 г. Дарвин пишет Тиллю: «Поверьте, меня очень интересует, ... что Вы применяете по отношению к моральным и социальным проблемам воззрения, аналогичные тем, которые я применил в отношении изменчивости видов. Мне раньше в голову не приходило, что мои принципы могут быть распространены на столь различные и важные области». Но, придя к мысли, что естественный отбор играет ведущую роль в развитии человеческого общества, Дарвин, однако, никогда не заходил настолько далеко, чтобы вывести все без исключения исторические явления из этого принципа, указывая, что, кроме биологического фактора, в человеческом обществе должны существовать и какие-то другие. Какие же именно? На этот счет его воззрения были очень неопределенны, противоречивы и в ряде существенных пунктов имели полуидеалистический характер: он говорил о влиянии действия привычки, силы убеждения, религии и т. п.

В общем Дарвин свое биологическое учение об отборе считал универсальной теорией и при ее помощи не только объяс-

нял происхождение органических видов и человека как одного из этих видов, но и пытался подвести биологический фундамент под некоторые основы человеческого общества. Значит, хотя Дарвин и указывал, что социальная жизнь людей не может рассматриваться просто как жизнь животного или растения, что в ней играют роль и другие факторы, он сам тем не менее в известной мере стоял на позиции социального дарвинизма. Так, в 1881 г. Дарвин писал Грехему: «Я мог бы выступить с самой энергичной защитой того факта, что естественный отбор сделал и делает для прогресса цивилизации больше, чем Вы склонны допустить». Тем самым он невольно создал некоторую почву для того реакционного учения, при помощи которого мракобесы пытаются найти «биологическое оправдание» своей проповеди «неполноценности» общественных «низов» и «низших» рас.

Все это показывает, что дарвинизм в целом носит на себе «родимые пятна» своего буржуазного происхождения и поэтому не может быть принят нами в своем чистом виде, без поправок. Как мы ниже увидим, этим именно объясняется то, что Дарвин не занял по отношению к религиозному мировоззрению позиции последовательного атеизма даже тогда, когда стал совершенно неверующим человеком. Но все же не подлежит сомнению, что, как уже отмечено, учение Дарвина является лучшим достижением буржуазной науки, что оно, хотя и стихийно, довольно близко подошло к общей концепции диалектического материализма — этого величайшего философского синтеза. По этой именно причине Маркс и Энгельс, не скрывая слабых сторон, односторонностей и упрощений в учении Дарвина, в общем высоко ценили это учение и защищали его от необоснованных наскоков. Как же, однако, сам Дарвин относился к Марксу?

Когда в 1873 г. Маркс прислал Дарвину экземпляр французского издания первого тома «Капитала», Дарвин ответил 1 октября 1873 г. следующим характерным письмом: «Милостивый государь! Благодарю Вас за честь, которую Вы мне оказали, прислав мне Ваше великое произведение „Капитал“. Я от души желал бы быть более достойным этого подарка, т. е. лучше понимать глубокие и важные политико-экономические вопросы. Хотя мы исследуем совершенно различные области, однако я полагаю, что оба мы серьезно желаем распространения знания, и что знание это будет в конце концов способствовать счастью человечества. Остаюсь преданный вам Ч. Дарвин».

Из этого письма видно, что Дарвин считал «Капитал» Маркса великим произведением. Он подчеркивает, что область исследования Маркса, т. е. эволюция современного общества, весьма далека от той области, исследованием которой он сам занимается, — от эволюции органического мира. Вместе с тем

Дарвин сожалеет, что, как узкий специалист, как естествоиспытатель, он не обладает достаточным пониманием социально-экономических вопросов. Однако это «сожаление», по всей вероятности, представляет собой в некоторой мере вежливую форму отмежевания от сочинения, которое подвергалось бешеной травле со стороны «дипломированных лакеев» буржуазии. Постоянно прихварывавший Дарвин, удалившись в идиллическую тишь Дауна, тщательно оберегал свое спокойствие, всячески отворачивался от волнений революционной борьбы, целиком отдавшись уединенной кабинетной работе. Поэтому, когда Маркс 7 лет спустя, в 1880 г., попросил Дарвина просмотреть корректуру 12-й и 13-й глав английского издания «Капитала», Дарвин отказался от чести, которую ему хотел оказать Маркс посвящением этих двух глав, повидимому, не желая быть заподозренным в том, что имеет какое-нибудь отношение к этой книге.

Отвечая Марксу, он писал 13 октября 1880 г.: «Я Вам очень благодарен за Ваше любезное письмо и приложение к нему. Для опубликования в какой бы то ни было форме Ваших замечаний на мои книги вовсе не требуется моего согласия, и было бы смешно с моей стороны давать свое согласие на дело, для которого оно не требуется. Я предпочел бы, чтобы отдел или том Вашего сочинения не был посвящен мне (хотя я благодарю Вас за честь, которую Вы хотели мне оказать), потому что это до известной степени означало бы, что я одобряю все сочинение, о котором я, однако, ничего не знаю... Мне грустно отвечать отказом на Вашу просьбу, но я стар и очень слаб, и просмотр корректур (как я убедился в последние дни на опыте) сильно меня утомляет».¹

Таким образом, сопоставляя личности Маркса и Дарвина, мы должны сказать, что громадное преимущество было на стороне Маркса. Именно, в то время как Маркс как мыслитель с весьма широким кругозором сумел оценить громадное историческое значение трудов Дарвина, последний, замкнувшись в область естествознания, далек был от того, чтобы в достаточной степени знать, кто такой был Маркс в научном отношении, каково значение его творчества. Но если бы Дарвину на это

¹ Характерно, что в большой коллекции писем и отрывков из писем Чарльза Дарвина, собранных в трех томах его сыном, ботаником Френсисом Дарвином, мы не находим ни одного из писем к Марксу. Повидимому, Френсису Дарвину пришлось замалчивать тот факт, что его отец был в переписке с пламенным и неустрашимым руководителем Интернационала, которого буржуазия злобно ненавидела, подвергала грязной клевете и т. д. Вместе с тем подбором материала он старался создать впечатление, что его покойный отец был в отношении религии не неверующим, а только агностиком и в связи с этим, как ниже увидим, вступил в полемику с Эвелингом. Все это делалось для того, чтобы доказать «добропорядочность» дарвинизма, безопасность этого учения для «устоев» буржуазного строя — собственности, семьи, религии и пр.

указали, он бы, несомненно, ответил следующими словами из своей автобиографии: «Каждый раз, когда мне приходилось убеждаться, что я сделал промах, или что мой труд не полон, всегда, когда меня презрительно критиковали или не в меру расхваливали, так что я чувствовал себя уязвленным, лучшее успокоение, как я это испытал сотни раз, находил я в том, что говорил самому себе: „Я трудился как только мог упорно и исправно, а большего от человека нельзя и требовать“. Я помню, еще во время стоянки на бухте Доброго Успеха, на Огненной Земле, я пришел к заключению (о чем, кажется, даже писал домой), что не мог бы лучше распорядиться своей жизнью, как посвятив ее приобретению каких-нибудь новых фактов из области естествознания. Я это выполнил по мере своих способностей, и критики могут говорить, что им угодно, — они меня в этом не разубедят» (Дарвин Ч. Собрание сочинений, т. I, изд. Поповой, 1898, стр. 28).

Действительно, все указывает на то, что Дарвин «трудился как только мог упорно и исправно». Но Дарвин скромно умолчал о том, что значительно перевыполнил свою «программу», что он не ограничился «приобретением каких-нибудь новых фактов из области естествознания», а создал теоретическую концепцию, имеющую огромное значение для научно-философского мировоззрения. Конечно, как буржуазный ученый Дарвин не чувствовал, что его идеи носят на себе печать той среды, из которой он вышел, и что поэтому его учение содержит недочеты, вызванные не только состоянием науки его времени, но и его буржуазной ограниченностью. Однако для пролетарской науки, которой приходится очистить дарвинизм от следов буржуазного мусора, важны не эти отрицательные моменты, а все то положительное, подлинно научное, что в огромном количестве имеется в учении Дарвина. Для нас важно то, что упорным многолетним трудом, изнемогая от болезни, напрягая свои последние силы, Дарвин вырывал у природы тайну за тайной и создал учение, которое живо в своих основных моментах и которое сыграло и продолжает играть большую революционную роль в теории и практике. Несмотря на отдельные более или менее серьезные ошибки Дарвина, вызванные его классово-ограниченностью, этот великий естествоиспытатель в основном наш. Недаром в эпоху загнивания капитализма не только религия, но и буржуазная наука и философия ведут бешеную борьбу с дарвинизмом, причем эта борьба приняла самые разнообразные формы.

В заключение обратим внимание на следующий чрезвычайно характерный факт. Семья собиралась похоронить Дарвина в его имении в Дауне в склепе, который он еще при жизни выстроил для себя, но большинство Палаты общин приняло решение удостоить его прах чести быть погребенным в Вестминстерском аббатстве — этом «храме английской славы». Настоятель этого

аббатства на письмо 12 членов Палаты общин, сообщавшее об этом решении, ответил любезным согласием и распорядился поместить могилу Дарвина рядом с могилой бессмертного Ньютона. Англиканская церковь устроила неверующему натуралисту, против его воли, блестящие похороны, которых удостаивает только самых влиятельных покровителей и защитников церкви. На похоронах участвовали дипломатические представители многих государств, и в это время в четырех лондонских соборах священники говорили своей пастве о той великой потере, которую понесла в лице Дарвина вся английская нация, а вместе с нею и все человечество. Таким образом, Дарвин, считавшийся при жизни еретиком, был похоронен со всеми подобающими христианскими почестями. Но этот лицемерный «поворот» в сторону Дарвина был только отчаянной попыткой обезвредить эволюционное учение в глазах народа, уверить широкие массы, что наука и религия не отвергают друг друга. А насколько правящие круги той же Англии в действительности чтят память Дарвина, видно хотя бы из того, что дом в Дауне, где жил и работал этот великий исследователь природы, только недавно был превращен в научный музей, а раньше он был пансионом для благородных девиц.

III. ОТХОД ОТ РЕЛИГИИ

Вскоре после смерти Дарвина начались различные попытки доказать, что Дарвин был искренно верующим, религиозно настроенным человеком. Эти душеспасительные попытки, принятые с целью обратить дарвинизм на пользу поповщины, не прекращаются вплоть до наших дней. М. Мюллер в 1890 г., Э. Вассман в 1901 г., В. Штерн в 1915 г. и другие поповствующие ученые и философы потратили немало сил на то, чтобы убедить своих читателей, будто Дарвин защищал теистическое мировоззрение, лежащее в основе всех монотеистических религий, т. е. верил в существование внемирового бога, создавшего весь мир и управляющего им.¹ В связи с этим некоторые защитники религии даже уверяют, будто Дарвин был

¹ О религиозности Дарвина ошибочно говорят и некоторые антирелигиозники. Так, например, В. Рожицын пишет: «С тех пор как духовенство отказалось от неравной борьбы с социалистическим просвещением на почве дарвинизма, с тех пор как оно перешло на платформу самого Дарвина, доказывая, что сам Дарвин был религиозным человеком не вопреки, а благодаря своему учению, с этих пор не могло не измениться отношение марксизма к дарвинизму». И далее: «Теперь, когда священники говорят: мы согласны с Дарвином в его теории и его религиозности, настало время выяснить, в чем же ошибался Дарвин, т. е. с какими недостатками его теории согласились священники, выдвигая на первый план слабое и необоснованное в дарвинизме, чтобы эксплуатировать его для целей религиозного обскурантизма в противовес социалистическому просвещению». Как видно, Рожицын вполне согласен с попами, говорящими о религиозности Дарвина, причем он выводит эту религиозность из «недостатков» дарвинизма, из самого этого

настолько религиозен, что выполнял некоторые церковные обряды. Так, например, они рассказывают, что когда к Дарвину пришел один из его друзей, то прислуга заявила, что она не смеет доложить о его приходе, пока Дарвин не окончит молиться богу.

Если бы это было на самом деле так, если бы Дарвин в действительности был религиозным человеком, то это, конечно, глубоко противоречило бы его учению, всему тому, что он строил в науке в течение всей его жизни. Но в том-то и дело, что религиозность Дарвина, его защита идеи бога, его молитвы и т. д. — только миф, созданный теми, кому он выгоден. Все, что мы знаем о творце дарвинизма, говорит о том, что нет никаких оснований считать его верующим в бога: он жил и умер как неверующий. Между прочим, последние слова Дарвина, сказанные на смертном одре, были: «Я совсем не боюсь умирать...»

Следует отметить, что Дарвин вырос и жил в атмосфере, которая в известной мере была пропитана духом «научной» поповщины. Дело в том, что учителями Дарвина в области естествознания были главным образом ботаник Дж. Генслоу (1796—1861) и геолог Адам Седжвик (1785—1873) — лица духовного звания. Близкими друзьями его были также священники — Л. Дженнинс, Фокс, Кингслей и др., занимавшиеся различными естественнонаучными вопросами. Однако, несмотря на это поповское окружение, Дарвин проявил свободомыслие и, в конце концов, стал совершенно неверующим человеком.

В автобиографии Дарвина и в особенности в большом дополнении к ней, а также в его письмах к разным лицам, содержится довольно значительный материал, позволяющий нам судить о мировоззрении Дарвина и его взглядах, касающихся религии. Мы здесь приведем лишь самое основное из этого материала, свидетельствующего о разрыве Дарвина с идеями бога, бессмертия души и т. п. и вместе с тем выявляющего целый ряд интимных, мало известных сторон мировоззрения величайшего творца эволюционного учения.¹

учения. И на этом основании Рожицын требует, чтобы марксисты радикально изменили свое прежнее отношение как к самому Дарвину, так и к дарвинизму. Правда, немного далее он пишет совсем другое: «В силу классовой традиции, Дарвин наивно и верно исповедывал бога библии и евангелия, едва ли отдавая себе отчет в том, что его вера противоречит всему, что он создавал и строил в науке в течение всей своей жизни. Никому из последователей Дарвина не приходило в голову считать религиозность свойственным самому учению фактом или необходимым для построения науки о естественном отборе. Дарвин был религиозен не в силу внутренней потребности своей теории, а в глубоком противоречии с нею». Как видно, Рожицын, путая по вопросу о причинах религиозности Дарвина (то он религиозен «благодаря своему учению», то — «вопреки своему учению»), не сомневается в том, что «Дарвин наивно и верно исповедывал бога библии и евангелия».

¹ К сожалению, переписка Дарвина и наиболее интересные добавления к его автобиографии пока еще не имеются в русском переводе. Некоторые

Характерно, что, говоря о своем разрыве с религиозным мировоззрением, Дарвин обыкновенно отмечал, что он пришел к этому лишь под влиянием собственных размышлений, не считаясь ни со школьной наукой, ни с господствующими мнениями. Так, в ответе на анкету, составленную его родственником Ф. Галтоном, он писал: «Я отказался от обычных религиозных верований совершенно независимо от данных своего образования и убеждений общества». Пережил же он разрыв с религией очень легко, так как был чужд мистицизма и по существу даже нерелигиозен и тогда, когда был еще наивно «верующим» человеком. А между тем было время, когда Дарвин чуть ли не сделался лицом духовного звания. Незадолго перед смертью он шуточно рассказывал, что на старости лет какое-то немецкое психологическое общество публично обсуждало форму его головы (по фотографии, конечно), и один из присутствующих высказал мнение, что «шишка благоговения» развита у него до такой степени, что ее хватило бы на целый десяток пасторов.

В своей автобиографии, написанной в 1876 г., Дарвин писал: «Когда подумаешь, как свирепо нападали на меня позднее сторонники церкви, просто смешно вспомнить, что я сам когда-то имел намерение сделаться пастором» (Дарвин Ч. Собрание сочинений, т. I, изд. Поповой, 1898, стр. 9). Дело в том, что отец Дарвина хотел видеть своего сына врачом, но вскоре заметил, что эта карьера не улыбается сыну и поэтому предложил ему сделаться священником. Хотя молодой Дарвин «с удовольствием остановился на мысли сделаться сельским пастором», он попросил время на размышление. Прочтя ряд книг по богословию, а также «священное писание», он нашел, что может безо всякого внутреннего противоречия сделаться проповедником официальной религии, догматов англиканской церкви. С этой целью Дарвин в начале 1828 г. поступил на богословский факультет («Коллегию Христа») Кембриджского университета, где вместе с другими студентами обязан был ежедневно посещать богослужение. В связи с этим характерно его письмо, написанное им в марте 1829 г. к своему другу Фоксу, где он говорит: «Я очень рад, что ты изучаешь теологию. Мне бы очень хотелось знать, какие книги ты читаешь и каковы твои взгляды на них. Тебе не надо бояться того, что ты будешь опрометчив в своих ответах на этот вопрос».

В 1831 г., будучи 22 лет от роду, Дарвин, сдав экзамены,

письма и отрывки из переписки (вместе с отрывками из сочинения Фр. Дарвина о жизни его отца) приведены в добавлении к т. VIII иллюстрированного собрания сочинений Ч. Дарвина, изд. Лепковского, 1909. См. Darwin Fr., *Life and Letters of Ch. Darwin*, 3 vols. London, 1887. Хорошим извлечением из этого трехтомника является: *Autobiography of Charles Darwin, with two appendices, comprising a Chapter of reminiscences and a Statement of Charles Darwin's religious views by his son Sir Francis Darwin*, London. В дальнейшем изложении делаются ссылки только на соответствующий том писем.

окончил курс богословского факультета и получил право занять должность священника. Но о подыскании подходящей должности он не думал, ибо у него начали возникать сомнения по вопросу о том, может ли он стать священником. Один из его друзей молодости, Гербертс рассказывает об этом: «У нас был серьезный разговор по поводу его плана стать священником. И я вспоминаю, что Дарвин, указывая на предлагаемый епископом при посвящении в священники вопрос о том, убежден ли посвящаемый, что его побуждает к данному поступку святой дух, спросил меня о том, могу ли я ответить на этот вопрос утвердительно, и когда я ему ответил, что я не мог бы этого сделать, он сказал мне: „Я тоже не могу этого сделать, и потому я не могу стать священником“. Таким образом, в вопросах веры Дарвин был честным критиком своего сердца и тогда, когда еще был наивно верующим человеком, так что на старости лет он имел право отметить: «Мне кажется, что религиозное чувство никогда не было сильно развито у меня».

Но особенно важно то, что вскоре по окончании Дарвином университета случилось нечто, что дало жизни Дарвина совершенно новое направление и определило всю его дальнейшую деятельность: он принял участие в пятилетнем путешествии вокруг света на корабле «Бигль» в качестве коллектора, т. е. собирателя коллекций. Будучи студентом-богословом, он познакомился с двумя видными естествоиспытателями, ботаником Генслоу и геологом Седжвиком, которые охотно брали его на экскурсии. Это не только приучило его к разным научным наблюдениям, но и вызвало в нем горячую любовь к естественным наукам, к изучению явлений природы, к составлению коллекций и т. д. И с того момента, как он получил приглашение поехать на корабле «Бигль» коллекционером, его судьба была окончательно решена: его интересы направились лишь в одну сторону — в сторону естествознания. Вследствие этого намерение Дарвина сделаться пастором, по его собственному выражению, «как-то умерло естественной смертью», когда он вступил натуралистом на борт «Бигля». К тому же под влиянием углубления своих знаний в области естествознания и в особенности под влиянием зарождения в его голове великой эволюционной идеи, его отношение к религии начало все более изменяться.

В течение 1836—1839 гг., когда у Дарвина оформились основные положения его эволюционного учения, наступил кризис его религиозных воззрений, и в связи с этим у него появился некоторый интерес к философии. К сожалению, писем, свидетельствующих о его переживаниях того времени, не сохранилось, так что обо всем этом мы можем судить только по одному автобиографическому отрывку, написанному Дарвином незадолго перед смертью и опубликованному в первом томе его писем. Там Дарвин со свойственной ему искренностью рассказывает о том, что постепенно потерял веру в божественное

откровение и в возможность чудес, убедившись в полнейшей антинаучности и нелепости этих двух основных пунктов религиозного мировоззрения. К тому же он нашел противоречия, ошибки и несуразности в священных книгах и при этом окончательно осознал отсутствие доказательств в пользу религиозного мировоззрения.

Вот что Дарвин пишет об этом: «В течение двух лет многое наводило меня на мысли о религии. Во время своего путешествия на корабле «Бигль» я был вполне верующим, ортодоксальным христианином, и я припоминаю, как некоторые офицеры (которые тоже были верующими) от всей души смеялись надо мной, что я по какому-то вопросу о нравственности цитировал библию, как неопровержимый авторитетный источник. Мне кажется, что их рассмешила новизна моего метода доказательства. Но в течение времени, от октября 1836 г. до 1839 г., я постепенно пришел к сознанию того, что ветхому завету нельзя верить больше, чем священным писаниям индусов. В то время в моей голове постепенно возникал вопрос: возможно ли, чтобы бог, желая в настоящее время ниспослать индусам откровение, допустил такие же тесные взаимоотношения между этим откровением и верой в Вишну, Шиву и т. д., какие существуют между христианством и ветхим заветом? От этого вопроса я не мог отделаться, и мне казалось, что на него можно дать только отрицательный ответ. Потом я стал задумываться над тем фактом, что для уверования в чудеса, лежащие в основе христианства, человек со здравым рассудком потребует вполне точных доказательств, и что по мере нашего ознакомления с твердо установленными законами природы возможность чудес становится все менее и менее вероятной. Я не мог также не обратить своего внимания на то, что люди времен возникновения христианства были поразительно невежественны и легковерны, и что нельзя доказать, что евангелия написаны в то время, когда происходили описываемые ими события. Я не мог также не задуматься над тем, что многие важные явления изображены в различных евангелиях различно. Эти явления, как мне казалось, слишком важны для того, чтобы можно было объяснять различия в изображении их обычными ошибками очевидцев. Все эти мысли я привожу не потому, чтобы они представляли собой что-либо новое или ценное, а лишь потому, что они оказывали на меня очень сильное действие, и под их влиянием я постепенно пришел к убеждению в том, что христианство не представляет собой божественного откровения. При этом я не мог не считаться также с тем, что многие ложные религии распространялись по земле с быстротой молнии. Но мне совсем не хотелось отказываться от своей веры. В этом я уверен, так как я могу ясно припомнить, что я постоянно рисовал себе различные фантастические картины того, как в Помпеях или других местах будут найдены старые письма и рукописи автори-

тетных римлян с подтверждением всего изложенного в евангелиях. Но, несмотря на то, что я предоставил своей фантазии полную свободу действия, тем не менее мне становилось все труднее и труднее находить доказательства, которые могли бы меня убедить в истинности христианства. Так в мою душу медленно прокрадывалось неверие, и, в конце концов, я стал совершенно неверующим человеком. Неверие прокрадывалось в мою душу так медленно, что я не ощущал при этом никакого тяжелого неприятного чувства» (Life and Letters of Charles Darwin, vol. I, p. 307—308; или Autobiography of Charles Darwin etc, p. 143).

Мы видим, таким образом, что после долгих размышлений Дарвин отказался от своих религиозных воззрений, стал совершенно неверующим человеком, и произошло это как-то само собой. Дарвин отмечает, что он «стал задумываться особенно сильно над вопросом о существовании личного бога лишь в довольно поздний период своей жизни», т. е. в то время, когда в его голове окончательно утвердилась идея об органической эволюции и когда ему стало ясно, что двигателем, пружиной этой эволюции является совершенно стихийный процесс — естественный отбор. Хотя Дарвин рассказывает, что кризис религиозных воззрений пережил в 1836—1839 гг., т. е. приблизительно в тридцатилетнем возрасте, окончательный разрыв с религией он относит к более позднему времени. Действительно, Дарвин в «Очерке 1844 г.», подробно излагая основные положения своего учения, опасается быть понятым так, что его объяснение происхождения целесообразных приспособлений организмов необходимо ведет к отрицанию «творца». Желая показать, что естественный отбор действует подобно искусственному и что это вызвано «вторичными законами», т. е. естественными причинами, Дарвин говорит: «В согласии с планом, по которому эта вселенная, повидимому, управляется творцом, рассмотрим, не существуют ли еще какие-нибудь вторичные способы в экономике природы, посредством которых процесс отбора может идти замечательно точно, приспособляя к различным целям организмы, сколько-нибудь пластичные» (Дарвин Ч. Сочинения, т. III, изд. Академии Наук, 1939, стр. 135).

Следовательно, заложив основы своего эволюционного учения, Дарвин не сразу порвал с идеей бога и в течение некоторого времени стоял на точке зрения деизма: он полагал, что эволюция органического мира протекает на основе закономерностей, которые якобы даны природе богом при создании вселенной. Но, по мере того как Дарвин разрабатывал и продумывал свою концепцию эволюции живой природы, его покидала всякая вера в бога. В своей конкретной работе, в своих научных исследованиях он последовательно проводил чисто материалистическое, строго научное объяснение явлений органического мира, решительно отвергая вмешательство сверхъестественных сил.

В связи с этим отметим, что в разговоре с зятем К. Маркса, естествоиспытателем Э. Эвелингом, в присутствии известного материалиста Л. Бюхнера (автора книги «Сила и материя» и других распространенных книг), старик Дарвин за полгода до своей смерти сказал: «Я отверг христианскую религию лишь на сороковом году». Его спросили о причине столь долгой медлительности. «С подкупающей искренностью, — рассказывает Эвелинг в своей книжке о жизни и деятельности Дарвина, — он ответил, что у него просто нехватало времени думать об этом. Его научная работа настолько поглощала все его время, что у него не оставалось досуга для подробного изучения теологических вопросов. Но некоторое внимание он все же уделял этой теме». На дальнейшие вопросы Дарвин ответил, что в позднейшие годы он пытался найти оправдание христианства. На вопрос, почему он отверг христианство, Дарвин дал простой, но много говорящий ответ: «Нет фактических доказательств». ¹ И эти слова вышли из уст человека, который обыкновенно взвешивал доказательства весьма тщательно и безукоризненно. Действительно, если мы примем во внимание, как бесконечно добросовестно Дарвин исследовал каждое научное доказательство, как скрупулезно, тщательно, точно и честно он изображал обе стороны проблемы, как тщательно и точно он взвешивал «за» и «против», то мы поймем все сокрушающее значение слов: «Нет фактических доказательств».

Как человек, получивший теологическое образование, Дарвин, конечно, хорошо был знаком со всеми богословскими доказательствами существования бога. Поэтому, как только у Дарвина начался кризис его религиозных воззрений, он старался хорошенько продумать все эти доказательства, чтобы определить их ценность. При этом особенно подробно он разобрал те «аргументы», при помощи которых доказывалось существование в природе божественной «целесообразной силы» или «разумной воли», и в связи с этим очень часто возвращался к факту существования зла, горя, несчастья и т. д. К этим проблемам Дарвин, конечно, подошел главным образом с точки зрения своего учения о естественном отборе, причем, указывая в упомянутой автобиографической заметке на те «общие выводы», к которым он «поневоле пришел», он говорит: «Приводимое Пэлеем старое доказательство существования цели в природе, казавшееся мне прежде решающим, оказывается в настоящее время, после того как открыт закон естественного отбора, ложным. Ведь мы не можем уже больше думать,

¹ В другой своей работе Эвелинг пишет об этом: «В разговоре мы узнали, что Дарвину было свыше сорока лет, когда он стал агностиком. Мы спросили его, почему он отвернулся от господствующего учения. Его ответ гласил: «Потому что я не нашел доказательств в его пользу» (Эвелинг Э. Ч. Дарвин и К. Маркс. «Научное обозрение», 1897. № 10).

что, например, прекрасная двухстворчатая раковина построена каким-то разумным существом, подобно тому, как дверной крюк построен человеком. В изменчивости органических существ и в образе действий естественного отбора кроется, как мне кажется, не больше целесообразности, чем в том направлении, в котором дует ветер. Этому вопросу я касаюсь в конце своей книги „Изменения животных и растений вследствие приручения“; насколько я знаком с соответствующей литературой, приводимые там доказательства ни разу не опровергались. Если же мы оставим в стороне все те бесчисленные чудесные приспособления, с которыми мы повсюду сталкиваемся, то можно спросить, как объяснить тот факт, что наш мир в общем устроен очень хорошо. На некоторых писателей страдания мира производят такое сильное действие, что, принимая в соображение все ощущающие существа, они высказывают сомнение в том, царит ли в мире больше горя или счастья, и хорош ли или плох мир как целое. По моему мнению, в мире гораздо больше счастья, чем горя, хотя доказать это очень трудно. Но если я прав, то факт преобладания счастья в мире вполне соответствует тем действиям, которые мы можем ожидать от естественного отбора. Если бы все особи какого-нибудь вида постоянно страдали в очень сильной степени, то они бы забывали о размножении своего вида. Но у нас нет никаких оснований для того предположения, что это когда-нибудь или по крайней мере часто имелось налицо. Кроме того, при некоторых других размышлениях можно притти к тому убеждению, что все ощущающие существа устроены так, что в общем они наслаждаются счастьем».

Развивая эту мысль, Дарвин продолжает: «Если вы, подобно мне, придерживаетесь того взгляда, что все телесные и духовные органы всех существ (за исключением тех органов, которые не полезны и не вредны своим обладателям) развились под влиянием естественного отбора или в результате передвижения более приспособленного существа в связи с употреблением данного органа или привычкой, — то тогда вы признаете, что эти органы образованы так, что обладатели их могут успешно конкурировать с другими существами и таким путем размножаться. Животное побуждается к той деятельности, которая наиболее благотворна для вида, или страданием, как, например, болью, голодом, жаждой и страхом, или удовольствием, доставляемым едой, питьем, размножением рода и т. д., или, в конце концов, обоими этими факторами вместе, как это, например, имеет место при отыскании пищи. Боль или страдание вызывают упадок духа и уменьшают нашу дееспособность, если они тянутся долго. Но они пригодны к тому, чтобы развить в существе осторожность и внимательность к какому-нибудь крупному или внезапному злу. Напротив, приятные ощущения могут оставаться в силе очень долго, не оказы-

вая угнетающего влияния. Они даже возбуждают все тело к более усиленной деятельности. Поэтому-то все или почти все ощущающие существа развились путем естественного отбора таким образом, что ими обыкновенно руководят приятные ощущения. Примером этого может служить удовольствие, доставляемое нам напряженным трудом. Даже очень напряженный физический или умственный труд доставляет нам иногда удовольствие. Нам доставляют также иногда удовольствие наши обеды и особенно общественность и любовь нашей семьи. Благодаря общей сумме всех этих удовольствий, представляющих собой нечто обыкновенное или часто повторяющееся, у большей части ощущающих существ счастье, как это мне кажется стоящим вне сомнения, имеет перевес над несчастьем, хотя многим существам приходится временами сильно страдать. Эти страдания вполне совместимы с верой в естественный отбор, который в своем действии не представляет собой чего-то совершенного, а стремится лишь к тому, чтобы каждый вид достигал возможно большего успеха в борьбе за существование с другими видами, в борьбе, происходящей при самых сложных и изменчивых условиях».

Как видно, выдвигая проблему мирового зла, Дарвин все же не был пессимистом в духе Шопенгауэра, Гартмана и других тогдашних философов. Он питал убеждение, — доказательство которого считал, правда, «очень трудным», — что счастье в мире значительно перевешивает над несчастьем. Тем не менее он не находил возможным смотреть на естественный отбор, влекущий за собой страдания и бедствия и порождающий ненависть и жестокость не меньше, чем любовь и кротость, как на средство в «руках заботливого провидения. Поэтому, рисуя развитие своих взглядов, касающихся религии, Дарвин, между прочим, указывает, что он не может пройти мимо того обстоятельства, что существование горя, зла, страданий, дисгармоний в мире находится в остром, непримиримом противоречии с допущением всеведущего и всеблагого божества. «Никто, — говорит он, — не может спорить против того, что в мире много страданий. Некоторые люди пытались объяснить эти страдания, поскольку дело идет о человеке, допущением того, что страдания служат для его нравственного усовершенствования. Но число людей во всем мире крайне незначительно в сравнении с числом других ощущающих существ, которые страдают очень сильно, нисколько не совершенствуясь в нравственном отношении. Это очень старое доказательство против существования какой-нибудь первопричины казалось мне вполне основательным, и в то же время существование большого количества страданий может быть прекрасно примирено с идеей развития органических существ путем изменения и естественного отбора».

Весьма характерно, что всякий раз, когда Дарвину приходилось в своих письмах к друзьям высказываться по религиоз-

ным вопросам, он возвращался к реальности зла, формулируя свои атеистические воззрения довольно агрессивным образом. Так, например, в письме к своему другу, американскому ботанику-дарвинисту Аза Грею, от 22 мая 1860 г. он пишет: «Сознаюсь, что не могу повсюду видеть доказательства преднамеренности и благотворности с такой ясностью, с какой это видят другие и с какой бы я сам хотел это видеть. Мне кажется, что в мире существует слишком много несчастья. Я не могу убедить себя в том, что всеблагий и всемогущий бог стал бы преднамеренно создавать ихнеймонид с тем определенным назначением, чтобы они питались в живом теле гусениц; я не могу допустить, чтобы такой бог предназначил кошке играть с мышами, прежде чем убивать их».

Однако в своих печатных трудах Дарвин был очень осторожен и не решался высказать эти свои явно атеистические мысли, хотя они необходимо вытекают из его учения. Более того, в «Происхождении видов» свой анализ борьбы за существование он даже закончил словами, которые в известной мере звучат диссонансом в его общем мировоззрении и являются некоторой уступкой настроениям окружающей его буржуазной среды. Там сказано: «Размышляя об этой борьбе, мы можем утешать себя мыслью, что эта война, которую ведет природа, имеет свои перерывы, что при этом не испытывается никакого страха, что смерть обыкновенно разит быстро и что сильные, здоровые и счастливые выживают и размножаются» (Дарвин Ч. Сочинения, т. III, изд. Академии Наук, 1939, стр. 326). Но это, как ниже увидим, не единственный «грех» Дарвина в вопросах, касающихся религиозного мировоззрения.

Как бы то ни было, уже из приведенного материала достаточно ясно видно, что Дарвин, задумываясь над богословскими аргументами, выдвинутыми для доказательства бытия бога, невольно приходит к заключению, что они ничего не стоят, что они противоречат не только основным положениям его учения и вообще всем нашим знаниям о мире, но противоречат и просто здравому смыслу. Но Дарвин обращает свой критический взгляд не только на аргументы логического характера, опирающиеся на разум, но и на «доводы от сердца», вытекающие, по заявлениям богословов, от нашего «внутреннего чувства».

Дарвин пишет: «В настоящее время наиболее обычным доказательством существования разумного бога является указание на глубокое внутреннее убеждение и на чувства, испытываемые большей частью людей в самих себе. Прежде эти чувства заставляли меня верить в существование бога (хотя, как мне кажется, религиозное чувство никогда не было сильно развито у меня). В своем „Дневнике“ я раз записал, что „невозможно передать достаточно ярко те высшие чувства удивления, восхищения и смирения, которые заполняют и возвышают наш

дух", когда находишься среди великолепной природы бразильского леса. Я прекрасно помню свою уверенность в том, что в человеке имеется нечто большее, чем простое дыхание его тела. В настоящее время красивая, роскошная картина бразильского леса не пробудила бы в моей душе подобных ощущений и убеждений. Меня можно было бы удачно сравнить с человеком, потерявшим способность различать цвета; а имеющаяся у всех людей вера в существование красного цвета не делает факта потери моей способности к восприятию основательным доказательством в пользу их веры. Это доказательство имело бы силу, если бы люди всех рас обнаружили одно и то же внутреннее убеждение в существовании бога. Но мы знаем, что это совсем не так. Поэтому я не могу согласиться с тем, будто различные внутренние убеждения и ощущения могут быть рассматриваемы как веские доказательства существования бога. Душевное настроение, вызывавшееся во мне под влиянием великолепных картин и находившееся в тесной связи с верой в бога, не многим отличается от того настроения, которое часто называется чувством возвышенного. И как ни трудно объяснить возникновение этого чувства, тем не менее мы имеем такое же право видеть в нем доказательство существования бога, с каким мы можем видеть доказательство в неопределенных, но сильных ощущениях, вызываемых в нас музыкой».

Что же касается другого «устоя» религии — веры в бессмертие души, то Дарвин подробно его не разбирал, очевидно считая само собой разумеющимся, что ни о каком бессмертии не может быть речи. Он лишь отмечал, что вера в бессмертие должна быть очень сильна и почти инстинктивна. «Ничто,—говорит он,— не убеждает меня в этом так ясно, как ближайшее рассмотрение того высказываемого в настоящее время большей частью физиков мнения, что Солнце со всеми планетами охладится со временем настолько сильно, что оно не сможет поддерживать существование жизни, если какое-нибудь тело не упадет на Солнце и этим самым не сообщит ему новой энергии. Если вы, подобно мне, верите в то, что человек будет в отдаленном будущем более совершенным существом, чем каковым он является в настоящее время, то мысль о том, что он и все другие существующие существа обречены на полную гибель после долгого, медленного прогресса, становится невыносимой. Людям, верующим в бессмертие нашей души, гибель нашего мира кажется не столь ужасной». А назойливо приставшему к нему в 1879 г. с вопросом о будущей жизни «Немецкому студенту» (повидимому, религиозно настроенному) он неохотно ответил, что по этому поводу «каждый человек должен сам себе составить определенное решение на основании неопределенных, противоречащих друг другу вероятностей».

В связи с этим замечанием необходимо отметить, что в «Происхождении человека» Дарвин слегка касается веры в бес-

смертие души, причем в весьма осторожной форме в нескольких словах выявляет полнейшую антинаучность этой веры. Дарвин там говорит: «Тот, кто верит в постепенное развитие человека из какой-нибудь низко организованной формы, естественно должен спросить: как согласовать такое понятие с верой в бессмертие души? Дикие человеческие расы, как показал сэръ Леббок, не имеют, правда, ясных представлений этого рода, но доводы, заимствованные из первобытных верований дикарей, не могут иметь, как мы видели, никакого или лишь малое значение. Очень немногие люди будут тревожиться невозможностью определить, в какой именно период развития, от появления ли первых следов микроскопического зародышевого пузырька до полного развития ребенка, до или после рождения, человек начинает становиться бессмертным существом; и я не вижу более серьезных причин тревожиться по поводу того, что и в постепенно поднимающейся органической лестнице этот период не может быть определен с точностью» (Дарвин Ч. Собрание сочинений, т. II, изд. Поповой, 1899, стр. 416).¹

В «Происхождении человека» Дарвину пришлось коснуться и веры в бога; но сделал он это тоже чрезвычайно осторожно. При этом характерно то, что он там намеренно трактует не вопрос о бытии бога, а вопрос о происхождении идеи бога и вообще сверхъестественного. На всякий случай Дарвин даже говорит своим читателям, что вопрос о возникновении веры в божество «не имеет, конечно, ничего общего с великим вопросом, существует ли вообще творец и управитель вселенной, — вопрос, на который отвечали утвердительно величайшие из когда-

¹ Вопрос о времени, когда «человек начинает становиться бессмертным существом», чрезвычайно смущает религиозников, и это обстоятельство использовано некоторыми дарвинистами в целях антирелигиозной пропаганды. Например, Август Форель в своей брошюре «Жизнь, смерть, бессмертие» писал: «Чем будет в раю мертворожденное дитя, душа которого, т. е. мозг, еще не начал функционировать? Его вспоминающее, сознательное, духовное „я“, которое никогда не существовало, не может там обрести себя. Или, быть может, зародыш также бессмертен, но тогда с какого же момента? Если с момента зачатия, то мы не должны забывать, что в это время он представляет не что иное, как продолженное совместное существование отцовской и материнской клеточек, и что до этого момента его «я» существовало еще раздельно в его родителях. Один католический священник, которому я предложил однажды вышеприведенный вопрос, был поставлен им в большое затруднение. Он навел справки и через несколько дней ответил мне, что святой дух вдыхает душу в каждый зародыш на шестом месяце беременности. Историка недурна! У Рима есть на все готовый ответ! К сожалению, ответы эти не всегда одинаковы. Одна католическая дама заявила мне, что упомянутый священник заблуждался: поставленный мною вопрос является спорным, но во всяком случае твердо установлено, что душа вдыхается при зачатии (момент соединения обеих зародышевых клеточек). Доказательством служит то, что в случаях выкидышей крещению подвергались даже очень малые зародыши, например, на первом или втором месяце беременности. Она сама окрестила совсем маленький зародыш одной девушки, имевшей выкидыш, в то время, как он лежал в сосуде. Представьте себе только душу этого зародыша в раю!»

либо живших умов». Но это не помешало ему полностью опровергнуть все то, чему сторонники поповщины учат о возникновении религии.

Как известно, защитники религиозного мировоззрения говорят, что вера в единого бога в той или иной форме искони существовала у человечества. Дарвин в «Происхождении человека» решительно отрицает это утверждение и доказывает, что человек не может быть назван религиозным существом, что религия не прирождена человеку: она возникла вполне естественным путем из суеверий дикарей лишь на определенной стадии умственного развития. Резюмируя свои мысли по этому поводу, он пишет: «На веру в бога часто указывали не только как на одно из самых сильных, но и как на самое решительное из различий между человеком и низшими животными. Невозможно, однако, как мы уже видели, утверждать, что эта вера врождена или инстинктивна у человека. Но, с другой стороны, верование в распространенных повсюду духовных деятелей встречается повсеместно и, повидимому, составляет плод значительного развития рассуждающих способностей человека и еще большего развития таких способностей, как воображение, пылливость и удивление. Я знаю, что многие приводят эту предполагаемую инстинктивную веру в бога как доказательство его существования. Но такое заключение слишком поспешно; допустив его, нам пришлось бы верить в существование многих жестоких и злобных духов, обладающих несколько большей властью, чем человек; потому что верование в них несравненно больше распространено, чем вера во вселюбящее божество. Понятие о едином и благодетельном творце мира не рождается, повидимому, в уме человека до тех пор, пока он не достигнет высокого развития под влиянием долговременной культуры» (Дарвин Ч. Собрание сочинений, т. II, изд. Поповой, 1899, стр. 416).

Доказывая, что на заре сознательного развития человек не знал идеи божества, Дарвин вместе с тем отметил, что еще в его время существовали народы, которым было чуждо всякое религиозное чувство и которые не имеют даже в своем языке слов для выражения понятия божества. Дарвин рассказывает, что, живя среди дикарей, жителей острова Огненная Земля, он никак не мог обнаружить, чтобы они верили в то, что мы называем божеством, или имели какие-нибудь религиозные обряды. Все это очень важные мысли, которые были «не по вкусу» не только многим современникам Дарвина, но бешено оспариваются и целым рядом буржуазных этнографов и историков религии наших дней. Например, Вильгельм Шмидт, Копперс, Гас и др. прибегают, в целях защиты классовых интересов, к всевозможным ухищрениям для поддержания поповского утверждения, что человечеству искони присуща была вера в бога, сверхъестественное и т. д.

Весьма интересно то обстоятельство, что, касаясь работ Тэйлора, Леббока и Спенсера о возникновении религиозных верований из анимизма, т. е. из представления о бестелесных, духовных существах, «духах», которыми наделены вещи, Дарвин высказал мысль, впоследствии забытую и лишь в наши дни воскресшую в работах Маретта, Нильсона и их последователей. В одном из примечаний к «Происхождению человека» Дарвин пишет: «Я не могу удержаться от предположения, что существовали еще более ранние и более грубые времена, когда все, в чем обнаруживались сила и движение, должно было считаться одаренным жизнью и умственными способностями, подобными нашим собственным» (Дарвин Ч. Собрание сочинений, т. II, изд. Поповой, 1899, стр. 65). Эту стадию в умственном развитии человечества, еще более раннюю и примитивную, чем анимизм, Маретт и его сторонники называют «аниматизмом» (или «панвивизмом»), т. е. стадией всеобщего оживотворения природы, перенесения на нее основных свойств живых существ — движения, воли и т. д. В связи с этим своим взглядом Дарвин рассказывает о следующем «своем наблюдении»: «Моя собака, взрослое и умное животное, лежала на траве в жаркий тихий день. На небольшом расстоянии от нее легкий ветерок случайно пошевелил раскрытый зонтик — обстоятельство, на которое собака не обратила бы, вероятно, ни малейшего внимания, если бы кто-либо находился возле. Как бы то ни было, но всякий раз, как зонтик шевелился, собака начинала сердито ворчать и лаять. Вероятно, она рассудила быстро, и не давая отчета самой себе, что движение зонтика без всякой видимой причины обличает присутствие какого-либо неизвестного живого существа, а никто чужой не имел права вступать в ее владения» (Дарвин Ч. Собрание сочинений, т. II, изд. Поповой, 1899, стр. 65).

Между прочим, некоторое отдаленное сходство с религиозным чувством Дарвин видел «в привязанности собаки к своему хозяину, в ее горячей любви, соединенной с полной покорностью, некоторой боязнью и, может быть, еще с другими чувствами. Собака, возвращающаяся к хозяину после долгой разлуки, и — я могу прибавить — обезьяна при виде любимого сторожа держат себя совершенно иначе, чем при встрече со своими товарищами; в последнем случае радость не так сильна, и чувство равенства выражается в каждом действии». Но эта аналогия неправильна, ибо корни религиозного чувства не биологические, а исключительно социальные, т. е. они порождены определенными производственными отношениями и, следовательно, имеют преходящий характер, — они возникли при известных общественных условиях и при известных общественных условиях должны исчезнуть.

Защитники религиозных верочений всячески замалчивают приведенные нами высказывания самого Дарвина об его отно-

шении к религиозному мировоззрению. Но это только доказывает, что эти высказывания никак не вяжутся с утверждением, что этот великий натуралист был верующим человеком, молился, защищал религиозные идеи и т. д. Эти высказывания недвусмысленно, неопровержимо свидетельствуют о фактическом разрыве Дарвина с религией.

IV. РАЗРУШЕНИЕ ТЕЛЕОЛОГИИ

Для защитников «научной» поповщины крайне важно создать впечатление, что дарвинизм не может считаться естественнонаучной опорой атеизма. В связи с этим идеалист Леман в своем «Учебнике философской пропедевтики» уверяет, будто «Дарвин решительно защищал телеологическое мировоззрение, а именно, что божественный разум создал мир для определенной цели, что вовсе не противоречит строго причинному объяснению природных явлений». А между тем во всех своих высказываниях о религиозном мировоззрении Дарвин не переставал подчеркивать, что в природе нет никакой цели, никакой преднамеренности или разумной воли. Своим друзьям из ученого мира он в письмах и беседах постоянно указывал, что этот вывод с необходимостью вытекает из учения о естественном отборе, давшего весьма простое научное объяснение целесообразных явлений органического мира. Недаром это именно объяснение, совершенно сокрушившее старую телеологию и тем самым в значительной степени подкрепившее естественнонаучный фундамент материалистического миропонимания, было встречено в штыки сторонниками скрытой и явной поповщины.

Как только Дарвин занялся вопросом о происхождении видов, ему стало ясно, что всякому, кто вздумал бы заявить, что органические виды возникли естественным путем в результате медленного изменения и развития, тотчас же задали бы вопрос: откуда же в таком случае столь поразительная «гармония» между устройством животного или растения и условиями его существования? Поэтому он с самого начала своего исследования теснейшим образом связал между собой вопрос о разнообразии органических видов при общности их происхождения с вопросом о возникновении у живых существ целесообразных, приспособительных признаков. В своей автобиографии Дарвин отмечает: «Очевидно, что ни влияние окружающих условий, ни воля самого организма (в особенности в отношении к растению) не могли объяснить бесчисленных случаев изумительного приспособления организмов к их образу жизни — каковы приспособления дятла или лягушки-древесницы к лазанию по деревьям, или многих семян к распространению при помощи крючков или летучек. Меня всегда поражали эти приспособления, и, пока не было найдено для них

объяснения, мне казалось почти бесполезным нагромождать косвенные свидетельства в пользу изменчивости видов» (Дарвин Ч. Собрание сочинений, т. I, изд. Поповой, 1898, стр. 24—25).

Точно так же уже в начале введения своего главного труда Дарвин пишет: «Что касается вопроса о происхождении видов, то вполне мыслимо, что натуралист, размышляющий о взаимном родстве между органическими существами, об их эмбриологических отношениях, их географическом распространении, геологической последовательности и других подобных фактах, мог бы притти к заключению, что виды не были созданы независимо одни от других, но произошли, подобно разновидностям, от других видов. Тем не менее подобное заключение, хотя бы даже хорошо обоснованное, осталось бы неудовлетворительным, пока не было бы показано, почему бесчисленные виды, населяющие этот мир, изменялись таким именно образом, что они приобретали то совершенство строения и взаимоприспособления, которое справедливо вызывает наше изумление» (Дарвин Ч. Сочинения, т. III, изд. Академии Наук, 1939, стр. 271).

Как известно, до середины прошлого столетия всякий биолог, присматриваясь к приспособленности органа к внешним условиям существования, склонен был восклицать вслед за псалмопевцем: «Чудны дела твоя, господи, своя премудростью совершил еси!» К тому же для биологов было ясно, что коренная особенность «организма», выражающаяся в самом этом слове, указывает на то, что он состоит не просто из частей, а из органов, т. е. «орудий», исполняющих известные служебные отправления. Поэтому установилось такое убеждение, что исследователь должен только указывать на те «цели», которые достигаются организацией, не касаясь вопроса, каким образом осуществляется именно это соответствие между органом и его отправлением. А это, конечно, значит, что строение живых существ считалось необъяснимым на основании одних только законов природы: почти все тогда были уверены, что сама природа не могла бы так «разумно» устроить живые существа, так «мудро» приспособить их к условиям существования. Словом, в факте целесообразности органического мира, т. е. в «гармонии» между органической формой и окружающей ее средой, видели проявление особого «перста», результат деятельности великого надмирового «разума», акт премудрого «творца».

Разумеется, такой «идиллический взгляд на природу» был в руках богословов и их светских сторонников основным орудием в их борьбе с атеизмом. В факте существования целесообразных, совершенных органических форм они видели важнейшее по существу, «объективное», неотразимое доказательство «бытия божия» — так называемое телеологическое дока-

зательство. Воодушевленный этим доказательством, молодой Дидро, когда он еще не был безбожником, бросил крылатую фразу: «Достаточно крыла бабочки, чтобы сокрушить все построения атеистов!» Даже творец научной космогонии Кант, считавший, что из движения материальных частиц, из их притяжения и отталкивания, можно вывести происхождение миров, в сущности стал на эти позиции «благочестивого естествознания». Довольно четко сформулировав проблему органической целесообразности, Кант даже в мыслях не допускал какого-либо рационального ее решения, ибо он не представлял себе, что по отношению к органической природе возможна иная точка зрения, кроме телеологической. Он утверждал: «Для человека было бы нелепостью думать или надеяться, что со временем может явиться новый Ньютон, который сделает для нас понятным бесцельное происхождение какого-либо стебелька травы согласно с законами природы; эту мысль надо решительно изгнать из человеческого ума».

Поэтому вопрос, почему определенный орган устроен так, что может успешно «исполнять» свое отправление, считался «незаконным», лежащим за пределами науки, т. е. таким, который по самому своему существу не поддается строго каузальному объяснению. Таким образом, создалась своеобразная дуалистическая точка зрения на природу: для неорганической природы допускалось причинное, естественное объяснение, а для органической природы прибегали к телеологическому, сверхъестественному толкованию. И эта точка зрения поддерживалась сторонниками поповщины с тем большей энергией, чем больше физика, химия и прочие науки подчиняли явления неорганической природы действию определенных естественных закономерностей.

Великое, недостаточно еще до сих пор оцененное многими буржуазными естествоиспытателями значение Дарвина состоит в том, что он нанес сокрушительнейший удар телеологии, всяким представлениям о разумной целесообразности органического мира, показав нам, что совершенство и гармония во все не являются девизом природы. И это несмотря на то, что сам он вырос и вращался в обществе, которое целиком было пропитано идеями «благочестивого естествознания», идеями «естественной телеологии» или физико-теологии.

Ф. Энгельс, на основании личного опыта прекрасно знавший состояние английского общества сороковых-пятидесятых годов прошлого века, был весьма поражен этим влиянием поповщины на естествознание. В предисловии к английскому изданию своей брошюры «От утопии к науке» он указывает на следующий замечательный факт: «Когда образованный иностранец устраивался на жительство в Англии около середины XIX столетия, то более всего его поражала одна вещь, и это было, — так он должен был объяснить себе это, — религиоз-

ное ханжество и тупость английского «респектабельного» среднего класса. Мы были тогда все материалистами или, по меньшей мере, очень радикальными вольнодумцами, для нас был непонятен тот факт, что почти все образованные люди в Англии верили в различные невероятные чудеса и что даже геологи, как Бекленд и Мантелль, перетолковывали факты из своей науки, чтобы они не слишком резко расходились с мифами моисеевой легенды о сотворении мира» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 291).¹ Энгельс потом весьма убедительно показывает, что это религиозное ханжество или помешательство британского «респектабельного» филистерского среднего класса имеет свое простое, чисто политическое, классовое объяснение.

Но каковы бы ни были эти причины, факт тот, что в Англии первой половины прошлого столетия вся биологическая и даже небιологическая литература была проникнута телеологическим духом, стараясь придать описанию природы характер славословия «творцу вселенной». Существовали сочинения о «физической теологии» насекомых, рыб, птиц и других животных, в которых подробнейшим образом развивалась мысль, что во всех деталях строения того или другого организма и его жизненных отправлений видна «премудрость и благодать» господ-а-бога. Даже более того — существовала физико-теология землетрясений, вулканических извержений и других грозных явлений природы! Это учение было распространено также под именем «естественной теологии», и крупнейшие английские ученые старались наперебой уверять, что «теология естественная» отнюдь не противоречит «теологии откровения», т. е. богословию официальной церкви.

Неудивительно поэтому, что в то время вопрос о происхождении видов решался в чисто библейском духе: каждый вид животных или растений якобы был особо создан «творцом» и с самого начала был снабжен всеми теми деталями строения, которые могут оказаться ему необходимыми для сохранения своей жизни в пределах «предопределенного», положенного ему местопребывания, так что все организмы потому именно живут в данных условиях, что они с самого начала «наделены» такими органами, которые для этих условий нужны. В связи с этим главное назначение английских естественно-

¹ Одна работа Бекленда (1784—1856) называлась «Замечания об органических остатках, сохранившихся в пещерах, трещинах и допотопных отложениях, и о других геологических явлениях, свидетельствующих о факте всемирного потопа». В ней этот видный геолог и вместе с тем настоятель церкви пытался доказать, что данные геологии и палеонтологич подтверждают библейские сказания о сотворении мира и потопе. Однако, в конце концов, он официально отказался от этой точки зрения, заявив, что факты вынуждают его отвергнуть теорию происхождения ископаемых как следствие библейского потопа, и этим вызвал бурю яростного негодования против себя со стороны теологов.

научных музеев было—«показать бога в природе». Так, например, знаменитый зоологический музей Оксфордского университета служил пособием для изучения курса «естественного богословия» (физико-теологии). Впрочем, и в настоящее время во многих университетах ассигнуются миллионные фонды, предназначенные для субсидирования естествоиспытателей, выступающих в защиту религиозного мировоззрения с помощью естественнонаучных «аргументов» (особенно известны фонды Гиффорда и Силлимана при английских университетах).

Мы здесь остановились на всем этом главным образом потому, что Дарвин до тех пор, пока он стал творцом дарвинизма, не только был основательно знаком с изложенным «благочестивым» учением, но и был с ним вполне согласен. Дело в том, что в числе книг, которые Дарвин должен был прежде всего изучать в университете, были книги видного английского теолога того времени Пэлея, в том числе и такая пространенная (выдержавшая 19 изданий) его книга, как «Естественная теология». Эти физико-теологические книги, повидимому, доставляли Дарвину большое наслаждение. В своей автобиографии он по этому поводу замечает: «Я не останавливался в то время на посылках, от которых отправляется Пэлей; но, приняв их на веру, я был очарован и убежден всей длинной нитью его аргументации». К тому же, как мы уже отметили, свое естественнонаучное развитие Дарвин получил от таких ученых (ботаник Генслоу, геолог Седжвик и пр.), которые, будучи в духовном звании, естественно были всецело проникнуты идеями телеологии и просто теологии.

Несмотря на это, жизненная задача Дарвина свелась к тому, что он разрушил «натур-телеологию», неизбежно утвердил принцип естественной закономерности в биологии и тем самым не оставил никакого места в природе для сверхъестественных явлений. Поэтому в одном из писем он делает такое замечание: говорить, что виды созданы так или иначе, не значит давать научное объяснение,— это есть только благочестивый способ говорить, что каково дело есть, таково оно и есть. Если Пэлей в упомянутой книге, пользуясь данными зоологии, ботаники, сравнительной анатомии и анатомии человека, указывает на целесообразность органического мира и в этом видит свидетельство существования премудрого творца, то Дарвин, в конце концов, нашел вполне естественное, строго материалистическое объяснение целесообразных явлений. Замечательно то, что Пэлей трактует о взаимоотношении насекомых и растений, об инстинкте животных, о венериной мухоловке и некоторых других темах, которые нашли свою гениальную разработку у Дарвина. Но если для Пэлея — это чудеса, не поддающиеся научному объяснению, то для Дарвина — это лишь наглядные иллюстрации его учения об эволюции органического мира под влиянием естественных, наблюдаемых нами в приро-

де причин. Таким образом, Дарвин пошел по пути Спинозы, который, говоря об органической целесообразности, советовал «найти истинные причины этих чудес» и тем самым «понять вещи в природе, как ученый, а не просто удивляться им, как дурак».

Дарвин не только доказал, что органические виды развиваются, возникают и исчезают, но и обратил внимание на то, что каждый отдельный вид стремится сильно размножаться и что всегда существуют те или иные препятствия (прежде всего ограниченность средств существования — места, пищи и пр.), задерживающие его расширение, хотя мы и не всегда в состоянии заметить эти препятствия. Благодаря этому обстоятельству возникает борьба организмов за существование, а в результате этой борьбы становится неизбежным отбор, т. е. индивиды, наделенные целесообразными, подходящими для данных условий признаками, сохраняются, прочие — вымирают. Но это отбор слепой, стихийный, без руководящей воли: он вызван только тем обстоятельством, что все существующее и сохраняющееся должно быть способно к существованию и сохранению в данных условиях, так как в противном случае оно существовать не могло бы. Ведь сохранить надолго свое существование и размножиться могут лишь такие организмы, которые в достаточной степени целесообразны, приспособлены к окружающей их жизненной обстановке, т. е. имеют возможность уцелеть в яростной схватке на жизнь и смерть. Значит, если нас поражает совершенство, целесообразность организмов, их удивительная приспособленность, прилаженность к окружающим их условиям существования, то не следует забывать, что это неминуемый результат двух одновременно действующих слепых процессов: колоссальной «производительности» (плодовитости) и неумолимой «критики» (устранения негодного), т. е. следствие многочисленности «попыток» и малочисленности «удач».

Словом, дарвинизм ведет к давно уже высказанной мысли, что лишь благодаря несовершенному существует совершенное: целесообразная организация — единый случай из тысячи нецелесообразных или менее целесообразных, которые, будучи неспособны сохраниться, погибли, исчезли с лица земли. Поэтому Дарвин в «Происхождении видов» закончил свое изложение учения об эволюции органического мира следующими словами: «Таким образом, из войны природы, из голода и смерти непосредственно вытекает самый высокий результат, какой ум в состоянии себе представить, — образование высших животных» (Дарвин Ч. Сочинения, т. III, изд. Академии Наук, 1939, стр. 666).

Свое учение о естественном отборе Дарвин вполне правильно назвал «утилитарным», так как оно предполагает, что каждая подробность в строении сохранилась только на пользу

обладающего им существа.¹ Справедливость этого строго материалистического «утилитарного принципа» он, между прочим, доказывает выяснением вопроса: как и для чего приобретает красота органическими существами? Если до него говорили, что, например, растения созданы красивыми, прекрасными для того, чтобы доставлять наслаждение человеку и тем свидетельствовать о «мудрости творца», то он показал, что это совсем не так. Оказалось, что красота так же, как и другие свойства организмов, имеет большое практическое значение: она полезна для тех организмов, которые ею обладают, так как она служит для них средством приспособления к жизни, к выживанию.

«Цветы, — писал Дарвин, — считаются самыми прекрасными произведениями природы, но они резко отличаются от зеле-

¹ Дарвин считал, что учение о естественном отборе имеет все черты строго научной гипотезы, так как оно связывает между собой целый ряд разнообразнейших фактов единой мыслью — «нитью, удовлетворяющей разум». Поэтому в своем большом труде «Изменения животных и растений вследствие приручения» Дарвин пишет: «При научных исследованиях позволительно придумывать какую угодно гипотезу, и если она объясняет обширные и независимые друг от друга виды фактов, то это обстоятельство тотчас же возводит ее на степень основательной теории. Колебание эфира, и даже самое существование его, гипотетично, а между тем все в настоящее время принимают эту теорию относительно света. Начало естественного отбора может быть принимаемо просто за гипотезу, но гипотеза эта становится очень вероятно из того, что мы знаем об изменяемости органических существ в естественном состоянии, — из того, что нам положительно известно о борьбе за существование и следующем за нею, почти неизбежном, сохранении полезных изменений, и, наконец, из аналогичного образования домашних пород. Гипотезу эту можно проверить, — и я считаю это единственно дельным и законным способом суждения о вопросе, пытаюсь объяснить ею много важных и независимых разрядов фактов, как, например, геологическую последовательность органических существ, их распределение в прежнее и настоящее время и их взаимное сходство и гомологичность. Если начало естественного отбора может объяснить эти и еще множество других фактов, то его следует принять. Существующий до сих пор взгляд, что всякий вид был создан независимо и отдельно, не дает еще нам никакого знания и не связывает вместе факты с законами» (Дарвин Ч. Собрание сочинений, т. III, изд. Поповой, 1900, стр. 6). Дарвин не устал повторять, что невозможно допустить, чтобы ложная теория объясняла так удовлетворительно, как это объясняет теория естественного отбора, целые классы независимых один от других фактов. При этом он заметил в «Происхождении видов»: «Недавно было сделано возражение, что подобный способ аргументации ненадежен, но это — метод, постоянно применяемый при суждении об обычных явлениях в жизни и применявшийся величайшими естествоиспытателями. Так была создана теория волнообразного движения света, и уверенность в том, что земля вращается вокруг своей оси, до недавнего времени почти не опиралась на прямое доказательство. Возражение, что наука до сих пор не пролила света на гораздо более высокие задачи о сущности и начале жизни, не имеет значения. Кто возьмется объяснить сущность всемирного тяготения? Никто теперь, конечно, не возражает против выводов, вытекающих из этого неизвестного начала притяжения, несмотря на то, что Лейбниц когда-то обвинял Ньютона в том что он вводит „в философию таинственные свойства и чудеса“» (Дарвин Ч. Сочинения, т. III, изд. Академии Наук, 1939, стр. 659).

ной листвы и тем самым прекрасны только ради того, чтобы легко обращать на себя внимание насекомых. Я пришел к этому выводу на основании неизменного правила, что когда цветок оплодотворяется при посредстве ветра, он никогда не обладает ярко окрашенным венчиком. Некоторые растения постоянно приносят двоякого рода цветы: одни открытые и окрашенные, привлекающие насекомых; другие закрытые, неокрашенные, лишенные нектара и никогда не посещаемые насекомыми. Отсюда мы вправе заключить, что если бы на поверхности земли не существовало насекомых, то наши растения не были бы усыпаны прекрасными цветами, а производили бы только такие жалкие цветы, какие мы видим на сосне, дубе, лещине, ясене или на наших злаках, шпинате и крапиве, которые все оплодотворяются при содействии ветра. Подобное рассуждение применимо и к плодам; что зрелая земляника или вишня одинаково приятны и для глаза, и на вкус, что ярко окрашенный плод бересклета или красные ягоды падуба сами по себе красивы — с этим всякий согласится. Но эта красота служит только для привлечения птиц и зверей, для того, чтобы они пожирали плоды и разносили зрелые семена; я прихожу к этому заключению на основании того правила, не представляющего ни одного исключения, что таким образом всегда разносятся семена, заключенные в плодах всякого рода (т. е. внутри мясистой или сочной оболочки), если они ярко окрашены или бросаются в глаза белым и черным цветом» (Дарвин Ч. Сочинения, т. III, изд. Академии Наук, 1939, стр. 419).

Из теории естественного отбора необходимо вытекает тот вывод, что органическая целесообразность имеет не абсолютный, а только относительный характер, который вполне понятен. Ведь животное или растение не может быть целесообразно «вообще», т. е. приспособлено на все случаи жизни, на вечные времена: они могут быть приспособленными только в данной конкретной обстановке. А так как обстановка по разным причинам меняется, то приспособленность и гармония есть нечто весьма и весьма относительное, т. е. совершенство имеет свой предел, за которым превращается в свою противоположность: то, что в одних условиях целесообразно, в новых условиях не только нецелесообразно, но даже вредно! Следовательно, совершенство необходимо измерять всегда по отношению к условиям жизни, и поэтому мы должны ожидать, что в живой природе рядом с целесообразными, совершенными приспособлениями встречаются не только нейтральные, безразличные приспособления, но и нецелесообразные, несовершенные, для данных жизненных отношений неподходящие — своего рода «органические промахи». Правда, сам Дарвин полностью сразу не отметил это важное обстоятельство, но, когда на это обратили его внимание, он не только охотно начал собирать факты, сви-

детельствующие о существовании безразличных или вредных приспособлений, но и выразил удивление по поводу того, что опыт дает нам так мало фактов подобного рода. Поэтому он в «Происхождении видов» подчеркивал, что естественный отбор не имеет своим последствием абсолютное совершенство и что на деле мы с таким совершенством не встречаемся в природе.

«Если наш разум, — писал Дарвин, — внушает нам чувство изумления перед множеством неподражаемых приспособлений, представляемых природой, то он же учит нас, — хотя ошибки одинаково возможны и в ту, и в другую сторону, — что другие приспособления менее совершенны. Можем ли мы считать совершенным жало пчелы, которое при употреблении его против некоторых из врагов не может быть вытянуто благодаря обращенным назад зубцам и тем неизбежно причиняет смерть насекомому, у которого вырываются внутренности? Если мы предположим, что жало пчелы существовало у отдаленного предка в качестве буравящего зазубренного инструмента, какие встречаются у многочисленных представителей этого обширного отряда, что с тех пор оно изменилось, хотя и не усовершенствовалось для выполнения своего современного назначения, и что яд, первоначально приспособленный для совершенно иного назначения, как, например, образования галлов, также усилился, — то, может быть, пойдем, почему употребление жала может так часто сопровождаться смертью насекомого; если, в итоге, способность жалить окажется полезной для живущих сообществами пчел, она будет соответствовать всем требованиям естественного отбора, хотя бы и причиняла смерть отдельным членам этого сообщества. Если мы удивляемся поистине чудесной силе обоняния, благодаря которой самцы многих насекомых разыскивают своих самок, можем ли мы в одинаковой мере восхищаться тем, что ради этой единственной цели развиваются тысячи трутней, которые во всех других отношениях совершенно бесполезны для сообщества и которых их более трудолюбивые, но бесплодные сестры в конце концов умерщвляют? Хотя, быть может, это и трудно, но мы должны восхищаться дикой инстинктивной ненавистью пчелиной матки, побуждающей ее истреблять молодых маток, своих дочерей, при самом их рождении или же погибать самой в этой борьбе, — так как это, несомненно, клонится к благу всего сообщества; материнская любовь или материнская ненависть, хотя последняя, по счастью, проявляется чрезвычайно редко, равны перед неумолимым принципом естественного отбора. Если мы восхищаемся разнообразными искусными приспособлениями, благодаря которым орхидеи и многие другие растения оплодотворяются при содействии насекомых, то можем ли мы считать одинаково совершенной выработку нашими соснами целых облаков пыльцы только для того, чтобы несколько пыль-

цевых зернышек случайно достигли при содействии ветра до яичка?» (Дарвин Ч. Сочинения, т. III, изд. Академии Наук, 1939, стр. 421).¹

Итак, Дарвин показал нам, что органическая природа не знает абсолютного совершенства, что в ней существуют лишь относительные приспособления к условиям данного момента и что эта относительная гармония и целесообразность есть результат гибели миллионов организмов, не выживших в борьбе за жизнь. Он не оставил никакого сомнения в том, что за видимой, кажущейся гармонией и спокойствием природы скрывается беспокойная изнанка жизни, полная нескончаемой борьбы и глубоких внутренних противоречий. Словом, в области биологии Дарвин окончательно покончил со старой телеологией, дав нам возможность понять природу из нее самой, т. е. строго материалистически.

Вот почему Маркс и Энгельс, сразу оценив громадное значение дарвиновского учения об органической эволюции для научно-философского мировоззрения, прежде всего отмечали антiteleологический характер этого учения. Например, Энгельс в известном нам письме к Марксу от 12 декабря 1859 г. писал о книге Дарвина: «В этой области телеология не была еще разрушена, а теперь это сделано» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XXII, стр. 468). Маркс был вполне с ним согласен, что видно из следующих его слов упомянутого уже нами письма Маркса к Лассалю от 16 января 1861 г.: «Здесь впервые не только нанесен смертельный удар «телеологии» в естественных науках, но и эмпирически выяснен ее рациональный смысл» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XXV, стр. 377). Это значит, что Дарвин, доказав отсутствие «целевого замысла» в природе, вместе с тем показал, как объяснить

¹ Этого же вопроса Дарвин касается и в заключительной главе «Происхождения видов», где он резюмирует свои взгляды. Мы там читаем: «Так как естественный отбор действует путем конкуренции, то он приспособляет и совершенствует обитателей каждой страны только по отношению к другим ее обитателям; поэтому нам нечего удивляться тому, что виды какой-либо страны, хотя они с обычной точки зрения созданы и специально приспособлены для этой страны, побеждаются и вытесняются натурализованными организмами других стран. Не следует изумляться и тому, что приспособления в природе, насколько мы можем судить, не абсолютно совершенны, как, например, человеческий глаз, или что некоторые из них не соответствуют нашему представлению о приспособленности. Нечего удивляться и тому, что жало пчелы, направленное против врага, причиняет смерть самой пчеле; тому, что трутни производятся в таком большом числе ради одного единственного акта, а затем умерщвляются своими бесплодными сестрами; той изумительной трате пыльцы, которая наблюдается у нашей сосны; той инстинктивной ненависти, которую плохая матка питает к своим собственным плодовитым дочерям; тому, что наездники питаются живым телом гусениц, и вообще ни одному подобному случаю. Согласно теории естественного отбора скорее представляется удивительным то, что не открыто еще большего числа подобных случаев отсутствия абсолютного совершенства» (Дарвин Ч. Сочинения, т. III, изд. Академии Наук, 1939, стр. 653).

совершенно научным, естественным путем все то, что в мире животных и растений кажется нам более или менее целесообразным, относительно совершенным. Словом, целесообразные явления в природе не отвергнуты дарвинизмом, а предстали перед нами как следствие естественной закономерности. Недаром теолог Чарльз Кингсли еще в конце 1859 г., прочтя «Происхождение видов», писал Дарвину: «Я ясно вижу, что если Вы правы, то я должен отказаться от многого, во что я верил и о чем писал». Богослов Ходж прямо заявил, что «теория Дарвина насквозь атеистична», что «отсутствующий и ничего не делающий бог для нас — не бог», что «отрицание целесообразности в природе равносильно отрицанию бога» и что поэтому «ни один теолог не может быть дарвинистом». А светский противник дарвинизма, знаменитый Гладстон, иронически говорил: «Согласно так называемой эволюции бог не принимал участия в творении, и в виду господства неизменных законов природы он освобожден от управления миром».

Теперь нам должно быть ясно, почему Дарвин в цитированной нами автобиографической заметке писал: «Приводимое Пэлеем старое доказательство существования цели в природе, казавшееся мне прежде решающим, оказывается в настоящее время, после того, как открыт закон естественного отбора, ложным». Дарвин был глубоко убежден в том, что в мире нет никакой разумной целесообразности, никакой божественной плановости, благотворности и т. п. Это положение Дарвин считал основным, и он его часто и старательно отстаивал, ибо не мог себе представить возможность примирения идей мирового разума и естественного отбора. Так, например, в одном своем письме к Ляйеллю он говорит: «Я много задумывался над вашими словами о необходимости допущения постоянного вмешательства творческой силы. Я не вижу в этом никакой необходимости, и допущение такого вмешательства должно сделать, по моему мнению, всю теорию естественного отбора бесценной».¹

¹ Ляйелль был, по свидетельству Дарвина, «глубоко убежденным деистом» и в течение долгого времени не решился стать на дарвиновскую материалистическую точку зрения (теорию отбора он признал лишь на старости лет). Дарвин ему однажды по этому поводу писал: «Я думал о том, что не принесет ли согласие с теорией естественного отбора вреда Вашим трудам, если меня будут проклинать как атеиста и т. д. Но я надеюсь, что Вам не придется страдать, так как, насколько я могу припомнить, ханжи обыкновенно ограничиваются нападениями на того, кто дает первый толчок. О тех же, кто принимает его воззрения, любвеобильные и мудрые святоши лишь сожалеют, как об обманутых людях». Сам Ляйелль в 1836 г. писал своему другу, астроному Дж. Гершелю: «Когда я в первый раз пришел к убеждению о целом ряде исчезнувших видов и о создании новых, что продолжается в течение веков будущего, соответственно изменениям, которые происходят на неодоушевленной и обитаемой земле, — эта идея поразила меня, как величайшая из всех, которые когда-либо мне приходили в голову, в связи с атрибутами правящего духа».

Как нами было уже указано, Ляйелль произвел революцию в геологии, показав, что самые крупные изменения лика Земли могут быть объяснены действием известных нам геологических факторов при допущении огромной продолжительности геологических времен, причем Дарвин в сущности старался применить к органическому миру эволюционную идею, лежащую в основе геологических воззрений Ляйелля. Поэтому Дарвин весьма высоко ценил замечания этого знаменитого ученого, сделанные им по поводу некоторых сторон дарвиновского учения об органической эволюции. Но как только Ляйелль делал попытки направить это учение не по материалистическому, строго научному руслу, Дарвин отвергал их самым решительным образом. Так, в одном письме к этому своему другу Дарвин дал ему ясно понять, что совершенно бессмысленно дополнить теорию естественного отбора понятиями, имеющими отношение к религиозному мировоззрению. «Я совершенно отвергаю, — пишет Дарвин, — всякое дальнейшее прибавление „новых способностей, атрибутов и сил“ или прибавление какого-либо „принципа усовершенствования“. По моему мнению, такое прибавление совершенно излишне... Если бы я был убежден в том, что теория естественного отбора нуждается в вышеуказанных дополнениях, то я бы ее отверг, как непригодный хлам. Я же твердо верю в нее, так как не могу допустить, чтобы она, будучи неправильной, могла бы объяснить так много фактов, как она это делает». Точно так же, убеждая Ляйелля в животном происхождении человека под влиянием естественного отбора, являющегося чисто стихийным фактором органической эволюции, Дарвин подчеркивает: «Теория естественного отбора не имела бы в моих глазах никакой цены, если бы она требовала чудесных прибавлений на какой-нибудь ступени развития» (II т. писем).

На каждом шагу Дарвин видит факты, которые буквально кричат о том, что в природе не существует никакой цели и которые, таким образом, делают «ложным» приводимое Пэлеем самое «решающее» доказательство бытия мирового разума. Правда, Дарвин в своих сочинениях этого не выражал в резкой форме, но все-таки он дал кратко, но достаточно ясно (и вместе с тем «корректно») понять своим читателям, что это именно так. Как мы ниже увидим, свою книгу, посвященную вопросу о роли искусственного отбора среди животных и растений, он закончил соображениями как раз такого характера. При этом в своей автобиографии Дарвин указывает на то, что, насколько он знаком с соответствующей литературой, «приводимые там доказательства ни разу не опровергались». Словом, Дарвин отвергал всякого рода антинаучные идеи об изначальной целесообразности, о преднамеренном плане развития и т. п.

Особенно часто Дарвину приходилось останавливаться на этом вопросе в своей переписке с друзьями из ученого лагеря.

При этом наиболее замечательны его письма к религиозно настроенному ученому Аза Грею, с которым он очень много спорил. Дело в том, что Грей, усматривая особую ценность дарвинизма в его объяснении целесообразности, вместе с тем считал возможным примирить дарвинизм и религию. Поэтому он в своей борьбе с Агассицом и другими противниками дарвинизма доказывал, что «естественный отбор не несовместим с естественной теологией», что богословские нападки на дарвинизм основаны на недоразумении и т. д. Дарвин был в восторге от тех «новых рядов иллюстраций и доказательств», которыми он оперирует, и в одном своем письме к нему заметил: «Клянусь Юпитером, что Вы — гибрид от сложного скрещивания юриста, поэта, натуралиста и теолога. Видали ли Вы когда-нибудь такое чудо?» Несмотря на это, Дарвин не хотел согласиться с теологическими выводами, которые Грей делал из теории естественного отбора.

В своем очерке «Дарвин и его критики» Грей, между прочим, писал: «Весь животный мир страны зависит деликом от растительности. Растительность зависит от дождя. Источником дождя является океан. Солнечная теплота вздымает на воздух с поверхности океана влажность, которую затем ветры уносят в глубь материка. Но какая масса дождевых капель попадает обратно в океан! Какая масса дождевых капель не выполняет своего назначения и обладает такой же ценностью, какою обладают возникающие, но ни к чему не ведущие изменения! Следует ли из этого, что дожди, падающие на землю по определенным законам и с определенной регулярностью, не предназначены для поддержания растительной и животной жизни?»

Дарвин решительно отрицал этот вывод как совершенно антинаучный. Одно свое письмо к Грею он заканчивает следующими словами: «Еще пару слов о „предопределенных законах” и „неопределенных результатах”. Я вижу птицу, которая мне необходима для пищи. Я беру свое ружье и убиваю ее. Я делаю это преднамеренно. Молния убивает невинного и доброго человека, стоящего под деревом. Думаете ли Вы, что бог преднамеренно убил этого человека? Много людей или, пожалуй, бо́льшая часть людей думает так, я же не могу так думать и, действительно, не думаю так. Если Вы так думаете, то верите ли Вы в то, что если ласточка проглотила мошку, то бог имел в виду, чтобы эта именно ласточка проглотила именно эту мошку в этот специальный момент? Мне кажется, что человек и мошка находились в одинаковом положении. Если ни смерть человека, ни смерть мошки не представляли собой результата преднамеренности, то я не вижу никаких достаточно сильных оснований для допущения того, что их рождение или происхождение должно было непременно быть предопределено» (I т. писем).

Дарвин неоднократно возвращался к этому интересному вопросу, стараясь в весьма корректной форме (хотя и не без помощи ряда «нескромных вопросов») убедить Грея в неправильности его телеологических выводов из учения об эволюции. Почти во всех письмах к этому своему другу Дарвин подчеркивал, что, «к сожалению», он никак не может пойти «так далеко», как Грей, в вопросе о «преднамеренности», «божественном плане» и т. п. Так, например, Дарвин пишет ему: «Если уж что-нибудь представляет собой результат предопределения или преднамеренности, так это безусловно человек. Это говорит нам наше „внутреннее сознание“ (являющееся, правда, плохим руководителем). И все-таки я не могу согласиться с тем, чтобы рудиментарные груди мужчин были предопределены. Если бы я сказал, что я верю в это, то эта вера моя была бы так же невероятна, как и вера ортодоксального христианина в единство трех лиц».

При этом интересен следующий аргумент Дарвина в письме к Грею (он повторяется в его письмах и к другим лицам): «Из Ваших слов я должен заключить, что, по Вашему мнению, „изменение совершается в известных благотворных направлениях, под известным руководством“. Я не могу это допустить, и мне кажется, что раз Вы думаете так, то Вы должны также думать, что хвост трубастого голубя должен был измениться в отношении числа и направления своих перьев для того, чтобы удовлетворить капризу человека. И тем не менее, если бы трубастый голубь был дикой птицей и пользовался своим нормальным хвостом для какой-нибудь специальной цели (например, как парусом), то каждый человек сказал бы: что за дивное и преднамеренное приспособление!» (II т. писем).

Замечательно то, что Грей, не желая стать на эту безбожную, «грубую» точку зрения, ставит Дарвину «щекотливый» вопрос о том, что могло бы Дарвина убедить в существовании цели. На это Дарвин в данном случае как строго последовательный, материалистически мыслящий естествоиспытатель отвечает очень коротко и просто: «Если бы я видел, как на землю спускается ангел, чтобы научить нас добру, и если бы его видели также и другие люди, так что я был бы убежден в том, что я не сошел с ума, — то тогда бы я поверил в преднамеренность. Если бы я мог вполне увериться в том, что жизнь и дух каким-нибудь неизвестным образом являются функцией другой невесомой силы, то я был бы убежден. Если бы человек был сделан из латуни или железа и не находился бы ни в какой связи с каким-либо другим организмом, жившим когда-либо, то я, пожалуй, был бы убежден. Но ведь все это детские бредни».

К этому Дарвин добавляет: «Недавно переписывался с Ляйеллем, который, кажется, принимает Вашу мысль о том, что течение изменяемости было направлено или задумано. Я спросил

его (и он говорит, что подумает и ответит мне), верит ли он в то, что форма моего носа была задумана. Если он в это верит, мне нечего больше говорить. Если же нет, то, глядя на результаты, которых добились любители, отбирившие индивидуальные различия в носовых костях голубей, я должен прийти к заключению, что нелогично предполагать планомерность в изменениях, сохраняемых естественным отбором на пользу какого-нибудь существа» (Дарвин Ч. Собрание сочинений, т. VIII, прилож., изд. Лепковского, стр. 66).

Не менее характерно в этом отношении одно из писем Дарвина к писательнице Веджвуд (I т. писем). Там мы, между прочим, читаем: «Дух не мирится с допущением, чтобы эта вселенная, какова бы она ни была, представляла собой результат чего-то непланового, а между тем там, где следовало бы ожидать возможно большей планомерности, а именно, в строении ощущающего существа, я нахожу тем меньше доказательств в пользу планомерности, чем больше я задумываюсь над этим предметом. Аза Грей и некоторые другие смотрят на каждое изменение или, по меньшей мере, на каждое плодотворное изменение как на нечто, определяемое провидением (при этом Грей сравнивает благотворное изменение с дождевыми каплями, которые падают не в море, а на сушу, увлажняемую ими). И однако, когда я его спрашиваю, думает ли он, что провидение предопределяет для человеческого удовольствия такое, например, изменение, при посредстве которого из дикого полевого голубя путем накопления определенных черт получается голубь с увеличенным зобом или же удлинненным хвостом, — то он не знает, что мне ответить. И когда он или кто-нибудь другой признает, что эти изменения случайны, поскольку в них мы не имеем дела с целью (конечно, не случайны в отношении причины их возникновения), то тогда я не вижу никаких оснований, говорящих за то, что изменения, благодаря которым образовался прекрасно приспособленный к своим жизненным условиям дятел, определяются провидением. Однако, легко себе представить, что увеличенный зоб дутьша или удлинненный хвост трубастого голубя могли бы принести известную пользу птице при наличности своеобразных жизненных привычек».

Эти аргументы Дарвин считал очень серьезными, вескими, и поэтому он к ним часто прибегает в своей переписке, варьируя их на разные лады, излагая их «и так и этак». Например, он писал Ляйеллю в апреле 1860 г. по поводу их «квазибогословского спора» об естественном отборе: «Придерживаетесь ли Вы того взгляда, что постепенно возникающие изменения в величине зоба голубя дутьша, накопленные человеком для удовлетворения каприза, являются результатом „творческой и сохраняющей силы Брамы?“ Если мы полагаем, что всемогущее и всеведущее божество должно было все устроить и все

знать, то тогда на этот вопрос надо ответить утвердительно; и все же я должен сознаться, что не могу ответить на него утвердительно. Мне кажется бессмысленным, что творец вселенной должен был позаботиться о зобе голубя просто для удовлетворения глупого каприза человека. Если же Вы согласны со мной в том, что в данном случае не надо считать необходимым вмешательство божества, то тогда я не вижу никаких оснований для веры во вмешательство божества в жизнь существ, для блага которых выбраны естественным путем какие-нибудь важные и поразительные способности. Представьте себе дикого дутыша, который переходит вброд воду и потом, благодаря раздутому зобу, в состоянии удержаться в воде во время поисков пищи. Сколько удивления вызвало бы это явление! Тут мы имели бы дело с приспособлением по закону гидростатического давления и т. д. и т. д. Я готов отдать жизнь, что лично не вижу никаких трудностей и противоречий в мысли о том, что естественный отбор производит самые изысканные преобразования, если только эти преобразования возникают путем постепенных переходов. А из опыта я знаю, как трудно указать на какое-либо усовершенствование, для которого не было бы известно, по крайней мере, несколько переходных ступеней» (II т. писем).

Мы видим, таким образом, что, вопреки уверениям защитников поповщины, Дарвин решительно отвергал телеологию в естественных науках, дав нам в основном правильное разрешение проблемы органической целесообразности. Поэтому он не соглашался с представлением, что божественный разум сотворил мир для определенной цели, причем свое несогласие подкреплял при помощи ряда простых и весьма оригинальных соображений. При всей осторожности своих выражений Дарвин достаточно глубоко и определенно для себя понимал, что весь дух разработанного им учения об органической эволюции необходимо ведет к атеистическим по существу выводам.

V. ВОПРОС О СЛУЧАЙНОСТИ

Еще задолго до опубликования Дарвином своего эволюционного учения Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» указывали, что «мы знаем только одну единственную науку — науку истории». Поэтому Энгельс, оценивая значение дарвинизма, в известном нам письме к Марксу отметил: «До сих пор еще не было сделано такой грандиозной попытки доказать историческое развитие в природе, да еще с таким успехом» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XXII, стр. 468). Действительно, лишь благодаря Дарвину старое слово «естественная история» получило свое истинное значение, так как, раскрыв историю органического мира, он тем самым показал.

что естествознание представляет не только по названию, но и по существу историческую науку.

Доказать «историческое развитие в природе» Дарвину удалось главным образом потому, что он смотрел на мир как на связанное, единое целое. Для этого натуралиста природа была не каталогом, не мертвым скоплением независимых предметов, которые мы должны занумеровать и снабдить названиями, но живой, меняющейся, взаимосвязанной диалектической действительностью, в которой «судьба» одного существа зависит от другого. Насекомое и цветок, птица и растение, пашня и дождевой червь, жизнь, строение и украшение животных, их любовь и борьба — все это представлялось Дарвину чем-то таким, что стоит в тесной связи и глубокой зависимости, что может быть разъединяемо только вопреки природе, т. е. только в мысли. Доискиваясь того значения, которое имеет в борьбе за существование свойство, способность или форма, он исходил из того, что существовать и развиваться может только то, что имеет определенное значение для жизни во всех ее связях. Ибо, мысля в общем материалистически, он был убежден в том, что все в природе строго закономерно, причинно обусловлено и что даже самое «высокое» в природе не только не изъято из подчинения естественным законам, но стало тем, что оно есть, именно в силу этих законов. Словом, только благодаря Дарвину биология попала на верный, подлинно научный путь, и недаром знаменитый биолог Эрнст Геккель (1834—1919), прозванный «немецким Дарвином», видел в Дарвине того «Ньютона стебелька травы», возможность появления которого Кант решительнейшим образом отрицал.

Характерно, что сам Дарвин неоднократно сравнивал свое эволюционное учение с ньютоновским законом тяготения, выражая этим ту мысль, что как нельзя понять движения небесных тел без закона тяготения, так невозможно понять явления органического мира без представления об изменяемости видов под влиянием определенных законов природы. Уже в 1837 г. в своей записной книжке о «трансмутации видов» Дарвин писал: «До открытия закона тяготения можно было говорить, что так же трудно объяснить одним законом движение всех [планет], как и движение каждой отдельной планеты; также могут сказать, будто это ничего не объясняет [если мы примем], что все млекопитающие произошли от одного корня и с тех пор распространялись теми способами, которые мы можем распознать. Астрономы когда-то говорили, что бог наперед определил каждой планете двигаться своим особым путем. Таким же образом бог повелел, чтобы каждое животное было создано с определенными формами в определенных странах. Но насколько проще и величественнее могущество [повелевшее]: пусть тяготение действует согласно известному закону, и [это приведет] к таким-то неизбежным последствиям, — пусть животные

будут сотворены, и тогда, по твердым законам смены одних поколений другими, потомки их будут такими-то» (Д а р в и н Ч. Сочинения, т. III, изд. Академии Наук, 1939, стр. 78). «Происхождение видов» Дарвин закончил следующими словами: «И между тем как наша планета продолжает вращаться согласно неизменным законам тяготения, из такого простого начала развилось и продолжает развиваться бесконечное число самых прекрасных и самых изумительных форм» (Д а р в и н Ч. Сочинения, т. III, изд. Академии Наук, 1939, стр. 666).

Как мы уже знаем, Дарвин многократно подчеркивал, что отбор в природе среди диких животных и растений совершается сам собой, стихийно, независимо от чьей бы то ни было воли, разума и т. п. В связи с этим он в «Происхождении видов» писал: «Мне возражали, что термин отбор предполагает сознательный выбор со стороны животных, испытывающих изменения; доходили даже до того, что отрицали применимость отбора к растениям, так как они лишены воли! В буквальном смысле слова естественный отбор, без сомнения, неправильный термин; но кто же когда-нибудь возражал против употребления химиками выражения избирательное сродство различных элементов? И тем не менее нельзя же, строго говоря, допустить, что кислота выбирает основание, с которым предпочтительно соединяется. Говорилось также, будто я говорю об естественном отборе, как о каком-то деятельном начале или божестве; но кто же когда-нибудь укорял писателей за выражения вроде: всемирное тяготение управляет движением планет? Всякий знает, что подразумевается под такими метафорическими выражениями, и они почти неизбежны ради краткости речи. Точно так же трудно обойтись без олицетворения слова „Природа“; но под словом „Природа“ я разумею только совокупное действие и результат многих естественных законов, а под словом законы — доказанную последовательность явлений» (Д а р в и н Ч. Сочинения, т. III, изд. Академии Наук, 1939, стр. 328).

Дарвину пришлось неоднократно повторять и разъяснять эту свою важную мысль, ибо даже в одном естественнонаучном журнале его в 1860 г. грозно допрашивали: «Но кто же эта „Природа“, мы в праве спросить, у которой такое ужасное могущество и действию которой приписываются такие чудесные превращения? Каков ее образ и каковы ее атрибуты, если их вытащить из их многословного вертепа? Не есть ли она нечто вроде зловредной абстракции, подобно пыли, брошенной нам в глаза, чтобы затемнить работу Разумной Первопричины всего?» Поэтому Дарвин в своей книге «Изменения животных и растений» говорит: «Сохранение в борьбе за существование разновидностей, обладающих каким-либо преимуществом строения, сложения или инстинкта, я назвал естественным отбором, а Герберт Спенсер превосходно выразил ту же самую мысль своим названием — переживание способнейшего. Название „естест-

венный отбор” в некоторых отношениях нехорошо, так как оно, повидимому, заставляет предполагать разумный выбор, но если привыкнуть к нему, эта неловкость исчезает. Никто не упрекает химиков за то, что они говорят об „избирательном сродстве”, а кислота, без всякого сомнения, имеет не более свободного выбора при соединении с основанием, нежели условия существования при определении сохранения и отбора какой-либо новой формы. Название это удобно в том отношении, что оно связывает между собой изменения, производимые в домашних животных человеком, с явлениями естественного сохранения разновидностей и видов в диком состоянии. Для краткости я говорю иногда об естественном отборе как о разумной силе, — точно таким же образом, как астрономы говорят, что притяжение и тяготение управляют движением планет, или земледельцы, — что человек производит домашние породы путем подбора. Как в одном, так и в другом случае отбор не может сделать решительно ничего без изменяемости, а изменяемость эта зависит в известной степени от влияния окружающих условий на организм... Часто также я олицетворял слово „Природа”, потому что мне казалось невозможным избежать этого; но под природой я разумею только совокупное действие и продукт множества естественных законов, под законами же — только доказанную последовательность явлений» (Д а р в и н Ч. Собрание сочинений, т. III, изд. Поповой, 1900, стр. 4—5).

В связи с этим необходимо обратить внимание на следующее весьма важное обстоятельство, послужившее основанием для нападков антидарвинистов на учение об естественном отборе как причинном объяснении эволюции органической природы. Выявляя творческое значение естественного отбора, Дарвин считает несомненным, очевидным, что этот отбор имеет дело с «непредвиденными вариациями», или с «неопределенной изменчивостью», так что эволюция осуществляется на основе случайных отклонений. Ведь наследственные индивидуальные изменения, возникающие под влиянием тех или иных причин у особей внутри каждого отдельного вида, никогда не являются сами по себе приспособлениями. Эти изменения идут в самых различных направлениях, т. е. новые признаки при наличных условиях могут быть или полезны для организма, или безразличны, или же прямо вредны. Хотя история вида определяет развитие признаков особи, — для особи совершенно случайно, какой из этих признаков окажется полезным, приспособительным, т. е. будет лучше всего соответствовать окружающей обстановке, ибо это соответствие вовсе не вытекает неизбежно из хода развития данного организма.¹ Но естественный отбор, по-

¹ Видовые особенности организмов являются теми отличительными, необходимыми признаками, без которых вид не был бы тем, чем он является. Наоборот, индивидуальные особенности организмов несущественны, случайны для вида, т. е. они могут быть такими, но могут быть и совершенно иными.

степенно превращающий индивидуальные изменения в видовые, приспособительные признаки, оперирует только теми единичными изменениями, которые случайно оказались полезными для организмов в данных конкретных условиях. Следовательно, в учении Дарвина необходимость проявляется через случайность: отдельные, случайные в отношении «требований» среды, наследственные изменения представляют единственный материал, из которого естественный отбор формирует новые виды, создает закономерный процесс эволюции органического мира.

Как известно, это обстоятельство дало повод немецкому ботанику Виганду в 1875 г., русскому зоологу Л. Бергу в 1922 г. и другим антидарвинистам заявить, что дарвинизм есть «теория случайностей». Они уверяют, что допущение роли случайностей совершенно неприемлемо для всякой науки, исходящей из принципа причинности, закономерности явлений, и что поэтому дарвинизм не является научной теорией. Но замечательно то, что это обвинение продиктовано как раз тем обстоятельством, что дарвинизм есть стихийно материалистическое учение, объясняющее биологические явления строго закономерно, на основе естественной причинности. Ведь из учения Дарвина вытекает, что основную, руководящую роль в изменении видов играют не индивидуальные изменения, а закон естественного отбора этих изменений, т. е. случайное приобретает значение лишь под действием этого неумолимого закона, так что развитие видов объясняется дарвинизмом на основе строжайшей закономерности, вполне материалистически. Для антидарвинистов учение Дарвина является теорией случайностей именно потому, что оно антитеологично, решительно отвергает цель, таинственную предустановленность, действие разума в органической природе. Вот почему они обыкновенно замалчивают то обстоятельство, что слово «случайность» употребляется в весьма различных смыслах и что сам Дарвин дал нам достаточно ясно понять, в каком именно смысле он употребляет это слово.

Вопрос о случайности представляет большой интерес для научного мировоззрения, так как он ведет к более глубокому пониманию категорий причинности, закономерности. Ведь в природе все находится во взаимодействии, ибо мир представляет собой не скопление изолированных, не зависимых друг от друга явлений и предметов, а связанное, единое целое. Но эта всеоб-

Случайной является и та среда, в которую попадает данный организм и в которой проявляется полезность или вредность его индивидуальных особенностей, так как среда могла оказаться для данного организма и другой. Поэтому Энгельс, говоря в «Диалектике природы» об объективности случайности, отметил: «Для отдельного животного случайно, где оно родилось, какую среду оно застает вокруг себя, какие враги и сколько именно врагов угрожает ему. Для материнского растения случайно, куда ветер занесет его семя, для дочернего растения, — где это семя найдет почву, откуда оно вырастает...» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XIV, стр. 504).

щая взаимозависимость явлений и предметов мира выступает в различных типах или категориях связей, и отсюда — различие необходимости и случайности.

Многие современные естествоиспытатели, подобно французски материалистам XVIII века, имеют неправильное представление о формах причинной связи в природе. Они стоят на точке зрения механического детерминизма, т. е. считают, что в мире господствует лишь простая, непосредственная необходимость. Отвергая поповскую точку зрения на случайность как на беспричинность, они говорят, что случайностью является то, что для нас неожиданно или причин чего мы не знаем. Значит, для них случайность есть не объективная категория (как необходимость), а субъективная, т. е. для них нет ничего случайного, ибо они мыслят случайность лишь как непознанную разумом необходимость. А между тем это неверно, ибо определенное явление (например, неожиданная встреча с забытым уже приятелем) остается случайностью и тогда, когда его причины выяснены. Ведь на ряду с явлениями, которые необходимы, т. е. обязательно должны произойти, так как неизбежно вытекают из всего хода вещей, бывают явления, которые случайны, т. е. могли бы и не произойти, так как не являются неизбежными в данной цепи событий. Поэтому науке приходится определять, что именно в данном сочетании фактов необходимо, т. е. не могло быть иначе, неизбежно, и что случайно, т. е. могло быть иначе, необязательно. Отрицание же случайности, признание одной только необходимости ведут к тому, что всякие несущественные, неважные в общем развитии мира явления приравниваются к существенным, важным, и на этой почве вырастает фатализм — чисто поповская вера в рок, судьбу, предопределение и т. п.

Энгельс показал, что в правильной постановке вопроса о случайности особенно велика была роль дарвинизма. Из этого учения вытекает, что нечто одновременно является и случайным, и необходимым, т. е. случайность и необходимость не оторваны друг от друга, а тесно связаны в диалектическом единстве. В «Диалектике природы» Энгельс, выявляя, что именно в этом отношении сделало естествознание в лице Дарвина, пишет: «Дарвин в своем составившем эпоху произведении исходит из крайне широкой, покоящейся на случайности фактической основы. Именно незаметные случайные различия индивидов внутри отдельных видов, различия, которые могут усиливаться до изменения самого характера вида, ближайшие даже причины которых можно указать лишь в самых редких случаях, именно они и заставляют его усомниться в прежней основе всякой закономерности в биологии, усомниться в понятии вида, в его прежней метафизической неизменности и постоянстве». Поэтому Энгельс ставит задачу: «Показать, что дарвинова теория является практическим доказательством гегелев-

ской концепции о внутренней связи между необходимостью и случайностью» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XIV, стр. 505 и 521).

Мы не будем более останавливаться на объективном отношении дарвинизма к проблеме случайности, так как нас здесь занимает не этот вопрос, а мировоззрение Дарвина. Поэтому приведем несколько цитат, показывающих, как этот ученый смотрел на случайность, в каком смысле он употреблял это слово в своем учении в отборе. В «Происхождении видов» Дарвин говорит: «До сих пор я иногда выражался таким образом, как будто изменения, — столь обыкновенные и разнообразные у организмов в условиях одомашнения и более редкие в естественном состоянии, — были делом случайности. Это выражение, конечно, совершенно неверно, но оно ясно обнаруживает наше незнание причины каждого отдельного изменения» (Дарвин Ч. Сочинения, т. III, изд. Академии Наук, 1939, стр. 367).

Точно так же в своей книге «Изменения животных и растений вследствие приручения» Дарвин замечает: «Хотя каждое изменение определяется известной причиной, хотя оно подчинено строгим неизменным законам, однако нам так редко удается проследить эту причинную связь, что мы скорее склонны считать эти изменения самопроизвольными. Мы можем назвать их даже случайными в том смысле, в каком мы говорим, что обломок горной породы, упавший с высоты, имеет совершенно случайную форму» (Дарвин Ч. Собрание сочинений, т. III, изд. Поповой, 1900, стр. 565).

Дарвин в этой своей большой работе несколько раз возвращается к вопросу о случайности и особенно подробно, четко и наглядно разъясняет свою мысль. Он там пишет: «Я говорю об отборе как о главном деятеле, но его действия безусловно зависят от того, что мы в нашем невежестве называем произвольной или случайной изменчивостью. Заставим архитектора построить здание из неотесанных камней, скатившихся с обрыва. Форма каждого обломка может быть случайной; однако же она была определена силой тяжести, свойством скалы и покатостью обрыва — происшествиями и обстоятельствами, зависящими от естественных законов, хотя и нет никакого отношения между этими законами и целью, для которой эти камни употребляются архитектором. Равным образом изменения каждого существа определяются постоянными и неизменными законами; но это и не имеет никакого отношения к живому строению, которое медленно создается посредством отбора, как естественного, так и искусственного. Если бы нашему архитектору удалось построить благородное здание, употребляя грубые клинообразные обломки для сводов, более длинные камни для притолок и т. д., мы бы восхищались его искусством еще более, чем если бы он употреблял камни, нарочно отесанные для этой цели. То же можно сказать об отборе, будет ли он при-

меняем человеком или природой. Потому что хотя изменчивость необходимо нужна, но когда мы глядим на какой-нибудь в высшей степени сложный и превосходно приспособленный организм, важность изменчивости отступает на совершенно второстепенное место в сравнении с отбором, — таким же образом, как форма каждого обломка, употребленного нашим вымышленным зодчим, маловажна по сравнению с его искусством» (Дарвин Ч. Собрание сочинений, т. III, изд. Поповой, 1900, стр. 451—452).

Повидимому, Дарвин считал эту метафору очень удачной для выражения его мысли о роли случайных вариаций в естественном отборе, так как он обращался к ней всякий раз, когда ему приходилось коснуться этого интересного вопроса. Так, например, указывая на то, что его воззрение, согласно которому самые несходные виды и роды одного класса происходят от одного предка вследствие присущей организмам изменчивости и деятельности естественного отбора, обыкновенно повергает в немое изумление, он говорит: «Если бы зодчий воздвиг величественное и удобное здание, не прибегая к тесаному камню, а только пользуясь обломками дикого камня, скатившимися в пропасть, употребляя заостренные осколки для арок, продолговатые для притолок, а плоские плиты для крыши, мы, без сомнения, изумлялись бы его искусству и видели бы в этом искусстве главную деятельную причину успеха. Обломки камней, хотя и необходимые для архитектора, находятся в таком же отношении к возведенному зданию, в каком вечно колеблющаяся и неопределенная изменчивость органических существ находится в разнообразных и дивных формах, в которые облекается их измененное потомство» (Дарвин Ч. Собрание сочинений, т. III, изд. Поповой, 1900, стр. 571).¹

Для характеристики этой стороны мировоззрений Дарвина особый интерес представляет последняя страница его книги о прирученных животных и возделанных растениях. Она явилась в результате уже известной нам весьма интересной и длинной дискуссии по вопросу об отношении учения об естественном отборе к телеологическому мировоззрению, которую он в письмах вел с рядом своих ученых друзей (Аза Греем, Ляйеллем и др.). Это — единственное место в опубликованных Дарвином

¹ Дарвин в связи с этим делает весьма важное и убедительное замечание: «Некоторые писатели утверждают, что естественный отбор ничего не объясняет, пока не будет объяснена ближайшая причина каждого частного мелкого изменения. Но, спрашивается, если бы дикарю, ничего не смыслящему в архитектуре, объяснили, как наше здание было сложено, камень за камнем, почему заостренные осколки пошли для арок, плоские — для крыши, если бы ему далее было объяснено значение здания в целом и каждой части, неужели он мог бы утверждать, что ему ничего не объяснили, потому что он не знает причины, почему каждый осколок имеет такую, а не иную форму? Это воззрение было бы совершенно сходно с тем, на основании которого отбор будто бы ничего не объясняет, потому что он не объясняет причины каждого ничтожного уклонения в каждом организме» (Дарвин Ч. Собрание сочинений, т. III, изд. Поповой, 1900, стр. 571).

сочинениях, затрагивающее (хотя и вскользь) вопрос об естественном отборе в связи с общефилософскими проблемами.

Вот это замечательное место: «Форма обломков камня, скавшихся в пропасть, может быть названа случайной, но, строго говоря, это выражение неверно; форма каждого осколка зависит от длинного ряда условий, подчиненных непреложным естественным законам: от природы горной породы, от направления напластования или излома, от очертания горы, которое в свою очередь зависит от ее поднятия и обнажения, наконец, от урагана или землетрясения, отторгнувшего их и повергнувшего их в пропасть. Но по отношению к тому употреблению, которое можно сделать из осколков, их форма может быть строго названа случайной. Здесь мы сталкиваемся лицом к лицу с препятствием, самый намек на которое, я чувствую, уже выходит из моей области. Всеведущий творец должен был, конечно, предвидеть все последствия, проистекающие от начертанных им законов. Но возможно ли сознательно утверждать, что творец повелел, — употребляя это слово в обыкновенном смысле, — повелел, чтобы каждый осколок принял известную форму для того, чтобы зодчий мог воспользоваться им для возведения своего здания? Но если все многочисленные законы, определившие форму каждого обломка, не были предначертаны ради зодчего, то можем ли мы утверждать, что он нарочно предопределил, на пользу скотоводов и садоводов, все бесчисленные уклонения наших домашних животных и растений, — уклонения, часто бесполезные для человека и нередко положительно вредные для самих существ? По его ли предопределению изменился зоб и хвостовые перья голубя, чтобы доставить случай охотникам вывести уродливые породы дутыша и зобастого голубя? По его ли предопределению весь склад и умственные качества собаки изменились до такой степени, что образовали свирепую породу, которой травят быка ради дикой потехи человека? Но если мы признаем этот принцип несостоятельным хотя бы в одном случае, — если мы не допустим, что изменения, происшедшие в первобытной собаке, были сознательно направлены к образованию, например, борзой — этого идеала симметрии и силы, — то не останется ни малейшего основания для убеждения, что изменения, одинаковые по существу и зависящие от тех же законов, которые через посредство естественного отбора были причиной образования самых совершенных пород животных, не исключая человека, — что эти изменения, говорю я, были умышленно направлены к известной цели. Как бы нам ни хотелось, мы не можем согласиться с проф. Аза Греем в его убеждении, что „изменчивость была направлена по определенным известным путям“, подобно потоку, который „отводят для орошения по определенным направлениям“. Если мы допустим, что каждое ничтожное уклонение было уже от века предопределено, то пластичность организмов,

часто вызывающая вредные отклонения, равно как чрезмерно изобильная способность к воспроизведению, неизбежно влекущая за собой борьбу за существование и как следствие естественный отбор или сохранение совершеннейших, должны показаться нам совершенно излишними, бесполезными законами природы. Но, с другой стороны, всемогущий и всеведущий творец все предвидит, все предопределяет. Таким образом, мы останавливаемся перед дилеммой столь же неразрешимой, как свобода воли и предопределение» (Дарвин Ч. Собрание сочинений, т. III, изд. Поповой, 1900, стр. 572).

В дополнение к этому не мешает привести следующие, весьма характерные для Дарвина строки из его письма к Грехему от 3 июля 1881 г.: «Я не могу согласиться с Вашим утверждением, что в существовании так называемых законов природы кроется наличность цели. Это для меня непонятно. Я не стану говорить о том, что, по мнению многих людей, различные великие законы будут в один прекрасный день объяснены как неизбежные результаты одного единственного великого закона. Но если мы даже возьмем законы в том их виде, в каком мы их в настоящее время знаем, и если мы станем созерцать Луну, для которой имеет силу закон тяготения и, без сомнения, закон сохранения энергии, закон атомистической теории и т. д., то тут я не вижу, чтобы со всем этим по необходимости была связана какая-нибудь цель. Была ли бы налицо какая-нибудь цель, если бы на Луне существовали только низшие организмы, у которых нет сознания?»

С данной Дарвином критикой представления о разумной целесообразности мира мы уже встретились при изложении его взглядов, касающихся основ религиозного мировоззрения. Теперь же мы видим, что проблема целесообразности теснейшим образом связана с проблемой случайности и что Дарвин нанес сокрушительный удар всяким антинаучным теориям органической целесообразности. В связи с этим отметим в самых общих чертах, какие выводы вытекают из прямых высказываний Дарвина о том, что он понимал под случайностью.

Дарвин твердо стоит на точке зрения каузальной, строго антителиологической, естественной закономерности. Он решительно отказывается видеть в законах природы наличие какой-то цели, уверенный в том, что в мире царит слепая, неразумная, естественная связь и зависимость явлений, что одинаковые причины при одинаковых условиях всегда вызывают одинаковые следствия. Поэтому он и слышать не хочет о том, будто в органической изменчивости кроется какая-то предустановленность, какая-то разумная цель. Каждое ничтожное отклонение, по его глубокому убеждению, строго закономерно, вызвано рядом материальных, естественных причин. Следовательно, случая, в поповском смысле слова, как чего-то беспричинного, выпадающего из необходимой цепи явлений, совершенно не существует.

Но, отвергая поповский взгляд на случайность, Дарвин далеко не всегда дает правильное понимание этой категории. Дарвин обычно отмечает, что мы не всегда можем указать ту совокупность причин, которая вызывает данное явление, например, данное органическое отклонение, так что мы не можем предвидеть возникновение данного отклонения, — оно появляется для нас неожиданно, как будто произвольно. Такие отклонения Дарвин называет случайными, но он при этом подчеркивает, что это слово «совершенно неверно» и что оно употребляется лишь для выражения нашего «невежества», нашего «незнания причин», вызвавших каждое данное отклонение. Значит, случайные органические отклонения причинны, но они для нас, вследствие невыясненности этих причин, неожиданны, неопределенны, кажутся нам совершенно произвольными. Таким образом, это рассуждение Дарвина выдержано в духе механического детерминизма, который отрицает самый факт существования случайности в действительности.

Однако Дарвин не удержался на этой неправильной позиции, так как весь характер его учения о естественном отборе неизбежно толкал его к признанию объективности случайности. Поэтому Дарвин в ряде мест, в разрез с вышеприведенными рассуждениями, совершенно четко говорит о «строгой случайности». Ведь причины, вызывающие индивидуальные наследственные изменения в организмах, не имеют прямого отношения к тому, что делает отбор с этими изменениями. Законы этих изменений маловажны для деятельности естественного отбора, задача которого — только отделять, безразлично каким путем возникшие, многочисленные изменения таким образом, чтобы сохранить лишь те из них, которые приспособительны, полезны организму в данных условиях. Вот почему Дарвин отметил, что хотя индивидуальные наследственные особенности организмов причинны, закономерны, они могут быть названы «строго случайными», если их рассматривать не самих по себе, а по отношению к тем приспособлениям, которые образуются в результате естественного отбора. Но в таком случае получается, что случайными следует считать явления, совершающиеся в результате пересечения, скрещивания таких причинных рядов, которые можно считать независимыми, внутренне несвязанными, так что случайность — особый, специальный вид причинно-следственных цепей.

Как видно, дарвинизм ведет к представлению о внутренней связи между необходимостью и случайностью, но сам Дарвин, вследствие незнания диалектики, допустил в этом вопросе нечеткие и даже неправильные формулировки. С одной стороны, Дарвин подчеркивает наше незнание причин, вызывающих индивидуальную наследственную изменчивость, и на этом основании ошибочно обозначает эту изменчивость как случайную. Но, с другой стороны, он понимает всю неправильность превращения категории случайности в меру нашего невежества, незнания дей-

ствительных причин явления и поэтому указывает на более правильное, объективное значение этой категории. Он учитывает, что для данного организма совершенно случайно то, что возникший признак оказался полезным или вредным в данной, конкретной обстановке, т. е. попал под действие естественного отбора. Следовательно, Дарвин поднялся выше других натуралистов, которые, стоя на почве механического детерминизма, отрицают объективность случайности, считают ее субъективной категорией. Однако все же нельзя не признать, что Дарвин как стихийный, бессознательный материалист-диалектик не сумел дать вполне ясной формулировки действительного, строго диалектического единства случайности и необходимости.

В сущности, по Дарвину, случайность в ее объективном значении есть лишь пересечение внешних друг другу законов, «между которыми нет соотношения». Такое понимание случайности в общем совпадает с той точкой зрения, которую развивал Плеханов, пользовавшийся историческими примерами. Плеханов писал: «Во всех процессах, изучаемых наукой, есть элемент случайности, и это не исключает возможности научного познания явлений. Случайность есть нечто относительное. Она является лишь в точке пересечения необходимых процессов. Появление европейцев в Америке было для жителей Мексики и Перу случайностью в том смысле, что не вытекало из общественного развития этих стран. Но не случайностью была страсть к мореплаванию, овладевшая западными европейцами в конце средних веков» (Плеханов Г. Сочинения, т. VIII, стр. 294). Но если для американцев появление европейцев было явлением случайным, чем-то посторонним, т. е. совершенно не вытекавшим из внутреннего, необходимого развития тогдашних американских народов, то для европейцев это не явилось случайностью, так как это с необходимостью вытекало из их экономического развития. Поэтому следует говорить не только о внешней случайности, являющейся результатом пересечения двух необходимых процессов, но и о случайности внутренней, представляющей собой особую форму проявления необходимости (несущественный момент в развитии процесса).

Мы остановились на этом вопросе главным образом потому, что идеалисты и некоторые теологи уже с древних времен совершенно извратили понятия закономерности и случайности. Они называют закономерным то, в чем виден умысел, разум, предустановленность, направленность к цели, а случайным — то, что происходит слепо, в силу строгой необходимости, без всякого умысла, помимо деятельности высшего разума. Следовательно, сторонники поповщины просто-напросто подтасовывают карты, когда они, стараясь каузальность подменить телеологией, называют случайным все то, что происходит строго закономерно, а закономерным, наоборот, то, в чем видна преднамеренность. К сожалению, и Дарвин, как мы ниже увидим, попадает в эту

телеологическую ловушку, как только он, оставляя научную почву, пытается подойти к решению философских и космологических вопросов. Именно, он полагал, что не в состоянии примириться с мыслью, что мир в своем настоящем виде есть результат сознательного намерения, разумной цели, и в то же время не может допустить, чтобы мир был результатом «слепой случайности или необходимости». Но важно то, что Дарвин как ученый признает, что эволюция происходит без всяких предустановленных целей и что все те явления, которые мы называем случайными, вовсе не беспричинны, — они вполне закономерны и должны быть учтены при научном объяснении мира. Важно также то, что Дарвин стихийно диалектически разрешает проблему соотношения случайного и необходимого и что это решение он дает как вывод из материалистического объяснения органической целесообразности.

Что естественнонаучное мировоззрение Дарвина имеет ясно выраженный материалистический характер, — отмечают и некоторые буржуазные философы. Так, Геффдинг, соглашаясь с тем, что Дарвин по своему мировоззрению был материалистом, правильно заметил, что исходная идея материализма, отрицание сверхъестественного, является основой естествознания. В своей книге «История новейшей философии» он по этому поводу пишет: «Выражалось мнение, что дарвинизм есть не только безнравственное, но даже материалистическое и атеистическое учение. Но если разуметь под материализмом только сведение явлений к определенным естественным законам, исключаяющим всякое сверхъестественное вмешательство, то Дарвин, конечно, материалист... Дарвин расширил область естественной связи: он содействовал тому, что привычка мыслить положительно и обходиться без теологических причин сделалась более распространенной среди естествоиспытателей, а затем и в более широких кругах. Принципиально этим не прибавлено в известном смысле ничего нового, потому что принцип естественных причин был уже давно установлен, но в истории естествознания не часты случаи столь блестящего подтверждения его».

Такую же точку зрения отстаивает видный представитель кантианства Ф. Паульсен. В своем труде «Введение в философию» он пишет: «Естествознание не может допустить и не допустит, чтобы его опять отклонили с его пути искания чисто физического объяснения всех явлений природы. Пусть существуют тысячи вещей, которых оно не может объяснить в настоящее время, но никогда не поступит оно своей принципиальной аксиомой, что и для этих вещей есть естественная причина, а следовательно, и естественнонаучное объяснение. Поэтому всякая философия, стоящая на том, что некоторые явления природы не могут быть без остатка объяснены физически, а делают необходимым допущение действия какого-нибудь метафизического начала или сверхъестественного деятеля, — такая фило-

софия будет иметь в естествознании непримиримого противника». Но в качестве кантианца Паульсен в сущности защищает учение о двойственности истины, которое предлагает науке и религии идти независимо друг от друга, каждая своей дорогой, не сталкиваясь друг с другом. Не желая гибели религии, этот философ уверяет, что религия совершенно не связана с тем или иным представлением о мире. И поэтому он очень сокрушается по поводу того, что Дарвин вместе с потерей доверия к палеонтологическим доказательствам существования в природе разумной цели утратил также и религию. Он считает, что такого рода случаи в науке повторяются довольно часто и что они свидетельствуют о том, что «для хорошей вещи» — религии — нет ничего опаснее «таких доказательств», т. е. телеологического доказательства существования бога, — а ведь это доказательство считается богословами особенно солидным.

Вот почему Паульсен говорит: «Для церкви является жизненным вопросом стать к науке в правильное отношение; она погибает от того недоверия, которое она питает к науке и в свою очередь испытывает это со стороны последней. Правильное же отношение состоит не в том, чтобы она постоянно принимала самые новые теории, а в том, чтобы она сделала себя совершенно независимой от научно-философских теорий. То, что даю я, — должна сказать она, — имеет силу независимо от того, прав ли Коперник или Птоломей, Дарвин или Агассиц. Евангелие существует и не имеет никакой системы космологии и биологии, оно есть проповедь о царстве божием, имеющем осуществиться в душе и жизни людей. Оно опирается не на необъяснимые явления природы и чудеса, а на опыты сердца, находящего в нем мир и благодать». Однако Паульсен закрывает глаза на то, что религия есть целое мировоззрение, что евангельская мораль связана с евангельским мифом о сыне божьем, с верой в бога и его царство, с представлением о сверхъестественном, т. е. «необъяснимом и чудесном». А это представление (вместе с антропоцентризмом, телеологией и пр.) сокрушено дарвинизмом в области биологии, так что всякие разговоры о том, что религия должна стать «независимой» от научно-философских представлений, являются лишь лишним доказательством того, что подлинное естествознание не оставило никаких опор для религиозной теории и практики.

VI. СТЫДЛИВЫЙ АТЕИЗМ

Обосновывая свое учение об органической эволюции и происхождении человека, Дарвин старался сохранить аполитичный тон, так как хотел избежать прямого столкновения с церковью.¹ Но, отказавшись от критики теологии в своих печат-

¹ Весьма характерно, что, прежде чем послать издателю Муррею рукопись «Происхождение видов», Дарвин писал Ляйеллю в своем письме от

ных трудах, Дарвин все же не мог избавиться от нападков тех, чьи интересы невольно подрывало его, по существу антирелигиозное, учение. Недаром знаменитый ботаник Уотсон, высказывая свое согласие с учением Дарвина, в одном из своих писем к Дарвину воскликнул: «Но как сильно все это заденет идеи многих людей!» Он ясно видел, что вокруг дарвинизма разгорится ожесточенная борьба, так как это учение в области живой природы не оставило никакого убежища для всего того, что пахнет сверхъестественным, божественным.

Злобным противником дарвинизма выступил известный геолог Седжвик — один из тех, кого Дарвин считал своим учителем и кто предсказывал, что «Дарвин займет видное положение в ряду современных ученых». Он окрестил это учение «весьма зловредным атеистическим материализмом»: как мистик, религиозно настроенный человек, стоявший на точке зрения «физико-теологии», он сразу правильно понял, чем задел его дарвинизм. В своей чрезвычайно резкой статье в журнале «Спектейтор» («Наблюдатель»), посвященной «Происхождению видов», Седжвик назвал дарвинизм «ошеломляющим парадоксом, высказанным очень смело и с некоторым импонирующим правдоподобием», но в сущности напоминающим «веревку, свитую из мыльных пузырей». Статью эту он заканчивал «выражением ненависти к теории за ее решительный материализм», за то, что «она отвергает конечные причины и, таким образом, указывает на развращенность ума своих защитников».

Еще до появления этой статьи, в конце ноября 1859 г., Седжвик писал Дарвину, приславшему ему свою книгу: «Если бы я не считал Вас человеком с хорошим характером и с любовью к истине, то не признался бы Вам в том, что читал Вашу книгу с огорчением, а не с радостью... Некоторые места в Вашей книге доставили мне истинное горе, потому что я считаю выраженные в них мысли совершенно ложными и крайне вредными... Я называю причинность (в отвлеченном смысле) богом, и я могу доказать, что он действует на благо сотворенных им существ. Он также поступает согласно законам, доступным нашему изучению и пониманию. Действие в силу законов под влиянием того, что называется конечными причинами, — ведь этим охватывается все Ваше учение... Мы все признаем развитие

28 марта 1859 г.: «Посоветуете ли Вы мне сказать Муррею, что книга моя не более антиортодоксальна, чем того неизбежно требует ее предмет, что я не обсуждаю происхождения человека, что я не вступаю ни в какие споры о книге Бытия и пр. и пр., а привожу лишь факты и некоторые заключения из них, которые мне кажутся справедливыми, или лучше ничего не говорить Муррею, предполагая, что он не может иметь ничего против такой антиортодоксальности, в сущности не превышающей того, что находится в любом геологическом трактате, прямо противоречащем книге Бытия». На всякий случай Дарвин с целью утихомирить правоверных сторонников религиозно-библейских воззрений снабдил свою книгу тремя соответствующими эпиграфами из сочинений Уэвелля, Батлера и Бэкона, но этим ничего не добился.

как исторический факт, но как оно началось? Вот отсюда мы с Вами и на словах, и еще более по смыслу вполне расходимся. Существует нравственная или метафизическая природа так же, как и физическая; человек, отрицающий это, погряз в болоте безумия» (Дарвин Ч. Собрание сочинений, т. VIII, изд. Лепковского, стр. 40—41). Далее Седжвик дает понять Дарвину, что последний намеренно отрицает это, так как в учении о естественном отборе нет места для «направляющей конечной причины» и тем самым Дарвин якобы толкает человечество назад, к совершенно безнравственному, чисто животному состоянию. Подписался же Седжвик так: «Ныне — один из потомков обезьяны, а в прошлом — Ваш старый друг».

Дарвин сравнительно стойко, хладнокровно и даже добродушно относился к брани попов и их сторонников. Все же, резюмируя в письме к Ляйеллю свои впечатления от бури ненависти, клеветы, травли и пр., вызванной «Происхождением видов», Дарвин пишет: «Тяжело быть ненавидимым в такой степени, как ненавидят меня». В одном из своих писем к Гукеру по поводу бранной анонимной рецензии некоего теолога в «Атенеуме» 19 ноября 1859 г. Дарвин, обычно весьма осторожный и сдержанный в выражении своих чувств, говорит: «Манера, с которой он притягивает сюда бессмертие, натравливает на меня духовенство и отдает на их растерзание, это — манера подлая. Он сам, правда, не стал бы жечь меня, но он принес бы хворосту к костру и указал бы черным бестиям, как меня поймать». А упоминая о «бешенстве бедного старого Седжвика», он в письме к Аза Грею заметил: «Я никогда не мог поверить, что инквизитор мог быть хорошим человеком, но теперь думаю, что человек может жечь другого и иметь такое доброе и славное сердце, как у Седжвика».

Не подлежит сомнению, что Дарвин в общем понимал антирелигиозное, революционное значение своего учения и поэтому не ждал ничего хорошего от различных «черных бестий» — теологов и реакционных ученых и публицистов. Так, в конце 1858 г., работая над «Происхождением видов», Дарвин пишет Гукеру: «Я знаю, что люди сюда притянут и религию». Точно так же в конце 1870 г., незадолго до выхода «Происхождения человека», Дарвин пишет своему другу Селивану: «Этой весной я издам другую книгу, в части своей касающейся человека, которую, я убежден, многие охарактеризуют как безбожную». А еще раньше он шутивно назвал свое учение «евангелием сатаны» и поэтому окрестил Гексли «моим добрым апостолом евангелия сатаны».

Не подвергая специальной критике библейский рассказ о сотворении живой природы, Дарвин в «Происхождении видов» дал ясно понять, что возникновение того или иного вида столь же естественно, как и вспышка молнии. В связи с этим он в письме к Леббоку в конце 1859 г. не без иронии заметил по адресу

религиозников: «Когда впервые было доказано, что гром и молния зависят от вторичных причин, для некоторых была невыносима мысль, что каждая вспышка молнии не причиняется непосредственно рукой божьей».

Несмотря на это, некоторые сторонники поповщины все же утверждают, что Дарвин поддерживал веру в существование бога. Так, идеалист Фервейн в своей «Натурфилософии» (1915 г.) уверяет, будто «естествоиспытатель такого значения, как Дарвин, вовсе не чуждался гипотезы о существовании бога вне мира». В чем же, однако, поповская и поповствующая философия видит основание для своих утверждений, что Дарвин был сторонником теизма? Мы сейчас вкратце ответим на этот вопрос, причем это позволит охарактеризовать не только методы религиозных апологетов, но и некоторые черты личности Дарвина.

Положительное отношение Дарвина к религии защитники поповщины видят главным образом в том, что Дарвин в своих печатных трудах, изданных при его жизни, не подчеркивал атеистической стороны своего мировоззрения. Действительно, он в своих книгах не только не считал целесообразным вступить в конфликт с церковью, но даже уверял, что его учение, как и вообще естествознание, не задевает основ религии. Ему, очевидно, казалось, что этим путем удастся ослабить бурю, которую его учение вызовет у всех сторонников старых взглядов.

Так, изложив свое учение о животном происхождении человеческого рода, Дарвин в «Происхождении человека» вдруг заявляет: «Я знаю, что заключения, к которым приводит это сочинение, будут названы некоторыми крайне нерелигиозными; но тот, кто так клеймит их, обязан доказать, что безбожнее объяснить начало человека как отдельного вида происхождением от какой-нибудь низшей формы путем изменений и естественного отбора, нежели объяснить рождение отдельного неделимого посредством законов обыкновенного воспроизведения. Рождение как вида, так и неделимого одинаково составляет часть того длинного ряда последовательных явлений, которые наш ум отказывается признать за результат слепой случайности. Разум одинаково восстает против подобного заключения, все равно, верим ли мы или нет, что всякое легкое изменение в организме, соединение каждой пары в браке, распространение каждого растительного семени и т. п. явления — были все предназначены для какой-нибудь особой цели» (Дарвин Ч. Собрание сочинений, т. II, изд. Поповой, 1892, стр. 416).

Приблизительно в таком же духе высказался Дарвин и раньше в «Происхождении видов». В заключительной главе этой книги он заметил: «Я не вижу достаточного основания, почему бы воззрения, излагаемые в этой книге, могли задевать чье-либо религиозное чувство. В доказательство того, как скоро преходяще подобное впечатление, утешительно вспомнить, что величайшее открытие, когда-либо сделанное человеком, а имен-

но — открытие всемирного тяготения, было встречено нападками Лейбница, как «потрясающее основы естественной религии, а следовательно, и откровения» (Дарвин Ч. Сочинения, т. III, изд. Академии Наук, 1939, стр. 660).

Как видно, Дарвин ведет себя довольно двусмысленно: уничтожив ряд положений, лежащих в самом базисе религиозно-библейского мировоззрения, он вдруг начинает уверять, что его взгляды не идут в разрез с религией. Конечно, Дарвин делает это весьма неубедительным образом, ибо старые, привычные религиозные положения им все-таки решительно изгоняются из всех конкретных участков разрабатываемой ими науки. Но все это вызвано только тем, что Дарвин, подобно подавляющему большинству буржуазных ученых, старается придать своему учению аполитичный характер, не решаясь вырваться из условных рамок «приличия», установленных буржуазным обществом. Таким образом, выявляется основная беда Дарвина: его неумение и нежелание выйти из рамок буржуазной науки, его дань компромиссному буржуазному «духу времени», хотя его собственный материал бунтует против этих узких рамок, восстает против этого тлетворного духа.

Защитники религии превращают Дарвина в сторонника теистического мировоззрения также на том основании, что он употребил слово «творец». Действительно, в заключительных строках «Происхождения видов» бросается в глаза неожиданная фраза: «Есть величие в этом воззрении, по которому жизнь, с ее различными проявлениями, творец первоначально вдохнул в одну или ограниченное число форм». ¹ Однако на этом основании геолог Джед, бывший другом Дарвина, в своей книжке о возникновении эволюционизма («Революция в науке») уверяет, что Дарвин верил в бога как «создателя новых форм» и что поэтому эволюционистов не следует считать «преднамеренными атеистами». Точно так же философ Эстеррейх говорит, будто «для первичных организмов Дарвин полагал их сверхмеханическое (нематериальное. — Г. Г.) возникновение путем божественной творческой силы». Это, однако, совсем не так, ибо подобное упоминание бога больше у Дарвина нигде не встречается (хотя слово «творение» или «создание», допускающее двусмысленное толкование, он употребляет несколько раз), и оно вовсе не дает право попам говорить: «Ага, безбожники, попались! Ваш Дарвин говорит против вас: раз он сам в своем

¹ Интересна история этой знаменитой фразы. Впервые эта фраза встречается у Дарвина в заключении его «Очерка 1842 г.»; затем она приведена почти без изменений в конце «Очерка 1844 г.». В обоих этих очерках мы читаем, что «жизнь... была первоначально вдохнута в материя». Точно так же в первом издании «Происхождения видов» сказано, что «жизнь... была первоначально вдохнута в одну или ограниченное число форм». Но, начиная со второго издания этой книги, Дарвин отбросил первоначальную безличную форму, заменив слова «была первоначально вдохнута» словами «творец первоначально вдохнул».

главном произведении упоминает бога, то ясно, что эволюционное учение, правильно понятое, не враждебно религии. Растительные и животные виды сотворены!»

Дело в том, что Дарвин не мог избежать вопроса о монофилетическом (от одного первичного организма) или полифилетическом (от многих первичных форм) происхождении всех существующих организмов, причем он проявил здесь большую осторожность в виду почти полного отсутствия в его время необходимого научного материала. При этом Дарвин считал, что его учение о факторах органической эволюции не имеет непосредственного отношения к вопросу о происхождении жизни, который при тогдашнем состоянии науки, естественно, казался ему неразрешимым. Но он не только совершенно не задавался этим вопросом, а даже избегал его, ошибочно полагая, что «с наименьшим успехом мы могли бы рассуждать о происхождении материи». Так, в письме к Ляйеллю он писал: «При современном состоянии наших знаний мы должны допустить сотворение одной или нескольких немногих форм, точно так же как физики допускают существование силы притяжения без всякого объяснения ее». Это, конечно, было явной ошибкой Дарвина. На что Геккель, не избегавший философских вопросов, обратил внимание уже в 1862 г. в своей монографии о радиоляриях. «Наибольший недостаток дарвиновой теории, — писал он, — состоит в том, что она не доставляет никакой точки опоры для возникновения первичного организма, из которого мало-помалу произошли все другие, — по всей вероятности простой клетки. Если Дарвин для этого первого вида принимает еще особенный акт творения, то это во всяком случае не последовательно и, как мне кажется, он не думал этого серьезно».

Заметил эту серьезную ошибку Дарвина и антидарвинист Дюринг. Отвечая ему, Энгельс в «Анти-Дюринге» писал: «Упрек по адресу Дарвина, что он тотчас же попадает в тупик там, где обрывается нить происхождения, суров и, конечно, неопровержим. Но, к несчастью, его заслуживает все естествознание. Там, где у него обрывается нить происхождения, там оно попадает в „тупик“. Оно до сих пор еще не научилось создавать органические существа иначе, как путем происхождения их от других существ; оно не умеет даже произвести из химических элементов простой протоплазмы или другого белкового вещества. Следовательно, по вопросу о происхождении жизни оно и до сих пор может сказать с определенностью лишь то, что жизнь должна была возникнуть химическим образом» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XIV, стр. 72). Но Дарвин в своих сочинениях этого не сказал, хотя он вряд ли сомневался в том, что жизнь возникла из неорганической материи на основе естественных законов. Это, между прочим, видно из того, что «общую аргументацию» в пользу первичного саморождения жизни он считал «очень сильной».

Как бы то ни было, приведенная нами, столь приятная сторонникам поповщины, фраза у Дарвина ничего специфически религиозного не выражает. По распространенной у тогдашних (в особенности английских) ученых привычке слово «творец» он употребил вместо выражения «неизвестная сила природы», т. е. в сущности Дарвин, подобно материалисту Спинозе, смотрел на волю божью как на «убежище невежества». Поэтому в письме к Гексли он объяснил, что этой фразой он хотел выразить лишь то, что «способ происхождения организмов для нас совершенно неизвестен», т. е. что традиционным выражением он заменил понятие о неизвестной естественной причине.

Эту фразу Дарвин считал очень неудачной и впоследствии очень сожалел о том, что ее употребил. Так, например, в письме к Ляйеллю от 29 марта 1863 г. он говорит: «Пройдет еще некоторое время, пока мы увидим, что „слизь, протоплазма и т. д.“... создают новое животное. Но я уже давно сожалел о том, что уступил общественному мнению и пустил в ход выражение „сотворение“ в той форме, в какой его употребляет пятикнижие. Я под этим выражением подразумевал только „появление“ жизни в результате какого-то совершенно неизвестного нам процесса; сущий вздор думать в настоящее время о происхождении жизни». Следовательно, нечего богословам цепляться за это злосчастное, единственное во всей книге выражение. Поэтому вполне прав на этот раз лютый противник дарвинизма, проф. А. А. Тихомиров, когда он отмечает, что упоминание Дарвином творца была ни к чему не ведущей и по существу не стоящей в согласии с дарвинистическим мировоззрением уступкой.¹

Мы видим таким образом, что вопрос об отношении Дарвина к религии представляет особый интерес, давая возможность нам выяснить интимные стороны его мировоззрения. Во всяком

¹ В «Происхождении видов» Дарвин говорит, что один писатель и в то же время духовное лицо писал ему: «Я мало-помалу привык к мысли об одинаковой совместности с высоким представлением о божестве веры в то, что оно создало несколько первоначальных форм, способных путем саморазвития дать начало другим необходимым формам, как и веры в то, что оно нуждалось каждый раз в новом акте творения для того, чтобы заполнить пробелы, вызванные действием установленных им законов» (Дарвин Ч. Сочинения, т. III, изд. Академии Наук, 1939, стр. 660). Дарвин оставляет это мнение, высказанное ему Кингслеем, безо всяких своих комментариев, не желая, чтобы его учение «могло задевать чье-либо религиозное чувство». Но в введении к своей книге «Изменения животных и растений» он по существу дает ответ на точку зрения, выраженную этим духовным лицом. Он там говорит: «Так как начало жизни и самая жизнь всякой особи лежат в настоящее время вне пределов науки, то я не обращаю слишком большого внимания на предложенное некоторыми упрощение теории независимого творения, будто вначале были созданы только немногие формы, или даже одна единственная форма, вместо бесчисленных чудесных творений, случившихся в бесчисленные периоды, хотя этот простой взгляд и согласуется с философской аксиомой наименьшего действия» (Дарвин Ч.

случае не подлежит сомнению, что Дарвин в своих сочинениях не только не указывал на явно атеистический характер своего мировоззрения, но и не любил, когда его называли атеистом. В связи с этим богословы, идеалисты и т. д. особенно подчеркивают то обстоятельство, что, высказывая друзьям свои взгляды на религию, Дарвин был весьма осторожен в выражениях и как бы извинялся, не желая, чтобы его считали безбожником. Действительно, даже в своих письмах к друзьям-ученым он отмечал, что не имел никакого намерения прослыть атеистом. Так, например, Дарвин, касаясь своей мысли о том, что не видит во всем мире никаких признаков божественного плана и благоволения, писал Грею 22 мая 1860 г.: «Что касается богословского взгляда на данный вопрос, то он всегда доставляет мне неприятности... Я абсолютно не имел в виду писать в атеистическом духе». И немного дальше, выявив полнейшую несостоятельность телеологической точки зрения Грея, он опять отмечает: «Я совершенно согласен с Вами в том, что мои воззрения не являются непременно атеистическими».

Итак, Дарвин не хотел быть причисленным к атеистам, хотя для всех было ясно, что он давно уже порвал с идеей сверхъестественного и что его учение идет в разрез с религиозным представлением о мире. Чем же это объясняется?

Дарвин не был в достаточной степени свободен от влияния буржуазной идеологии и жил в ханжеском окружении. Его учение, сформулированное им даже в сугубо академической форме, причинило ему немало неприятностей. Дарвину было вполне ясно, что отрицать открыто религию, прямо высказывать в печати свои истинные сокровенные взгляды о религиозном мировоззрении — это значит войти в тяжелый конфликт с «общественным мнением», т. е. с господствующими классами. Тихий, спокойный и очень болезненный Дарвин тщательно оберегал свою деревенскую безбедную тишь, свой семейный уют и спокойствие своих близких, и поэтому он всячески избегал такого конфликта. К тому же он ни в какой мере не хотел задеть или оскорбить религиозное чувство верующих, так как придерживался принципов либеральной терпимости,

Собрание сочинений, т. III, изд. Поповой, 1900, стр. 8). Впрочем, эту же мысль мы в общем находим и в «Происхождении видов»: «Некоторые авторы возражали, что в сотворение миллионов существ так же легко поверить, как и в сотворение одного. Но философская аксиома „наименьшего действия“, высказанная Мопертюи, невольно склоняет ум в пользу малого числа, и, конечно, мы не должны предполагать, что бесчисленные существа, в пределах каждого обширного класса, были созданы с очевидными, но обманывающими нас признаками происхождения от общих родителей» (Дарвин Ч. Сочинения, т. III, изд. Академии Наук, 1939, стр. 661). Но в общем Дарвин не соглашался с теми, которые отодвигали акт творения к началу жизни, когда возникли первичная форма или первичные формы, а естественный отбор рассматривали как установленный богом способ возникновения отдельных видов: он и думать не хотел о теологизировании своего учения.

которые в то время были широко распространены в передовых слоях общества. А между тем жена Дарвина была очень религиозна, и ему не хотелось огорчать ее, спорить с нею и с окружающими ее лицами, в числе которых были и «духовные». ¹ Наконец, Дарвин руководствовался чисто тактическими соображениями, подсказанными осторожностью: он опасался, что если публично изложит свое настоящее мнение по вопросам религии, то этим сильно повредит распространению своей эволюционной теории.

Таким образом, Дарвин прекрасно понимал религиозное ханжество своих буржуазных соотечественников, причем как сын своего класса не намерен был рвать с буржуазным обществом. Но характерно то, что в некоторых частных беседах и письмах он не скрывал того, что только чисто внешние соображения вынуждали его воздерживаться от прямой, открытой критики основ религиозного мировоззрения. В этом отношении особенно замечательны беседа Дарвина с Эвелингом и Бюхнером и его последнее письмо к Марксу.

Рассказывая о своей встрече с Дарвином, Эвелинг пишет: «Мы завтракали вместе с ним и некоторыми членами семейства... Мы после узнали, что госпожа Дарвин во всех отношениях придерживалась ортодоксальной англиканской веры. Во время нашей беседы Дарвин рассказывал нам, что ему обнародование результатов его научных исследований и открытий было чрезвычайно неприятно, даже больно, потому что он знал, что многое из написанного им способно оскорбить чувства людей, которые ему были дороже всего и были ему наиболее близки. Может быть, это было простой случайностью; во всяком случае — факт, что за этим завтраком, когда Бюхнер сидел за столом рядом с Дарвином, между мною и госпожой Дарвин сидело духовное лицо англиканской церкви... Во время завтрака мы беседовали о научных вопросах. Позже, в рабочей комнате Дарвина, где он предавался послеобеденному отдыху и курил папироску, он сам

¹ Одно из этих духовных лиц, Дж. Броди-Иннес, бывший долгое время викарием в Дауне (где жил Дарвин), стоял на почве учения о двойственной истине, стремящегося отделить друг от друга науку от религии. Он поддерживал дружеские отношения с Дарвином, но последний никогда с ним вполне не соглашался относительно какого бы то ни было вопроса. После смерти Дарвина этот священник писал: «Мы никогда не нападали друг на друга. Прежде, чем я познакомился с Дарвином, я усвоил себе и публично выражал следующее правило: естественная история, геология и науки вообще должны быть изучаемы без отношения к библии. Книга природы и священное писание происходят от одного божественного источника, идут параллельно друг другу, и если их правильно понимают, то они никогда не пойдут наперекор друг другу». После отъезда Иннеса из Дауна Дарвин ему писал: «Мы часто с Вами расходились во взглядах, но Вы один из тех редких смертных, с которыми можно быть различных убеждений и не чувствовать при этом ни тени враждебности...» Иннес также рассказывал, что Дарвин «оказывал деятельную помощь во всем, что касалось проходских вопросов, связанных со школой, благотворительностью и пр.»

как-то вдруг завел разговор о религии... Первый вопрос Дарвина, обращенный к нам, был: „Почему вы называете себя атеистами?“ Этот вопрос показывает, что он, погруженный в свои биологические занятия, не поддерживал никаких связей с религиозной борьбой своего времени, точно так же как находился вне всякого отношения к борьбе между капиталом и трудом, которая происходила, если можно так выразиться, перед самыми его дверьми» (Эвелинг. Ч. Дарвин и К. Маркс, «Научное Обозрение», 1897, № 10).

Особенно интересно для нас недавно обнаруженное (не опубликованное сыном Дарвина — Френсисом) письмо Дарвина к Карлу Марксу от 13 октября 1880 г. В этом письме Дарвин, между прочим, пишет: «Будучи решительным сторонником свободы мысли во всех вопросах, я все-таки думаю (правильно или неправильно, все равно), что прямые доводы против христианства и теизма едва ли произведут какое-либо впечатление на публику и что наибольшую пользу свободе мысли приносит постепенное просвещение умов, наступающее в результате прогресса науки. Поэтому я всегда сознательно избегал писать о религии и ограничил себя областью науки. Впрочем, возможно, что тут на меня повлияла больше, чем следует, мысль о той боли, которую я причинил бы некоторым членам моей семьи, если бы стал так или иначе поддерживать прямые нападки на религию».

В связи с этим следует также иметь в виду, что этот гигант мысли, всецело поглощенный конкретными естественнонаучными исследованиями, почти не занимался философией, т. е. проблемами мировоззрения. Он не изучал истории свободомыслия и потому имел довольно смутное, в общем даже искаженное, представление об атеизме и его философской основе — материализме. Обусловлено это было, между прочим, тем обстоятельством, что на Дарвина оказало некоторое влияние ходячее, распространенное в филистерской буржуазной среде ложное представление об атеистах, рисующее их в крайне извращенном виде, в очень непривлекательном свете. Ведь в «образованном», «добропорядочном» английском обществе слово «атеист» является чуть ли не ругательством. Даже в настоящее время на лиц, открыто называющих себя безбожниками, там смотрят не только как на людей грубых, неотесанных, «бесцеремонных», но и как на «врагов общества», т. е. как на людей безнравственных, чуждых всяких идеальных, общечеловеческих стремлений. Вспомним весьма меткие замечания Энгельса о религиозном ханжестве или помешательстве английского «респектабельного среднего класса».

Современник Дарвина, английский атеист Чарльз Бредлоу, за свои произведения несколько раз подвергался судебным преследованиям. Рисуя положение неверующего в «просвещенной» Англии, Бредлоу писал: «На неверующих смотрят с чувством отвращения, и поэтому они принуждены в большинстве случаев

скрывать свои убеждения и вести такой образ жизни и следовать таким обычаям, которые противны их совести. Вся жизнь их представляет непрерывный ряд обманов и ложных положений, которые неизбежно извращают чувство свободы и собственного достоинства. Человек, который открыто заявляет, что не верит в христианство, подвергается бесчисленным неприятностям и самому недостойному обращению. Огромное большинство его сограждан смотрят на него с ужасом, отращением или презрением. Он ставится в число ужасных злодеев; все его действия истолковываются в дурную сторону; самые благородные стремления служить человечеству признаются подозрительными. Свободное выражение своих взглядов, которые он считает существенно важными для счастья человечества, в высшей степени ограничено. Его ближайшие друзья и родные начинают относиться к нему холодно и не упускают случая позорить самые дорогие его убеждения».¹

В таких условиях неудивительно, что в Англии, как и вообще в капиталистическом мире, даже гениальные ученые находятся в идеологическом плену у господствующих классов и поэтому не имеют правильного понятия о том, что такое атеизм и каковы его философские предпосылки. Что же касается Дарвина, то этот честно мыслящий ученый не сумел полностью освободиться от предрассудков буржуазного общества и в результате он, как ниже увидим, полагал, что народные массы еще не доросли до атеизма, который якобы может быть правильно понят только высоко образованными единицами. Как бы то ни было, Дарвин не считал нужным вступать в конфликт с «благочестием» окружающей его среды и поэтому не решался высказывать публично свое искреннее, по существу атеистическое, мнение по вопросам религии. В связи с этим заслуживают внимания следующие, весьма характерные факты.

Хотя Дарвин рассказывает в цитированной нами уже автобиографической заметке, что на протяжении более двух лет он много думал над религиозными вопросами, с течением времени

¹ Избранный после больших затруднений в парламент в 1880 г., Бредлоу был исключен из него за отказ дать присягу. Но, сумев подняться до атеистических выводов из современного ему естествознания и найдя смелость публично пропагандировать эти взгляды, Бредлоу, подобно Л. Бюхнеру и другим буржуазным радикалам, оказался неспособным дойти до революционных выводов в области социальных явлений. Атеизм не довел его до социализма (он в печати и на митингах вел полемику с социалистами, главным образом с Гайдманом), и это очень характерно для всех буржуазных атеистов. Неудивительно, что буржуазный атеизм является крайне непоследовательным, путаным как в области теории, так и в сфере практики (в особенности в политике). Характерно, что после смерти Бредлоу была создана легенда о его якобы отречении от атеизма на смертном одре; дочери его пришлось выступить с публичным опровержением этой поповской клеветы, распространявшейся буржуазной печатью. В 1938 г. христианские хулиганы демонстративно загрязнили могилу Бредлоу и унесли с нее бронзовый бюст этого безбожника.

все менее и менее интересовался этими вопросами как несущественными и бесплодными и был не очень рад, когда его вынуждали о них высказываться. Например, когда в 1879 г. какой-то немецкий студент спросил письменно у Дарвина, как он относится к главным догматам церкви, то Дарвин даже сам не ответил, а поручил это сделать своему сыну Френсису. Последний писал: «Мой отец... придерживается того мнения, что эволюционная теория совместима с верой в бога, но Вы не должны забывать, что различные люди дают различные определения того, что они подразумевают под богом». Однако студент остался неудовлетворенным этим неясным, неопределенным ответом, и поэтому он вторично обратился к Дарвину с письмом. Дарвин ответил очень неохотно, начав письмо такими словами: «Я очень занят, я старик, здоровье у меня плохое, и я не могу найти времени для того, чтобы ответить целиком на Ваши вопросы; на них вообще нельзя ответить». Далее он там все-таки пишет: «Наука не имеет ничего общего с Христом. Если у нее есть дело до Христа, то разве лишь постольку, поскольку привычка к научным исследованиям приучает человека быть крайне осторожным в признании правильности доказательств. Что касается лично меня, то я не верю, чтобы когда-нибудь имело место какое-либо откровение» (I т. писем). Таким образом, Дарвин довольно ясно, и весьма неохотно, высказался как совершенно неверующий в письме к незнакомому человеку.

Однако Дарвин старался, чтобы такие его высказывания имели «частный характер» и не попали в печать. Поэтому, когда Эботт, редактор научного издания «Индекс», в 1871 г. попросил у Дарвина статью по вопросу об отношении науки к религии, Дарвин решительно отказался пойти ему навстречу. Свой отказ он мотивировал не только скверным состоянием здоровья, но и тем, что не придает серьезного значения своим взглядам по вопросам религии, так как это предмет, далеко выходящий за пределы его компетенции.

«Положа руку на сердце, — писал в ответном письме Дарвин, — могу Вам сказать, что я чувствую себя польщенным Вашим предложением дать статьи для Вашего „Индекса“. Я подписываюсь также целиком под Вашим мнением, что каждый человек обязан предавать широкой гласности то, что по его мнению является истиной, и я должен выразить Вам свое глубокое уважение за то, что Вы это делаете с таким самозабвением и усердием. Но я не могу выполнить Вашего желания по целому ряду причин. Извините меня, пожалуйста, за то, что я привожу ниже все эти причины, так как мне было бы очень неприятно показаться в Ваших глазах неблагодарным. Здоровье мое сильно расшатано: не проходит дня, чтобы я в течение многих часов не чувствовал себя настолько скверно, что не могу ничего делать. Благодаря этому я в настоящем году потерял целых два месяца подряд. Вследствие этой слабости и частых

головокружений я не в состоянии осиливать новые предметы, требующие значительного умственного напряжения, и могу работать только над старыми вещами. Я никогда не был человеком, умевшим мыслить или писать быстро. Все, сделанное мною для науки, является результатом долгого размышления, терпения и усердия. Я никогда вообще не думал много и систематически об отношении религии к науке или об отношении нравственности к обществу, и если я в течение продолжительного времени не буду направлять свои мысли на эти предметы, то я, действительно, не буду в состоянии написать что-либо такое, что обладало бы ценностью для Вашего «Индекса» (I т. писем).

Однако Эботт был настоятелен и просил разрешения опубликовать хотя бы некоторые места из писем Дарвина к нему, но Дарвин и на это не согласился, выдвинув опять прежние аргументы. Он писал Эботту: «Что я писал Вам в своих прежних письмах, я совершенно не помню. Мне приходится писать очень много писем, и только над немногими из них мне удастся потом серьезно подумать; но я твердо убежден в том, что я никогда не написал ни одного слова, которого бы я в момент писания письма действительно не обдумал. Я думаю, что Вы согласитесь со мной в том, что все, предлагаемое публике, должно быть зрело обдуманно и изложено в очень осторожной форме. Мне никогда не приходила в голову мысль, что Вы пожелаете напечатать выдержки из моих писем. Если бы я представлял себе это, то я сохранил бы себе копию писем. Я обыкновенно отмечаю письмо выражением «privatum» (частным образом), так как некоторые мои спешно набросанные замечания были напечатаны, а между тем они совершенно не стоили этого, хотя в общем ничего на них возразить нельзя. Просто смешно думать, что мое прежнее письмо к Вам достойно того, что Вы его вернули мне с указанием тех мест, которые Вы хотите опубликовать. Если же Вы хотите это сделать, то я должен Вам сказать, что против этого я могу кое-что возразить. Я в значительной степени не расположен высказываться публично на религиозные темы, так как мне кажется, что я недостаточно основательно думал над этим вопросом, чтобы выступить со своим мнением перед обществом» (I т. писем).

Полагаю, что сказанного вполне достаточно для того, чтобы признать Дарвина вполне неверующим человеком. Этот гениальный натуралист не только отрицал возможность божественного откровения и опровергал все богословские доказательства существования бога, но и доказывал, что в жизнь мира не вмещивается никакой творец и что никакой мировой плановости или разумной целесообразности («благотворности») в природе не существует. Словом, Дарвин считал, что в существовании какого-либо сверхъестественного, внемирового божества в том виде, как этому учат нас все «высшие» религии (христиан-

ство, иудейство, магометанство), он совершенно не может быть убежден, и поэтому всякий культ, всякое поклонение богу (молитвы, обряды и пр.) абсолютно не имеет никаких логических оснований. Но ведь примерно то же самое говорит нам атеизм, так что, поскольку речь идет о практической стороне вопроса, Дарвин был атеистом. Однако как буржуазный ученый Дарвин не был явным, а тем более воинствующим атеистом; он, намеренно проявляя буржуазную «добропорядочность», никогда открыто не подчеркивал того обстоятельства, что дарвинизм неизбежно приводит к отрицанию бога. К тому же его атеизм был весьма непоследователен и выявлял все недостатки, свойственные буржуазному свободомыслию. Но важно то, что Дарвин своим учением особенно ярко выявил тот факт, что подлинная наука по самой своей сущности атеистична, не имеет никакого дела с идеей бога. Недаром Геккель, также не называвший себя атеистом, подчеркивал, что материалистическое мировоззрение внутренне присуще современному естествознанию. «Широкая публика все еще считает атеизм большим пороком; в таком случае этот порок падает на все современное естествознание», — заметил этот знаменитый дарвинист.

VII. КОРНИ «АГНОСТИЦИЗМА»

Некоторые поповствующие ученые и философы, боясь оказаться в смешном положении, не решаются поддержать легенду о Дарвине — «религиозно настроенном человеке». Все же эти лакеи буржуазии в лице Эйслера, Форлендера и др. уверяют, что безбожники не имеют права ссылаться на Дарвина, так как он якобы не отрицал божественное начало, а лишь сомневался в истинности богословских доказательств. Они утверждают, что мировоззрение Дарвина должно быть названо не атеизмом, а агностицизмом, причем «основание» этого видят в том, что Дарвин не отличался четкостью в высказываниях по вопросам о происхождении вселенной, о «начале всех начал» и т. п.

Дело в том, что Дарвин не решил для себя некоторых важных вопросов общего мировоззрения, непосредственно не связанных с его конкретными естественнонаучными работами. Особенно волновал его вопрос о происхождении вселенной, причем, воздерживаясь от решения этого вопроса в атеистическом духе, т. е. в смысле окончательного отрицания всякого начала вселенной во времени, в смысле признания вечности вселенной, Дарвин в то же время ясно видел, что другое из возможных решений, а именно теологическое, совершенно несостоятельно. Дарвин не мирился с допущением «первопричины, начала во времени» и этим в сущности отверг представление о боге, домировом существе, творце вселенной. Но, решительно отрицая представление о сотворении вселенной, о начале ее во времени, Дарвин встал перед проблемой вечности, т. е. беско-

нечности времени. Однако Дарвин, не занимавшийся изучением сложных философских проблем, не чувствовал себя способным правильно разрешить великую проблему бесконечности, тем более, что это возможно только на почве глубокого знания материалистической диалектики, о которой Дарвин, подобно другим буржуазным ученым того времени, ничего не знал. Поэтому Дарвин в своих письмах неоднократно подчеркивал, что по данному вопросу, как и по вопросам о «предопределении», «свободе воли» и «происхождении зла», в голове у него образовалась «путаница», что он «навек застрял в болоте» и т. п.

Так, Дарвин писал своему родственнику Веджвуду: «Несколько корреспондентов побудили меня в последнее время призадуматься над некоторыми вопросами или, лучше сказать, они побудили меня попытаться призадуматься над ними. В результате у меня в голове образовалась путаница, нечто похожее на результаты размышления о происхождении зла...» (I т. писем). В письме к Грею, касаясь вопроса о преднамеренности в природе, Дарвин как бы шутя отмечает: «Вы говорите, что Вы ходите в тумане. Я же погряз в болоте. Ортодоксальный христианин сказал бы, что я погряз в ужасном зловонном болоте, и все же я не могу распутать вопроса». Возвращаясь к этому вопросу, Дарвин пишет Грею: «К сожалению, я должен сказать, что не могу пойти так же далеко, как Вы, в вопросе о „преднамеренности“. Я сознаю, что совершенно застрял в болоте без всякой надежды выбраться из него. Я не могу допустить, чтобы мир в том виде, в каком он нам представляется, был результатом случайности, и тем не менее я не могу смотреть на каждую отдельную вещь как на результат преднамеренности». В заключение своих рассуждений Дарвин опять повторяет, что он «навсегда застрял в болоте без надежды выбраться из него» (II т. писем).

На эту свою неспособность «распутать» тот или иной серьезный философский вопрос Дарвин очень часто жалуется в своих письмах. В известном нам письме к Грехему он объясняет это тем, что он «неопытен в отвлеченном мышлении».

Заметим, что слабые стороны мировоззрения Дарвина в значительной мере были исторически обусловлены особенностями развития естествознания, социологии и философии в условиях капиталистического общества. Поэтому жалоба Дарвина на свою неспособность «распутать» интересовавший его философский вопрос вследствие своей «неопытности в абстрактном мышлении» весьма характерна. Дело в том, что эта черта свойственна не столько лично Дарвину, сколько всему одностороннему, исключительному, вульгарному эмпиризму, т. е. всей той господствовавшей и господствующей еще и поныне в Англии естественнонаучной школе, которая ведет свое начало от односторонне понимаемой философии Френсиса Бэкона. Эта школа, «чванясь одним лишь опытом» (выражение Энгельса), т. е. воображая себе, будто она оперирует только бесспорными фактами, отно-

сится с суевренным презрением к мышлению, к дедуктивному методу. В результате своей теоретической беззаботности некоторые крупные представители этой школы (Уоллес, Крукс и др.) докатились даже до спиритизма, т. е. до самых крайних степеней фантазерства, легковерия и суеверия. Впрочем, сам Дарвин до этого не дошел и добродушно вышучивал тех, которые верят в «удивительные фокусы», производимые ловкими медиумами.¹

Недаром Энгельс, отстаивая значение теоретического, философского диалектико-материалистического мышления, заметил, что философия мстит за себя задним числом естествознанию за то, что последнее покинуло ее. «Естествоиспытатели воображают, — писал Энгельс в «Диалектике природы», — что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические определения, а эти определения они неосторожно заимствуют либо из ходячего теоретического достояния так называемых образованных людей, над которым господствуют остатки давно прошедших философских систем, либо из крох обязательных университетских курсов по философии (что приводит не только к отрывочности взглядов, но и к мешанине из воззрений людей, принадлежащих к самым различным и по большей части самым скверным школам), либо из некритического и несистематического чтения всякого рода философских произведений, — то в итоге они все-таки оказываются в плену у философии, но, к сожалению, по большей части — самой скверной; и вот люди, особенно усердно бранящие философию, становятся рабами самых скверных вульгаризированных остатков самых скверных философских систем» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XIV, стр. 415).

Что и Дарвин не миновал этой участи, что и он оказался бессознательно движимым плохой философией, видно из того, что в своих известных уже нам автобиографических заметках, показав неосновательность обычных доказательств существования бога, он, в конце концов, говорит: «Более веским источником веры в бога является крайняя трудность или скорее невоз-

¹ Вот как Дарвин описывает свое впечатление от одного спиритического сеанса, на котором он присутствовал: «Мы много смеялись недавно, так как Джордж пригласил медиума, который заставлял скакать стулья, флейту, колокольчик и подсвечник, а также разные огненные точки в столовой брата. При виде этого мы все пришли в страшное удивление, и у нас даже захватило дух. В комнате было темно, но Джордж и Генслий Веджвуд держали все время медиума за руки и следили также за его ногами. Я был так утомлен, что ушел прежде, чем кончились все эти удивительные фокусы. Я совершенно не могу понять, каким образом этот человек мог сделать то, что он сделал. Я потом спустился вниз и осмотрел стулья, флейту и другие предметы, подымавшиеся во время сеанса на воздух. Да смилостивится над нами господь, если нам приходится верить во все эти вещи. На сеансе присутствовал Ф. Гальтон, говоривший, что сеанс был удачен» (III т. писем).

возможность представить себе, чтобы эта необъятная и чудесная вселенная, охватывающая и человека с его способностью заглядывать далеко назад в прошлое и столь же далеко в будущее, была результатом слепого случая или необходимости. Раздумывая по этому вопросу, я начинаю чувствовать потребность в отыскании какой-нибудь первопричины, я начинаю думать о некоем разуме, который аналогичен, до известной степени, разуму человека. И тогда я заслуживаю названия деиста. Это умозаключение особенно сильно напрашивалось мне, насколько я помню, в то время, когда я писал свое „Происхождение видов”. Но как раз после этого оно постепенно и после многих колебаний становилось все слабее» (I т. писем).

Слово «деизм» Дарвин употребляет здесь в обычном смысле, а не в смысле «теизма», подчеркивая этим, что, решительно отрицая всякий «божий промысел», он некоторое время склонялся к допущению домирового существа, являющегося лишь творцом, первопричиной мира. Мы отмечаем это в виду того, что смешение понятий «теизма» и «деизма» делается очень часто, в особенности лицами, мало разбирающимися в деталях различных богословских и философских течений. Но как бы то ни было, в связи с приведенным заявлением Дарвина очень характерно следующее место из его письма к «Голландскому студенту», которое как бы резюмирует взгляды Дарвина по этому вопросу: «Тот факт, что нельзя себе представить возникновения этой красивой и дивной вселенной с населяющими ее сознательными существами как результат простой случайности, — этот факт является для меня главным доказательством в пользу допущения существования бога; но я никогда не был в состоянии решить вопрос, является ли это действительно ценным доказательством. Я знаю прекрасно, что если мы допустим существование первопричины, то наш дух на этом не успокоится, а начнет задумываться над тем, откуда эта причина взялась и как она возникла. При этом я не могу также не обратить внимания на наличность безмерного количества страдания во всем мире. Я вынужден также преклониться, до известной степени, перед суждением целого ряда выдающихся людей, веривших в бога, но при этом я прекрасно понимаю, какое это слабое доказательство» (I т. писем).

Указание на это обстоятельство не случайно, так как вообще ссылки на авторитеты никогда не удовлетворяли Дарвина. Поэтому, высказывая Грехему свои соображения по поводу его книги «Вера науки», Дарвин, между прочим, заметил: «Думаю, что можно кое-что возразить против того громадного значения, какое Вы приписываете нашим великим людям. Я привык приписывать большое значение (по крайней мере постольку, поскольку дело идет о науке) ученым второй, третьей и четвертой величины». Недаром Дарвин считал, что будущее его эволюционного учения зависит не от тогдашних авторитетов, а от подра-

стающих рядовых научных работников. В своем письме к Гексли от 2 декабря 1860 г. он писал: «Я довольно ясно вижу, что если суждено моим взглядам когда-нибудь сделаться общепринятыми, то случится это, когда подрастут молодые люди и заменят старых работников, когда молодые люди найдут, что они могут группировать факты и находить новые пути исследований, лучше руководясь понятием о естественном происхождении, чем понятием о творении» (Дарвин Ч. Собрание сочинений, т. VIII, изд. Лепковского, стр. 62).

Итак, признавая совершенно несостоятельным допущение существования бога, творца вселенной, Дарвин объявляет себя не атеистом, а агностиком. Так, в письме к Дж. Фордайсу Дарвин писал: «Что касается моих собственных воззрений, то это — вопрос, не имеющий ни для кого, кроме меня, какого-либо значения, но так как Вы меня об этом спрашиваете, то я должен Вам сказать, что я часто колеблюсь в своем мнении... В самые крайние моменты колебаний я никогда не был атеистом в том смысле, чтобы отрицать существование бога. В общем, хотя и не всегда, мне кажется (и чем старше становлюсь, тем чаще мне это кажется), что слово „агностик” правильнее всего выражало бы мое душевное состояние» (1 т. писем). А в своих автобиографических записках, характерных своей подкупающей искренностью, он заканчивает свои высказывания по этому поводу следующим образом: «Но можно ли полагаться на ум человека, который, как я полностью убежден, развился из такого низкого ума, как у низших животных? Можно ли положиться на разум человека, когда он делает столь ответственные заключения? Я не осмеливаюсь пролить хоть малейший свет на такие темные проблемы. Таинственный вопрос о начале всех начал для нас неразрешим, и я, со своей стороны, должен удовлетвориться скромным уделом агностика» (1 т. писем).

Это свое «последнее слово» Дарвин повторяет неоднократно в своей переписке. Например, он пишет Грехему: «Вы выразили мое внутреннее убеждение в том, что вселенная не представляет собой результата случайности. Но тут в моей голове возникает постоянно ужасное сомнение, можно ли приписывать какую-либо ценность или вообще полагаться на убеждения, возникающие в уме человека, развившемся из ума низших животных? Стал ли бы кто-нибудь полагаться на убеждения, возникающие в уме обезьяны, если бы в ней имелись налицо убеждения?» То же Дарвин писал Грею («Я прекрасно чувствую, что этот предмет слишком глубок для человеческого ума; с таким же успехом собака могла бы судить о духе Ньютона»), «Голландскому студенту» («Как мне кажется, единственно верным заключением, к которому мы можем притти, является то, что вся эта тема лежит вне пределов человеческой способности понимания») и др. Словом, сознавая себя бессильным разрешить вопрос о конечности или вечности вселенной во времени, у Дар-

вина появилось сомнение в том, может ли вообще эта философская проблема быть разрешена человеческим умом.

Интересно сопоставить с этим следующее место из «Происхождения человека», где Дарвин рассуждает не столько как колеблющийся философ, а как убежденный ученый: «Часто настойчиво утверждали, что происхождение человека никогда не будет известно. Всегда те, которые мало знают, громко утверждают, что тот или иной вопрос никогда не будет разрешен наукой». Как ученый натуралист Дарвин никогда не ставил человеческому познанию принципиальных границ, уверенный в том, что процесс познания безостановочен, беспределен. Недаром под его статуей в Оксфордском университете значится девиз: «Мы не знаем, так будем же работать». Поэтому кажется странным, что Дарвин, сомневаясь в способности человеческого ума решить вопрос о «первопричине», все же вполне полагался на человеческий ум при решении проблемы происхождения человека. Но все это вызвано было только тем, что материализм Дарвина был «стихийный» и поэтому весьма непоследовательный: Дарвин-философ нередко противоречит Дарвину-натуралисту и далеко не в пользу философа...

Однако это — черта, характерная не только для Дарвина, но и вообще для буржуазных ученых и мыслителей. Даже упомянутый пропагандист атеизма Бредлоу не был последователен в своей защите материалистического мировоззрения, так как не был чужд некоторым элементам английского агностицизма, о котором речь ниже. Так, любимым изречением Бредлоу было положение: «Я не отрицаю, что есть „бог“, потому что отрицать то, что неизвестно, так же нелепо, как и утверждать его. Как атеист я отрицаю бога Библии, Корана, Вед, но я не могу отрицать того, что я не знаю». Но так как Бредлоу отрицал всякого бога, о котором ему говорили, и вместе с этим решительно отвергал всякое представление о сверхъестественном, то его, конечно, можно считать атеистом (разумеется, буржуазным и поэтому недостаточно последовательным). Бредлоу доказывал, что «все приводит нас к глубокому убеждению, что природа — в се, что ни выше, ни ниже ее и на ряду с нею нет ничего», что «материя существовала задолго до духа», и т. д. Следовательно, Бредлоу стоял на точке зрения материального единства всего мира, как этому и учит философский материализм. И все-таки Бредлоу не хотел, чтобы это убеждение «клеями названием материализма», а в атеизме он усматривал «только отрицательное», причем свое «утверждение единого бытия, не заключающее в себе никакой возможности бога», он называл «естественной религией», доказывая этим свою буржуазную ограниченность.

Что же касается Дарвина, то его мировоззрение весьма заметно приближалось к мировоззрению Бредлоу. Великий натуралист, не занимавшийся философией, не разрешил для себя вопроса

о «начале всех начал» и поэтому колебался между деизмом и атеизмом,¹ хотя по существу его мировоззрение было атеистическое, так как оно отвергало веру в сверхъестественное. В связи с этим тактика Дарвина сводилась к тому, чтобы, подобно атеистам, признать совершенно неосновательным, не выдерживающим критики разума всякое убеждение в существовании заботливого провидения, какого-то всемогущего существа и в то же время на этом основании не отрицать возможности существования, в духе деизма, бога как первопричины мира, не спорить с теми, кто думает: «А вдруг там все же что-то есть».

В общем Дарвин твердо стоял на почве опыта и «фактических доказательств» и поэтому относился к религии примерно так, как относились к ней старые английские социаллисты, о которых рассказывал Энгельс в письмах из Лондона «Швейцарскому республиканцу». «У них, — писал он, — очень хорошая манера рассуждать, — они исходят во всем из опыта и из доказуемых или наглядных фактов и подвергают все такому основательному разбору, что с ними очень трудно бороться на выбранном ими поле. Если же попытаться перейти в другую область, то они смеются человеку в лицо; я говорю, например: существование бога для человека не зависит от фактических доказательств, а они отвечают: „Ваше положение смехотворно: если он не проявляет себя фактами, нам нечего о нем беспокоиться; из Вашего положения следует как раз то, что существование или несуществование бога может быть для людей безразлично. А так как у нас тысячи разных других забот, то мы оставляем Вам господа бога в заоблачных сферах, где он может быть существует,

¹ Это колебание наиболее ясно выразилось в письме Дарвина к Грею от 22 мая 1860 г., где он подчеркивает, что не видит во всем нас окружающем никаких признаков плана и благоволения и что поэтому не считает необходимым верить в то, будто наш глаз является результатом преднамеренности, т. е. был создан умышленно. Все же Дарвин там говорит: «С другой стороны, глядя на всю нашу дивную вселенную и в особенности на человеческую природу, я не могу чувствовать себя внутренне удовлетворенным мыслью о том, что все это результат грубой силы. Я склонен рассматривать все как результат умышленных законов, причем частные, детальные явления, будь они хороши или плохи, представляют собой продукт того, что мы называем случаем. Но это не значит, что это понятие сколько-нибудь удовлетворяет меня... Ребенок (который, может быть, впоследствии окажется идиотом) родился в силу даже еще более сложных законов, и я не вижу причины, почему человек или какое-нибудь другое животное не могло быть первоначально произведением других законов и что все эти законы заранее предопределены всеведущим творцом, который предвидел каждое будущее событие и его последствия. Но чем больше я над этим задумываюсь, тем более путаюсь в мыслях, что, по всей вероятности, достаточно показал настоящим письмом» (II т. писем). Но, как видно из приведенного здесь материала, Дарвин, в конце концов, отказался от такого умозаключения, окончательно придя к мысли, что в мире нет никаких следов цели, преднамеренности, предопределения и пр. Отсюда, конечно, вытекало, что не может быть речи о «закономерностях», нарочно придуманных каким-то премудрым творцом вселенной.

а может быть и не существует. Что нам неизвестно из фактов, то нас несколько не интересует; мы держимся на почве „доподлинных фактов”, где не может быть речи о таких фантастических вещах, как бог и религия”» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. II, стр. 286—287). Однако Дарвин в отличие от этих социалистов, как сын своего класса и как несведущий в вопросах атеизма не считал нужным выдвигать свой атеизм напоказ, боясь этим повредить и своему учению, и своей личности.

Необходимо все-таки отметить, что в частной беседе Дарвин отказывался иногда от этой «двойной бухгалтерии» и, хотя и в не вполне решительной форме, делал атеистические выводы, осмеливался рассуждать в общем как безбожник. Об этом нам довольно подробно сообщает Эвелинг, который имел с Дарвином интересную беседу на религиозные темы.

Эвелинг рассказывает, что когда он вместе с материалистом Бюхнером, открыто и смело распространявшим в своих многочисленных популярных (хотя и поверхностных) книжках идеи атеизма, зашли к Дарвину, то у них не было никакого намерения направить разговор со стариком на религиозную тему. Однако не успели они оказаться в рабочей комнате Дарвина, как услышали от него вопрос: «Почему вы называете себя атеистами?» И когда они изложили ему свои доводы, стало ясно, что он до сих пор придерживался распространенного «в обществе» ошибочного толкования значения слова «атеист». Эвелинг и Бюхнер вкратце изложили перед ним основные идеи атеизма. Они сказали Дарвину, что они потому атеисты, что не существует никаких доказательств существования бога, что изобретение названия или имени несколько не объясняет явлений, что сумма человеческих знаний ограничена естественным и что к помощи сверхъестественного прибегают лишь тогда и там, когда и где кончается знание. Наконец они ему указали, что так как существование бога совершенно не доказано, то они без бога, и, следовательно, все их надежды на этот мир, и только на этот мир. Можно было легко заметить, что во время изложения этих взглядов в Дарвине сразу произошла перемена. И действительно, он пункт за пунктом соглашался с этими доводами, принимал одно атеистическое положение Эвелинга и Бюхнера за другим. А в заключение Дарвин сказал своим гостям: «Я думаю точно так же, как и вы, только слову „атеист“ я предпочел бы название „агностик”». По этому поводу ему заметили, что вообще «агностик» — это лишь салонный атеист, а атеист — это лишь агрессивный агностик. «Сказать, что мы не знаем, существует ли бог, ведь это буквально равнозначает утверждению, что у нас отсутствует представление о боге, и, принимая это менее определенное и менее компрометирующее название, мы бросаем кость церберу—обществу». Дарвин засмеялся и спросил: «Почему же вы так агрессивны? Разве мы вы-

игриваем что-нибудь от попытки привить эти новые идеи массам? Все это очень хорошо для воспитанных, образованных, мыслящих людей, но разве массы уже созрели для этого?»

Таким образом, Дарвин чувствовал, что его мировоззрение насквозь безобразно, но в то же время для него было ясно, что атеизм — революционная, опасная для господ идея, что она включает в себе элемент «агрессивности», воинственности, и это обстоятельство его смущало. Классовое чувство ему подсказывало, что не следует спешить с попытками «привить» идеи атеизма малообразованным народным массам, что от этого «воспитанные люди» только «проиграют». Поэтому Дарвин не только не выступал против религиозного мировоззрения, но и считал более удобным называть себя агностиком.¹ В связи с этим он по обыкновению в своих письмах заканчивал изложение своих, в сущности противорелигиозных, мыслей такими обывательскими, типичными для буржуазной идеологии словами: «Но это не мешает человеку исполнять свой долг» (письмо к «Голландскому студенту»). «Пусть всякий человек надеется, на что может, и верит в то, во что хочет» (письмо к Грею), и т. п.

¹ Отчасти подобным же образом поступал Геккель, который в отличие от Дарвина весьма интересовался коренными проблемами научно-философского мировоззрения. По своему мировоззрению он был материалистом, так как признавал материальное единство мира и поэтому решительно отвергал самые основы религиозного мировоззрения — предствление о личном боге, о сотворении мира из ничего и т. д. Но он не сумел порвать с господствующими филистерскими предрассудками против материализма и атеизма и вследствие этого на словах отрещивался от материализма и не хотел, чтобы его считали атеистом. Геккель называл свое философское мировоззрение «монизмом» и при этом даже доказывал, что его «монизм» есть своего рода «мост между наукой и религией». Но, смешав монизм с материализмом, Геккель все же объективно защищал материализм и все свои удары направил против безграничного лицемерия и идейного убожества идеализма и обычной поповщины. При этом важно также то, что, когда ему указывали на незначительность числа видных натуралистов, примкнувших к противоиdealистическому мировоззрению, он не стеснялся вскрывать истинные причины этого явления. В «Послесловии» к своей знаменитой книге «Мировые загадки» Геккель пишет: «Во-первых, многие мыслящие естествоиспытатели вообще не испытывают никакого желания сообщать другим свои сокровенные убеждения, — против этого нельзя ничего возразить; во-вторых, многие выдающиеся ученые, в том числе некоторые мои ближайшие друзья, того мнения, что эти высочайшие результаты науки надо сохранять про себя, не давать их „народу“, так как он может злоупотребить ими. Я не могу согласиться с этим мнением... Наконец, в-третьих (самое важное!), большинство монистов вынуждено из-за внешних соображений отказываться от своего настоящего мирозерцания и изменять ему в практической жизни. В целом ряде государств все усиливается реакция в области духовной культуры: министерства просвещения находятся во власти ортодоксального духовенства; учителя, пытающиеся ввести в школу теорию развития, немилосердно лишаются мест. Кто станет требовать от этих бедных и честных людей, чтобы они открыто выступали со своим мирозерцанием и пожертвовали ему всей своей карьерой? Какая польза была бы от этой жертвы? Можно возмущаться этим моральным гнетом, тяготеющим на многих тысячах наших культуртрегеров и оказывающим крайне деморализующее влияние, но изменить это пока не в наших силах».

Следовательно, будучи совершенно неверующим человеком, Дарвин все же по соображениям такта «предоставлял каждому спастись на свой лад...»

Что же, однако, представляет собой тот агностицизм, при-
верженцем которого считал себя Дарвин? В чем сокровенный
смысл этого философского учения?

Как известно, слово «агностицизм» введено в науку в 1859 г. Гексли, который этим обозначил «философию незнания», утверждающую, что хотя в мире нет никаких чудес, никаких сверх-
природных божественных влияний, хотя там все закономерно, все естественно, обусловлено материальными причинами, но мы не можем ни утверждать, ни отрицать существование бога: этого вопроса мы, мол, никогда не разрешим! Идеалисты, конечно, очень довольны тем, что Дарвин кончил такого рода доктриной, причем некоторые из них указывают, что он пришел к тому же самому философскому результату, как и Кант в своей «Критике способности суждения». Но это не так: хотя всякий агностицизм есть колебание между материализмом и идеализмом, т. е. между подлинной наукой и поповщиной, все же следует различать несколько разновидностей агностицизма. Если кантовский агностицизм приводит лишь к беспомощному, противоречивому эклектизму и является в сущности «стыдливым идеализмом», то «агностицизм» Дарвина, наоборот, является «стыдливым материализмом», т. е. излишним, иррациональным привеском к его по существу материалистическому мировоззрению, — он прикрывает дипломатическое нежелание открыто порвать с религией.

Вот что пишет об «агностицизме» естествоиспытателей Энгельс в предисловии к английскому изданию «От утопии к науке»: «Действительно, что такое агностицизм, как не стыдливо прикрытый материализм? Взгляд агностика на природу насквозь материалистичен. Весь мир, вся природа управляется законами и абсолютно исключает всякое воздействие извне. Но, продолжает осторожно агностик, мы не в состоянии доказать существование или несуществование какого-либо высшего существа вне известного нам мира. Эта оговорка имела ценность в те времена, когда Лаплас на вопрос Наполеона, почему в „*Mécanique céleste*” [„Небесная механика”] этого великого астронома ни разу не упоминается имя творца мира, дал гордый ответ: „*Je n'avais pas besoin de cette hypothèse*” [Я не имею надобности в этой гипотезе]. В настоящее же время наше представление о вселенной в ее развитии совершенно не оставляет места ни для творца, ни для вседержителя. Если же признать бытие какого-то высшего существа, исключенного из всего существующего мира, то это само по себе было бы противоречием и, кроме того, как мне кажется, было бы незаслуженным оскорблением религиозного чувства иных людей» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 292).

Энгельс обращает также внимание на то, что какие бы формальные оговорки агностик ни сделал, он действует совсем как законченный материалист, каковым он в сущности и является. «Агностик, — говорит Энгельс, — может быть, скажет: поскольку нам известно, материя и движение, или, как теперь говорят, энергия, не могут быть ни созданы, ни уничтожены, но мы не имеем никакого доказательства того, что и то и другое не было в какое-то неизвестное нам время сотворено. Но если вы попытаетесь как-нибудь использовать против него в каком-нибудь данном случае это признание, то он моментально спроваживает вас и приказывает молчать. Если он допускает возможность спиритуализма *in abstracto* [абстрактно], то *in concreto* [конкретно] он и знать не желает об этой возможности. Он вам скажет: насколько мы знаем и можем знать, не существует никакого творца или вседержителя вселенной; поскольку имеет значение наше „я“, материя и энергия так же не могут быть созданы, как и уничтожены; все, что мы знаем, сводится к тому, что материальный мир управляется неизменными законами и т. д., и т. п. Таким образом, поскольку он человек наук, поскольку он что-либо знает, постольку он материалист; вне же своей науки, в тех областях, которые ему чужды, он переводит свое незнание на греческий язык и называет его агностицизмом» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 294).

Что это так, видно, между прочим, на примере самого изобретателя слова «агностицизм» — Гексли, философские взгляды которого, несомненно, оказали значительное влияние на Дарвина. Этот знаменитый биолог-дарвинист на словах (в области философии) выступал против материализма, уверяя, что как разговоры о природе бога, так и доказательства того, что бога нет, одинаково бессмысленны, ибо, мол, правы агностики, учащие, что существуют вопросы, «безнадежно выходящие из пределов человеческих способностей». Ленин назвал взгляд Гексли «фиговым листком материализма», ибо этот ученый, не хотевший прослыть материалистом, все же признавал, что только материалистическая точка зрения плодотворна в естествознании, тогда как идеалистическая — бессодержательна. «Пока мы действительно наблюдаем и рассуждаем, мы не можем выйти за пределы материализма», — так заявил он в одной своей речи. Поэтому английский спиритуалист Уорд, разоблачая материалистическую сущность агностицизма Гексли, вполне резонно замечает: «Несмотря на то, что Гексли чрезвычайно горячо отвергает кличку материалиста, как позорную для его незапятнанного агностицизма, я не знаю другого писателя, более заслуживающего такой клички».

Мы привели здесь достаточно материала, позволяющего судить о сравнительно мало известной интимной стороне мировоззрения Дарвина. Нетрудно заметить, что энгельсовская харак-

теристика английского агностицизма прекрасно совпадает с теми выводами, которые сами собой напрашиваются из этого материала. Во всяком случае одно ясно: «агностицизм» Дарвина есть лишь стыдливый атеизм, салонный материализм, скрывающий от «несозревших для науки масс» свой «агрессивный», революционный характер. Правда, Френсис Дарвин, сын творца дарвинизма, стараясь провести демаркационную, резко разграничительную линию между дарвиновским «агностицизмом» и обычным атеизмом, выступил с некоторыми «сенатскими разъяснениями» по поводу вышеупомянутого заявления Эвелинга. Сын Дарвина после смерти своего отца в I томе книги «Жизнь и письма Чарльза Дарвина» писал: «Доктор Эвелинг выпустил в свет изложение одного своего разговора с моим отцом (Эвелинг. Религиозные взгляды Чарльза Дарвина, 1883).¹ Читатели этой брошюры могут подумать, что между взглядами моего отца и Эвелинга имеется большое сходство, а между тем это не так. Я утверждаю это, несмотря на мое убеждение в том, что доктор Эвелинг передал вполне правильно вынесенное им впечатление о воззрениях моего отца. Доктор Эвелинг пытался показать, что выражения «агностик» и «атеист» в действительности совпадают. По его мнению, атеистом является такой человек, который, не отрицая существования бога, живет без бога постольку, поскольку он не уверен в существовании божества. В своем разговоре мой отец высказался в том смысле, что он предпочитает неагрессивную позицию агностика. Доктор Эвелинг находит, что отсутствие агрессивных тенденций в воззрениях моего отца делает их отличными от его собственных воззрений лишь в незначительной степени, а по моему мнению, различие этого рода безусловно проводит резкую грань между моим отцом и тем классом мыслителей, к которому принадлежит доктор Эвелинг».

Какова же «мораль» заявления Френсиса Дарвина? Он не говорит, что Эвелинг неправильно передал разговор с отцом, — напротив, он подчеркивает, что этот разговор передан «вполне правильно», но он старается по-своему истолковать этот разговор, дабы не «осрамить» память об отце в «добропорядочном обществе», где, как уже сказано, всякий откровенный атеист считается чуть ли не «последним человеком», недостойным членом «образованного» (т. е. буржуазного) «общества». Однако слишком очевидно, что комментарии Френсиса Дарвина лишь подтверждают то, что Дарвин был в сущности атеистом, что в его мировоззрении нет места вере в сверхъестественное, а его «агностицизм» был «условной ложью» перед лицемерным общественным мнением своей «респектабельной» буржуазии, причем вообще английский агностицизм является не чем иным, как «стыдливо прикрытым материализмом», т. е. вежливой формой

¹ Aveling. The religions views of Charles Darwin, 1883.

безбожия, — атеизмом для буржуазии, для салона, а не для улицы, не для широких народных масс.

Френсис Дарвин, в известной мере представил мировоззрение своего покойного отца в превратном свете, когда отрицал атеистический характер этого мировоззрения. Он особенно подчеркивал тот «факт», что его отец в опубликованных произведениях замалчивал религиозный вопрос, а то, что он оставил на эту тему, написал не с целью публикации. Но он скрыл от читателей, что этот «факт» вызван был, между прочим, весьма важным «внешним» обстоятельством — тем, что Дарвин, этот гигант мысли, хорошо знал, что столь прославленная «свобода мысли» есть лишь красивое слово, пустой звук. Во всяком случае «разъяснения» Френсиса Дарвина подготовили почву для философа-реакционера Штельцле, который в своем сочинении «Дарвин и вера в бога» (1922 г.) утверждает, будто Чарльз Дарвин до конца жизни колебался между чувством и разумом, между верой и сомнением. Этот защитник религии даже уверяет, что эти сомнения поистине драматичны, так как они якобы не давали покоя гениальному натуралисту. Больше того, Штельцле заявляет, что дарвиновский «агностицизм» является блестящей иллюстрацией к словам святого Августина: «Сердце мое беспокойно, пока не почиет в тебе!» На самом же деле все это неверно, ибо корни дарвиновского «агностицизма» лежали не в научно-философской области, а выросли из определенной социальной, классовой почвы.

Это особенно ясно видно из цитированного уже нами весьма характерного письма Дарвина к Марксу от 13 октября 1880 г., которое, между прочим, прекрасно подтверждает и дополняет рассказ Эвелинга. Это замечательно искреннее письмо показывает, что Дарвин был по существу атеистом, что его «агностицизм» был порожден главным образом нежеланием «причинить боль» своим близким и что это нежелание проистекало оттого, что он не мог решительно порвать с буржуазным обществом, с тенденциями своего класса и сделать все мировоззренческие выводы из своего учения. Признание Дарвина позволяет думать, что свою непоследовательность по отношению к религии (осторожность, недоговаривание и т. п.) Дарвин переживал не без душевной боли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы здесь разобрали не столько то, что является характерным, специфичным для Дарвина, т. е. не столько то, чем силен этот исследователь природы (его великим теоретическим новаторством), сколько то, чем он слаб (его буржуазной ограниченностью). Но необходимо иметь в виду, что мировоззрение Дарвина развилось закономерно и явилось продуктом буржуазного естествознания. Последнее же несвободно от ряда недостатков,

ибо вследствие своей буржуазной сущности оно неспособно окончательно встать на подлинно научную точку зрения, которую дает нам диалектический материализм. На примере Дарвина мы особенно ясно видим, что для построения целостного и последовательного научно-философского мировоззрения, т. е. для полного разрыва науки с религией, для окончательного триумфа атеизма, необходимо полностью порвать с рутинной буржуазной идеологией, подвергнуть диалектико-материалистическому анализу завоевания наук о природе, естественнонаучные теории и т. д. Вместе с тем на примере Дарвина видно, что Геккель был вполне прав, когда говорил, что чисто «внешние соображения» нередко вынуждают ученых воздерживаться от критики основ религиозного мировоззрения, от изложения своих искренних взглядов по вопросам веры.

Но как бы то ни было, для подлинной науки важно не то, отрицал или не отрицал Дарвин в той или иной форме идею бога-творца, а то, что в своей исследовательской работе, на всех конкретных участках разрабатываемой им науки, Дарвин безоговорочно порвал с религией и тем наиболее четко выявил, пользуясь выражением Ленина, «неискоренимость естественно-исторического материализма». Важно то, что его учение, открытый им закон развития живой природы, как он это сам ясно сознавал, разрушает окончательно религиозные представления о происхождении человека и живых существ, убедительно показывая нам, что человек не создан богом «по своему образу и подобию», а вследствие определенных естественных причин постепенно выделился из мира животных.

Пример Дарвина с особой яркостью подтверждает то положение, что даже крупнейшие ученые, принадлежащие к классу буржуазии, родившиеся и воспитанные в среде этого класса, невольно отражают в своих воззрениях все предрассудки этой среды. Он говорит нам о том, что человек, стоящий обеими ногами на почве капиталистического строя, проникнут определенной классово-психологией, и эта психология накладывает свою печать на все научно-философское мировоззрение данного человека, придает этому мировоззрению «буржуазный цвет». Такой человек невольно следит за тем, чтобы выводы его науки не пришли в резкое столкновение, в противоречие с установившимися традициями его класса и тем не дали теоретического оружия врагам этого класса — пролетариату. А ведь даже такой далекий от политики человек, как Дарвин, чувствовал, что таким именно противобуржуазным, пролетарским оружием является атеизм, который логически приводит к идее социалистической революции.¹

¹ Противник коммунизма, религиозно настроенный Достоевский был прав, когда устами одного из своих персонажей он говорил в «Братьях Карамазовых», что «социализм есть не только рабочий вопрос, но по преимуществу есть атеистический вопрос, вопрос современного воплощения атеиз-

Итак, на примере Дарвина мы убеждаемся в том, что даже честнейший современный буржуазный ученый, окончательно не порвавший со своим классом, полностью не освободившийся от пережитков буржуазного сознания, не может целиком стать на точку зрения атеизма, несмотря на то, что его научные исследования объективно не оставляют никакого места для представления о сверхъестественном. Вот почему Ленин говорит: «Без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естествоиспытатель должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то-есть должен быть диалектическим материалистом» (Ленин В. Сочинения, т. XXVII, стр. 187).

В капиталистическом обществе нередко даже самые честные из ученых объективно выступают приказчиками господствующего класса, и недаром многие буржуазные ученые были названы Дицгеном «дипломированными лакеями» буржуазии. Неудивительно также, что философия последовательного материализма, как и вытекающие из нее идеи атеизма, не пользующиеся «расположением» в буржуазном мире, очень плохо известна буржуазным ученым: не знать ее, не тратить времени на ее изучение считалось даже чуть ли не признаком «хорошего тона». В результате большинство ученых, даже очень крупных, понятия не имеют о том, что такое современный (марксистский, или диалектический) материализм или атеизм, и их выступления против этих учений, их защита религии, идеализма и т. п. всегда имеют лженаучный характер. Поэтому Плеханов в своей работе «Чернышевский» писал: «Когда же натуралисты перестанут говорить метафизический вздор? Очевидно только тогда, когда изменятся те общественные отношения, под влиянием которых „образованные классы“ боятся материализма как философской истины, совершенно несовместимой с их общественными интересами» (Плеханов Г. Сочинения, т. V, стр. 237).

Таким образом, мы убеждаемся в том, что нельзя смешивать между собой настроения ученых с объективными выводами науки. Наука по самой своей сущности атеистична, ибо истинный исследователь природы «стихийно», вопреки даже своей воле, поскольку он правильно объяснил какое-нибудь явление, «изгоняет» бога из мира, поступает как атеист.¹ Вот почему суще-

ма, вопрос вавилонской башни, строящейся именно без бога, не для достижения небес с земли, а для завоевания небес на земле.

¹ Это особенно хорошо выразил известный физик Дж. Тиндаль, который считал себя агностиком и поэтому избегал заявлений о несуществовании бога. В заключительной части своей лекции о материи и энергии, прочитанной для рабочих, он говорит, что вопрос о происхождении материи и энергии остается без ответа и наука не ищет ответа. Все же он при этом

стует некоторая разница между объективным смыслом и содержанием учения Дарвина и субъективным пониманием Дарвином некоторых научно-философских проблем. Есть известная разница между тем, что Дарвин сделал как исследователь, и тем, что он сказал как сын своего класса. Пользуясь библейским выражением, можно сказать, что руки его — почти всегда «руки Исава» (материалиста), а голос — иногда «голос Якова» (нематериалиста). Но для науки важны не столько «голос», слова, сколько «руки», дело. Недостаточная последовательность Дарвина, его субъективные колебания по отношению к строго антирелигиозному философскому мировоззрению являются в сущности чем-то совершенно второстепенным и малозначащим по сравнению с тем, что он сделал в науке. В историю человеческой мысли Дарвин вошел как один из тех, кто больше всего сделал для утверждения естественнонаучных основ материализма, а тем самым и атеизма. А для того, чтобы навсегда исчез разрыв между «делом» и «словом» у натуралистов, необходимо, чтобы окончательно были уничтожены классы, ибо связь между естествознанием и поповщиной является следствием связи между наукой и капиталом.

Принадлежа к лучшим, наиболее честным представителям буржуазной интеллигенции, Дарвин думал, что накопление знаний автоматически преодолевает религию, что «прогресс науки» неуклонно сам собой ведет к «просвещению умов».

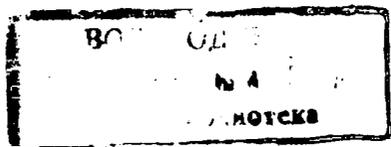
Дарвин, видя воинственный характер атеизма, не шел по пути Вольтера, заявившего, что «если бы бога не было, его нужно было бы выдумать». Если Вольтер, боясь просвещения народных масс, хотел навсегда сохранить религию для народа, то

невольно подчеркивает: «Между лицами, почтившими меня своим присутствием, может быть, есть такие, которые отказываются допустить эти выводы (о постоянстве общего количества материи и энергии), в которых они с ужасом усматривают тенденцию на то, что зовут материализмом. Но необходимо понять, что физик должен в самом деле быть материалистом. Он старается открыть необходимое, а не самопроизвольное действие, преобразование силы (энергии) и материи, а никак не создание их». Развитию этой мысли Тиндаль посвятил свою большую речь, прочитанную в 1874 г. на съезде Британской ассоциации поощрения наук, оговаривая, однако, при этом, что его взгляды представляют якобы «такой материализм, который весьма отличается от того, о котором у нас составилось понятие». В связи с этой оговоркой необходимо вспомнить следующее замечание Энгельса, сделанное им в «Людвиге Фейербахе» по поводу укоренившегося у филистеров (под влиянием многовековой поповской проповеди) предрассудка против понятия «материализма»: «Под материализмом филистер понимает обжорство, пьянство, тщеславие и плотские наслаждения, жадность и скудость, стремление к наживе и биржевые плутни, короче — все те грязные пороки, которым он сам предается втайне. Идеализм же означает у него веру в добродетель, любовь ко всему человечеству и вообще «лучший мир», о котором он кричит перед другими и в который сам начинает верить лишь тогда, когда у него голова болит с похмелья или когда он обанкротился, словом, когда ему приходится переживать неприятные последствия „материалистических“ излишеств» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. XIV, стр. 654).

Дарвин ждал, пока массы созреют для атеизма под влиянием народного просвещения, т. е. Вольтер сознательно лицемерил, а Дарвин наивно ошибался, не понимая, что капитализм всячески мешает «просвещению умов» широких масс. Дарвин не знал, что сохранение религии обусловлено чисто общественными классовыми причинами — тяжелыми условиями жизни народных масс и стремлением эксплуатирующих классов сохранить религию как «опиум народа». Поэтому религия сохранилась в таких странах и общественных кругах, где наука достигла огромнейших успехов, т. е. одна только наука оказалась неспособной нанести религиозному мировоззрению окончательный удар. Во всяком случае невозможно пройти мимо того факта, что в условиях капиталистического общества «прогресс науки» не явился помехой к воскресению самых худших форм средневекового мракобесия (расовая теория и т. п.).

Дарвин не знал о партийном характере всякой науки, в том числе и естествознания, в классовом обществе. Поэтому он думал, что «прямые доводы» против религии излишни, что одно лишь развитие науки может привести к постепенному освобождению умов от религиозных фантазий. Но на примере учения Дарвина, которое подвергается преследованиям в ряде стран, кичащихся своим «просвещением», «культурой» и т. п., особенно ясно бросается в глаза партийный, классовый характер всякой науки. Успехи же дарвинизма в СССР убедили даже некоторых честно мыслящих ученых буржуазных стран в том, что только победоносная социалистическая революция, о которой говорил Маркс, создает условия для свободного развития науки и для подлинного «просвещения умов». В связи с этим невольно вспоминаются пророческие слова Дарвина в письме к Марксу от 1 октября 1873 г. о том, что знания, которые разрабатывают они оба, будут «в конце концов способствовать счастью человечества».

Непоследовательность Дарвина в его отношении к атеизму, его буржуазная «добропорядочность» — это социально наносная, несущественная черта, которая не преуменьшает роли дарвинизма в борьбе с религией. Но надо иметь в виду, что окончательный удар религии идейно нанесен только диалектическим материализмом, а идейно и практически (в нашей стране) — Великой Октябрьской социалистической революцией и Великой Сталинской социалистической стройкой.

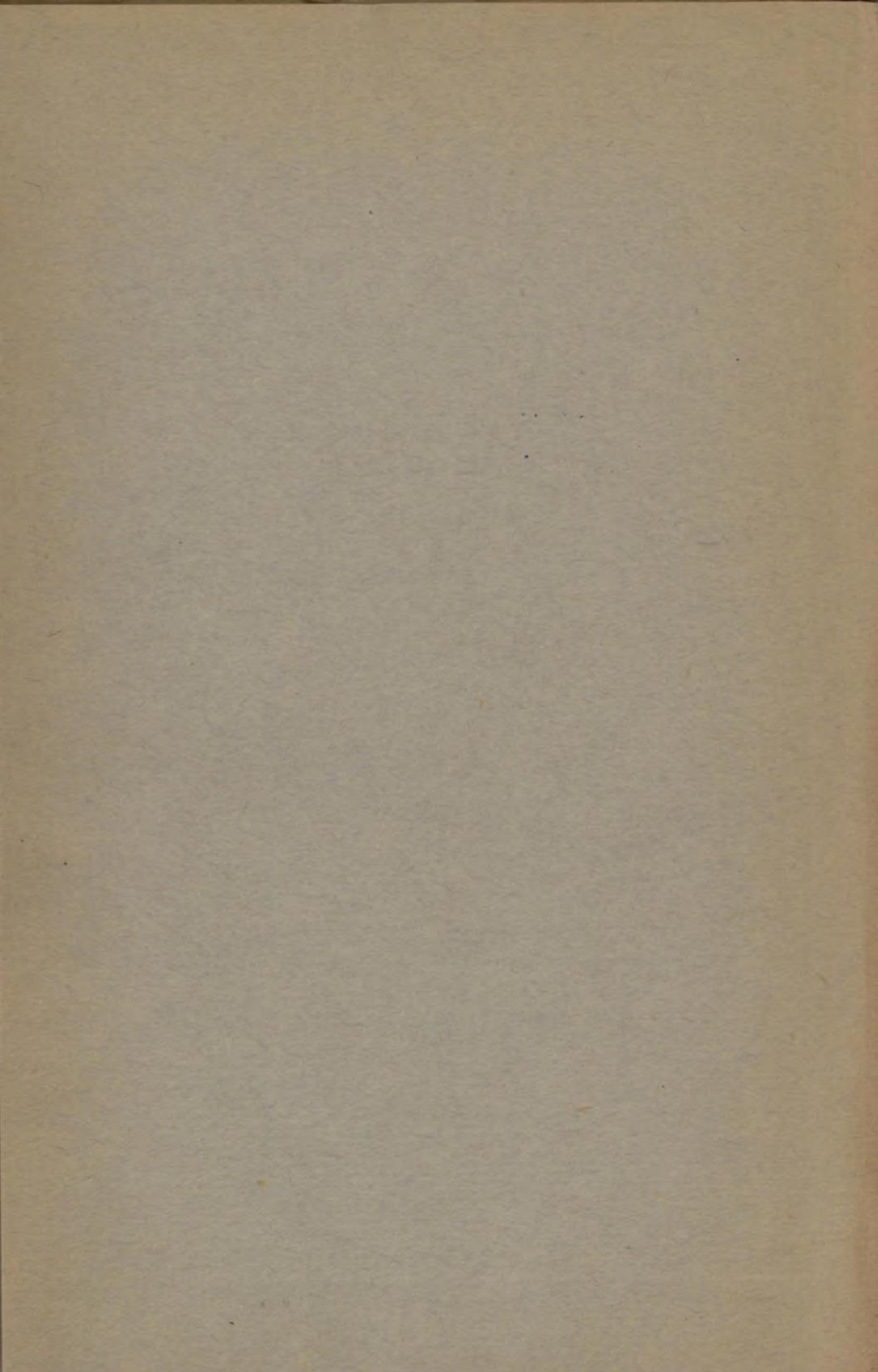
СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Введение	3
I. Основное в дарвинизме	10
II. Дарвин как ученый	28
III. Отход от религии	44
IV. Разрушение телеологии	58
V. Вопрос о случайности	73
VI. Стыдливый атеизм	86
VII. Корни «агностицизма»	99
Заключение	111

Редактор издательства В. Ф. Мирек. Подписано к печати 4/III 1941 г. Ризо № 1697-540 А36504. Объем 7¼ печ. л. и 1 вкл. 7,82 уч.-изд. л. Тираж 10000 экз. Цена книги 3 р. 75 к.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Валовая, 28. Заказ № 4855.

п. 53 г.

56

86

08

Цена 3 руб. 75 коп.

16

16